

АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯНСКОГО ЮГО-ВОСТОКА

Министерство образования РСФСР
Воронежский ордена «Знак Почета»
государственный педагогический институт

АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯНСКОГО ЮГО-ВОСТОКА

Археология славянского Юго-Востока: Материалы к межвузовской научной конференции. — Воронеж: Воронежский пединститут, 1991. — 112 с.

Сборник, подготовленный Белгородским пединститутом, содержит статьи по актуальным проблемам славянской археологии Юго-Восточной Европы. Публикуются материалы черняховской, пеньковской, роменской и древнерусской культур (могильник у с. Родной Край, селища Занки, Таранцево, городища Донецкое, Хорошевское, Белавежа, Городок (Путивль) и др.

Раскрывается процесс образования государственной территории и этнического ядра Переяславского княжества. Реконструируются социальные отношения у алано-болгарского населения Подонья-Приазовья и связи его со славянами в VIII—X вв. Позднесредневековая тематика представлена исследованием по типологии оборонительных сооружений Белгородской черты XVII в.

Для археологов, историков, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов, учителей, музееведов, работников организаций, учреждений и органов охраны памятников истории и культуры.

Редакционная коллегия:

Дьяченко А. Г., канд. ист. наук (отв. редактор), **Пряхин А. Д.**, докт. ист. наук, **Сухобоков О. В.**, канд. ист. наук, **Шрамко Б. А.**, докт. ист. наук, **Петренко Е. Н.** (отв. секретарь).

Рецензенты:

Синюк А. Т., докт. ист. наук (Воронежский пединститут), **Винников А. З.**, канд. ист. наук (Воронежский университет).

ИРАНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫЧЕСТВЕ

(история изучения)

Вопрос об иранских элементах в славянских верованиях обычно рассматривался в контексте проблемы славяно-иранских этнокультурных связей и их роли в этногенезе славян. При этом одни исследователи говорили об иранском влиянии вообще, другие же — о скифском или скифо-сарматском.

Пожалуй, впервые писал о скифском влиянии на славянское язычество русский ученый П. Прейс (Прейс, 1841, с. 33—44). Он сопоставлял бога солнца Хорса с авест. *xvaga xsaeta* — «великое солнце», Симаргла (принятого им за двух богов — Сима и Ргла) — с библейскими семитическими божествами Асимаф и Нергел и Санергом из боспорской надписи Комоссарии, Мокошь — с Астартой той же надписи. По его мнению, культы этих божеств скифы навязали подвластным им славянам.

Вывод П. Прейса об иранском происхождении Хорса был принят почти всеми последующими историками славянского язычества. К мысли о скифских корнях Симаргла и отчасти Мокоши наука впоследствии вернулась уже на более высоком методическом уровне.

И. Гануш выделял в религии славян (в духе модной тогда теории индийской их прародины) «индийские» и «иранские» элементы. К последним он относил дуалистический культ Белбога и Чернобога, культы воинственных солнечных богов (Святовита и др.) и солярные праздники. И. Гануш также впервые заметил, что у славян и иранцев, в отличие от других индоевропейцев, слово «див» означает не бога, а злого демона (Hanusch, 1842, с. 92, 145—205).

Выводы И. Гануша в большинстве своем были отброшены позднейшими исследователями как крайне наивные и методологически слабые. Однако некоторые из них заслуживают внимания. Таково мнение об иранских корнях славянского религиозного дуализма, повторенное позднее А. Ф. Гильфердингом

и Я. Розвадовским (Гильфердинг, 1868, с. 225; RozWadowski, 1915, с. 96)*.

Мифы о близнецах-демиургах имеют универсальный характер, а соответствующий славянский миф носит следы урало-алтайского влияния. Однако из всех индоевропейцев лишь у иранцев и славян близнецы-демиурги являются верховными божествами. Следы подобного мифа имеются и у индийцев (Золотарев, 1964, с. 276—282; Драгоманов, 1892, с. 257—314).

Небезосновательным может оказаться сопоставление И. Ганушем Святовита с иранским Митрой. Восточнославянский Род, в отличие от своего западного соответствия — Святовита, чисто мирное божество. Не позаимствованы ли воинские черты Святовита от славянского Дажьбога или иранского Митры-Гойтосира?

Собранные же И. Ганушем славяно-иранские параллели в области солярных праздников не выходят за рамки типологических (кроме, разве что, роли крашенных яиц в весеннем празднике).

Ф. Г. Бергманн отождествлял скифского Таргитая (по его мнению, бога солнца) со славянскими Белбогом, Святовитом и т. п. (Bergmann, 1858, с. 42). Н. А. Котляревский в рецензии на книгу Ф. Г. Бергманна (Котляревский, 1859, с. 127—137) весьма критически оценил его выводы, построенные на произвольных этимологиях. В то же время Котляревский впервые сопоставил скототский генеалогический миф (Herod., IV, 5—7) со славянским материалом (мифы о небесном плуге, боге солнца — сыне бога неба и предке народа). Близкие мысли в наше время высказывает Б. А. Рыбаков.

А. Ф. Гильфердинг, развивая идеи И. Гануша, отметил важную славяно-иранскую изоглоссу: замену общеиндоевропейского обозначения божества «див» термином «бог» с низведением прежнего термина до значения злого духа. Это явление он связывал с реформой Заратуштры, якобы затронувшей и «среднеазиатскую прародину» славян, но при этом верно указывал, что иранское влияние было не слишком глубоким: старые теонимы Див и Дивия дожили до эпохи Киевской Руси (Гильфердинг, 1868, с. 254—255).

В то же время В. Ф. Миллер установил родство иранского мифологического и право-

* В 20—30-х гг. XX в. эту теорию довели до крайности Я. Пейскер и И. Пилар, считавшие древних славян зороастрийцами. Видный сербский фольклорист и религиовед В. Чайканович справедливо отверг эти взгляды, указав, что засвидетельствованное у славян поклонение злему богу (наравне с добрым) противоречит учению Заратуштры (Чайканович, 1973, с. 352—355).

вого термина «Митра» и славянского «мир» — 'община' (Miller, 1876).

Д. Я. Самоквасов, считая славян потомками скифов, отмечал ряд сходных, по его мнению, черт скифской и славянской религии: отсутствие жрецов, храмов, жертвенников и идолов, сильное влияние колдунов, способ удавления жертвенного животного, роль вина и крови при клятве, погребение царя со слугами, ритуальное самоувечие при похоронах, поминки через год, роль 40-дневного срока в погребальной обрядности. Он также сопоставлял скифский пантеон со славянским, не указывая, однако, конкретных соответствий (Самоквасов, 1884, с. 53—69; 1887, с. 197—200). Перечисленные параллели в большинстве своем малодоказательны. Некоторые из них (влияние колдунов, погребальное «лицедраие») универсальны. Уровень организации славянского культа исследователь явно принизил. Остальные параллели, возможно, заслуживают внимания, хотя относятся к мелким деталям ритуала.

Из исследователей начала XX в. можно указать А. А. Погодина, выводившего имя Хорса из иранского названия петуха — птицы солнца, и Н. М. Гальковского, впервые сопоставившего загадочного Симаргла с иранским Симургом (Зеленин, 1909; Гальковский, 1916, с. 33).

В целом исследователи XIX — начала XX вв. (кроме лингвистов, о которых см. ниже) лишь начали разработку данной темы. Правильно подмеченные ирано-славянские и скифо-славянские религиозные параллели нередко объяснялись в духе ныне устаревших концепций происхождения славян. Археологические источники не использовались. Отсутствовала надежная лингвистическая база. Она появилась лишь после установления лингвистами конца XIX — начала XX вв. ираноязычия скифов. Теперь можно говорить о влиянии ираноязычных скифов и сарматов на культуру и язык их славянских соседей (возможно, скифов-пахарей Геродота), но не о происхождении славян от собственно скифов или о переселении славян из Средней Азии.

В результате работ лингвистов первой половины и середины XX в. составлен весьма внушительный список славяно-иранских сходжений в области религиозно-мифологической терминологии (Jakobson, 1950; Зализняк, 1962, с. 34—44; Бирнбаум, 1987, с. 229—230, 309—310, 315). Но среди них в этой области нет единодушия. Так, М. Фасмер оспаривает иранское происхождение некоторых таких терминов (Фасмер, 1964—1973, т. I, с. 316, 353; т. II, с. 635; т. IV, с. 320, 573). И. Графенауер отвергал иранское происхождение слова «бог», руководствуясь не столько лингвистическими соображениями, сколько концепцией «прамонотеизма» (Graefenauer, 1952). О. Н. Трубачев вообще подверг «про-скрипции» весь список, кроме слова «бог» (теонимов исследователь не касался). Согласно его взглядам, предки западных славян заимствовали от иранцев ряд социальных и

религиозно-мифологических (szatrzyc — 'знать', 'колдовать', гагог, poczwaga) терминов, а предки восточных славян — лишь некоторые хозяйственные термины (Трубачев, 1967).

После 1917 г. над выявлением иранских черт у славянских божеств работали, помимо лингвистов, многие, преимущественно советские, исследователи — историки, археологи, этнографы. Важнейшим достижением этого периода в области методики исследования следует считать синтез данных археологических, этнографических и письменных источников по изучаемому вопросу.

Начало такому синтезу положил в 1921 г. В. А. Городцов, обративший внимание на удивительное сходство изображений богини с одним или двумя всадниками в русских вышивках и на исследованных М. И. Ростовцевым скифских и дако-сарматских памятниках. Скифские и дунайские изображения позволили В. А. Городцову открыть в русских вышивках целый мир мифологических образов. Великая Богиня — повелительница всех трех сфер мироздания и их обитателей; верховный бог света, которому адорирует богиня ее «прибоги» — воинственные боги-всадники-цари, получающие власть от богини. Но эти примечательные славяно-скифо-сарматские параллели исследователь пытался объяснить с позиций устаревшей даже в его времена теории дунайской прародины славян (Городцов, 1926).

Исследование В. А. Городцова послужило началом весьма плодотворной работы по расшифровке семантики русской вышивки. Но вопрос о ее скифо-сарматских корнях все более отходил на задний план.

По мнению Л. А. Динцеса, славянская богиня (на вышивках и средневековых глиняных фигурках) заимствовала от скифской лишь костюм; атрибуты власти в ее руках заменил младенец, а прибогов-всадников — животные-тотемы (Динцес, 1936, с. 46—47). Влияние скифов на облик славянской богини таким образом, преуменьшено, а сам образ чрезмерно архаизирован (тотемизм для славян скифского времени был уже пройденным этапом).

Согласно выдвинутой в 40-ых годах гипотезе Б. А. Рыбакова и С. П. Толстова, в основе хорезмийских, сарматских, боспорских и древнерусских царских и княжеских тамг лежит известное по вышивкам русских и их финноязычных соседей изображение богини на сдвоенных протомах коней (Рыбаков, 1940, с. 234; Толстов, 1947, с. 51; Толстов, 1948, с. 184—187). Однако исследователь причерноморских тамг В. С. Драчук отверг эту гипотезу. При этом он то выводит боспорский царский знак из изображений трезубца Посейдона, то вообще отрицает возможность расшифровки семантики тамг из-за их стилизованности (Драчук, 1975, с. 61—64).

Образ божества (обычно женского) между двумя разнообращенными протомами коней известен в искусстве как иранцев (обы-

гателей Луристана, скифов, сарматов, саков), так и древних славян; иногда божество заменяет мировая гора или мировое дерево (Лебеков, 1971, табл. XXIII, а-в; Акишев, 1978, с. 46—47). П. Н. Шульц отметил сходные изображения копья (стрелы) между двумя конскими головами на коньках украинских кат и позднескифских жилищ (Шульц, 1957, с. 91—93). Богиня, копьё (стрела), гора, очевидно, эквиваленты мирового дерева.

В 1948 г. Б. А. Рыбаков нашел ряд промежуточных звеньев между русскими вышивками и скифо-сарматскими изображениями богини с конями или всадниками: антские и древнерусские украшения, Бушский рельеф начала н. э., Збручский идол (Рыбаков, 1948). Но А. К. Амброз отверг скифо-сарматское происхождение этого сюжета, полагая, что исконными у славян являются изображения богини с конями — вариант универсального образа «владычицы зверей», а всадники появляются лишь под влиянием икон Георгия Победоносца (Амброз, 1966). Схему Амброза специалист в области русской вышивки В. А. Фалеева оценила как умозрительную и надуманную (Фалеева, 1973, с. 122). Однако скифо-сарматское происхождение сюжета отрицает и Е. Е. Кузьмина, указывая на общинно-европейский характер образа богини с двумя близнецами-всадниками (Кузьмина, 1977, с. 39, прим. 18).

Думается, все же, что поиски скифо-сарматских элементов славянского образа богини со всадниками стоит продолжить. Важный материал здесь могут дать древнерусские изображения парных святых всадников (Флора и Лавра, Бориса и Глеба) и легенды о них.

В 1925 г. А. Калмыков удачно сопоставил изображения змееногого женского божества в скифских древностях и на древнерусских амулетах-змеевиках (Kalmykow, 1925, с. 70). Г. К. Вагнер показал, что, хотя русские змеевики происходят от аналогичных византийских амулетов, их семантика была переосмыслена на основе местных верований: змеидева рассматривалась как благое божество, а не демон (Вагнер, 1961). В. П. Петров и М. Л. Макаревич обнаружили изображение змеидевы на браслете XII—XIII вв. из Киева*, отметив при этом местные, восходящие к энеолиту корни этого образа (Петров, Макаревич, 1962). Б. А. Рыбаков показал, что змееногие женские персонажи в русской вышивке — это роженицы (божества плодородия), их «змееновость» передает позу роженицы (Рыбаков, 1981, с. 482).

Очевидно, о скифском влиянии на образ может свидетельствовать не сама змееновость, характерная для хтонических персонажей в мифологии Греции, Индии и др. (Mode, 1977, с. 100—116, 250, 260), а более специфические

детали: крылья, наличие нескольких пар змеиных «ног» — хвостов с головами зверей на концах.

Р. Якобсон отмечает ряд сходных черт славянской Мокоши (Матери Сырой Земли) и иранской Ардвисуры Анахиты: эпитет «сырая», связь с влагой, семенем, деторождением, овцеводством (Jakobson, 1950, с. 1027). Мать Сыра Земля близка и к скифской Апи — богине земли и воды. Разумеется, здесь, как и в других вышеописанных случаях, можно говорить об иранских (скифских) элементах, а не о заимствовании образа в целом.

Внимание советских исследователей привлекал и образ Хорса-Дажьбога. В. И. Абаев в 1949 г. предложил новую этимологию имени Хорса: от осет. *xwarz* — 'добрый', 'хороший' (Абаев, 1949, с. 595—596). Б. А. Рыбаков, не отвергая иранской этимологии имени Хорса, указывает на наличие в славянских языках (и в греческом) группы близких слов, означающих круг (рус. «хоровод», болг. «хоро», греч. «хорос» и др.). Поэтому он не исключает, что эта изоглосса выходит к предполагаемой славяно-греко-арийской общности эпохи энеолита (Рыбаков, 1981, с. 433—434; 1987, с. 440).

Н. И. Кондорский отметил у славян и иранцев сходное представление об огне (Атар, Огонь Сварожич) и солнце (Митра, Дажьбог) как о детях верховного бога неба — Ахурамазды, Сварога (Кондорский, 1928, с. 77).

С. П. Толстов (вслед за В. В. Стасовым и В. Ф. Миллером) предположил иранское происхождение былинного Ильи Муромца. По мнению исследователя, в основе образов Ильи Муромца, Еруслана Лазаревича, Рустама, «Геракла» скифской этногонической легенды, Али шиитских легенд, хазарского богатыря Ильяса, сына Михраса (у Фирдоуси) лежит один мифологический образ сарматского происхождения. Его имя С. П. Толстов реконструировал как Элья, Айрья (герой), что, якобы является эпитетом Митры—Михра. Он также предложил взамен традиционной этимологии имени Сварога (из инд. *svarga* — 'небо') новую — из сарматского* *swair* — солнце (Толстов, 1947, с. 51—54). Но Илья Муромец (как и Рустам, Еруслан, скифский и греческий Геракл) — скорее земная ипостась общинно-европейского громовика-змееборца; солярных черт у него нет. Сюжет «Бой отца с сыном» (связанный с Ильей, Ерусланом, Рустамом) универсален. У Сварога солярные черты имеются (отец солнца), но отнюдь не преобладают. Поэтому соображения С. П. Толстова, в отличие от мнения Н. И. Кондорского, не выглядят обоснованными.

Сопоставление данных Геродота с восточнославянским фольклором позволило Б. А. Рыбакову сделать смелый вывод о принадлежности первой (сколотской) версии скифской этногонической легенды лесостепным праславянам скифского времени и о соответствии Таргитая и Колаксия Сварогу и Дажь-

* Р. С. Орлов видит здесь орла — символ Христа (Орлов, 1976, с. 166—168), а Б. А. Рыбаков — Симарглу (Рыбаков, 1987, с. 714). Но этому противоречит наличие двух пар змеиных «ног».

богу (Рыбаков, 1979, с. 229—238; 1981, с. 536—595; 1987, с. 40—45). Иранский характер собственных имен и этнонимов он объясняет сильной иранизацией лесостепного населения. Однако сходство этой легенды с другими, безусловно степными, версиями скифского этногонического мифа (Раевский, 1977) требует более тщательного выделения иранских элементов в реконструируемом славянском мифе. Б. А. Рыбаков же, по сути, ограничивает эти элементы иранскими именами, и то с оговорками.

Л. А. Лелеков выдвинул интересную трактовку русского иконописного сюжета «Чудо о Флоре и Лавре» (Лелеков, 1971; 1978, с. 10—15, 23, 28). По его мнению, изображения этих святых с конями в поводу, фланкирующих фигуру архангела Михаила, восходят к изображениям Митры с его спутниками — Каутом и Каутопатом. Можно добавить, что совпадают цветовые оппозиции на упомянутых иконах и митраистских фресках: красный плащ центрального персонажа, зеленый и красный — его спутников (Campbell, 1968, с. 39—40). Но в народных верованиях восточных славян архангел Михаил — громовик, а не солярное божество (Чубинский, 1872, с. 19). Свидетельство славянского фольклора значит здесь больше, чем ссылки Л. А. Лелекова на западноевропейских и еврейских мистиков, отождествлявших Михаила с Христом и Митрой. Кроме того, композиция этих икон явно сходна с вышеописанным «чином» богини-оранты со всадниками. Безбородый ангел в длинной одежде и с воздетыми руками вполне мог ее заменить.

Л. А. Лелеков указал и некоторые другие интересные ирано-славянские параллели из области солярной мифологии. Так, прозвище некоторых князей «Долгорукие» совпадает по значению с иранским эпитетом солнечных богов (Митры и др.) и царей; символ Митры — голова быка на алтаре встречается в русской вышивке (Лелеков, 1978, с. 16, 36). Последнее наблюдение, впрочем, спорно: как показал Б. А. Рыбаков, эта вышивка изображает жертвоприношение быка или оленей в день громовика (Рыбаков, 1981, с. 55—56, 84).

В. Н. Топоров, развивая старую гипотезу В. Ф. Миллера о связи иран. «mitra» и слав. «мир», сопоставляет некоторые русские пословицы о мире (общине) с митраистскими представлениями и мифами (Топоров, 1973). Заметим, однако, что у славян слово «мир» не зафиксировано в качестве теонима.

В. И. Абаев сравнивал славянского Рода с осетинским божеством Наф — покровителем рода, но считал это сходство чисто типологическим. М. Д. Попович (1980, с. 85) на этом основании говорит об иранском происхождении Рода, необоснованно отвергая выводы Б. А. Рыбакова о нем как верховном боге неба, а не родовом божестве типа домового.

В. И. Абаев выдвинул также оригинальную гипотезу о происхождении фольклорного образа Вия, сохраненного Н. В. Гоголем. Он сопоставил это смертоносное подземное божество

с иранским Ваю — богом ветра и смерти и осетинскими вайюгами (одноглазыми великанами, иногда стерегущими вход в царство мертвых) (Абаев, 1958; 1965, с. 1—113, 117). О. Н. Трубачев, однако, отвергает связь Вия с Ваю (Трубачев, 1967, с. 42—43). Работы В. В. Иванова показали, что с ромные веки («ви») гоголевского Вия — мифологически значимая деталь. Слепота другие дефекты зрения) характерна для злых мифологических персонажей, связанных со смертью и потусторонним миром (Иванов, 1971; 1973а; 1973б). Гипотеза В. И. Абаева нашла поддержку у Г. М. Бонгарда-Левина и Э. А. Грантовского. По их мнению, Ваю Вий—вайюг хорошо вписывается в круг скифских и общеиранских представлений о краем Севере — подземное жилище ветра в пещерах, путь к которому охраняют одноглазые аримасы (Бонгард-Левин, Грантовский, 1968, с. 77—84). Можно добавить, что в украинских поверьях фигурирует и подземный повелитель ветров, держащий на себе землю (Чубинский, 1872, с. 33, 36). Возможно, именно его изображает подземный «атлант» на Збручском идиоле. Правда, М. Фасмер и Р. Пирхеггер выдвигают имя бога ветров Стрибога из иран. *striβga* — 'возвышенный бог' (Фасмер, 1964—1971, т. III, с. 777). Но такой эпитет вряд ли подойдет к злому хтоническому богу ветра, облик которого вырисовывается из сопоставления славянских и скифских данных.

Чешский лингвист В. Махек установил иранское происхождение крылатого существа славянской мифологии — Рарога, имя которого родственно ир. *vardgan* — хищная птица, воплощение Веретрагны. С Веретрагной Рарога сближают и другие черты — хищная птица, дух вихря, оборотень (Махек, 1941). Р. Якобсон и М. Гимбутас, разделяя этот вывод, отождествляют с Рарогом Сварога (Jakobson, 1950, с. 1026; 1970, с. 615—616; Gimbutas, 1967, с. 749). Первый, кроме того, сближал с Веретрагной, как четырехипостасным богом войны и мужской силы, четырехипостасных западнославянских богов на «-вит» (Святовит, Яровит, Руевит, Поревит), связанных с войной и плодородием (Jakobson, 1950, с. 102—1027), вторая — Сварожича и Яровита (Gimbutas, 1967, с. 751). Предположения обоих авторов весьма натянуты, тогда как мнение В. Махека хорошо подкрепляет тот факт, что Рарог часто выступает в образе огнезмея (ипостась Перуна). Святовит-Род является верховным богом неба, а Сварожич и Яровит — божества солярные (восточнославянские Дажьбог и Ярила), а не грозовые.

О. Н. Трубачев предполагает заимствование западными славянами у иранцев мифа о борьбе Веретрагны (Рарога) с чудовищем. В иранских источниках этот миф не сохранился, но установлено тождество Веретрагны с индийским громовиком-змееборцем Индрой (Трубачев, 1967, с. 64—71). Однако миф о единке громовика и змея — общендоевропейский, так что славяне могли заимствовать у иранцев лишь имена его героев. С точки зрения

ния индоевропейского родства должна быть оценена и попытка М. Гимбутас (*Gimbutas*, 1967, с. 750—751) сблизить с четырехипостасным богом Зерваном Сварога, Триглава (бога трех вертикальных миров) и четырехликого идола из Иванковцев (ср. четырехликие Янус, Брахма и др.).

О. Н. Трубачев выводит болг. «самодива» из иран.* *asma-daiva* — 'небесное божество' (Трубачев, 1971). Но он не находит конкретных иранских аналогий самодиве, имя же этой болгарской нимфы-валькирии выводится и из славянского (Dukova, 1979, с. 13).

Мало исследован в современной историографии вопрос о скифо-сарматских корнях образов «звериного стиля» Древней Руси. С. П. Толстов предполагал, что лев был тотемом сарматов и хорезмийцев и что с влиянием этого тотемистического культа связаны изображения львов на владими́ро-суздальских рельефах (Толстов, 1947, с. 52). Позднее о заимствовании славянами иранского мифологического образа льва писала С. А. Плетнева, установившая, что в восточнославянских сказках лев, в отличие от других экзотических животных, фигурирует часто и в самых различных ролях, в том числе связанных с тотемистическими представлениями (Плетнева, 1978, с. 396).

Советскими археологами и искусствоведом много внимания уделялось расшифровке загадочного Симаргла. С иранским Симургом-сэнмурвом (крылатым псом, охраняющим древо жизни) его отождествляли еще Н. М. Гальковский и А. Калмыков, но широкое признание эта гипотеза получила лишь после работ К. В. Тревер, выделившей также скифские изображения сэнмурва (Тревер, 1933; 1937). Однако надежных свидетельств существования этого образа у славян она не привела. Лишь Б. А. Рыбакову удалось выделить бесспорные изображения Симаргла на памятниках древнерусской металлической пластики. При этом оказалось, что Симаргл в русском язычестве был преимущественно божеством земной почвы и плодородия и с течением времени получил более антропоморфный облик и чисто славянское имя «Переплут». Б. А. Рыбаков установил также энеолитические истоки образа — трипольские изображения летающих собак (Рыбаков, 1967; 1975, с. 40; 1981, с. 435—436; 1987, с. 442—444, 559—561, 624—625, 689—722). Древнерусские изображения Симаргла пытался выделить В. А. Богусевич, а также Е. С. Медведева и В. Н. Лазарев (Богусевич, 1961; Лазарев, 1958, с. 136). Но Г. К. Вагнер показал, что собранные В. А. Богусевичем изображения сходны не с иранскими сэнмурвами, а с западными изображениями драконов, с чем согласился и Б. А. Рыбаков (Вагнер, 1964,

с. 120—122; Рыбаков, 1967, с. 93). Заметим, что образы дракона и сэнмурва трудно разграничить и в скифском искусстве (Безсонова, 1977), а змей-дракон в древнерусском и русском народном искусстве и славянском фольклоре нередко имеет положительную окраску (Вагнер, 1960). Поэтому псы со змеиными хвостами в древнерусском искусстве с равным успехом могут изображать и Симаргла, и змея (Перуна). Т. Б. Ухова обнаружила в славянских книжных миниатюрах XIII—XVI вв. изображения сэнмурвов-симарглов, охраняющих древо жизни (Ухова, 1976).

Солянный характер древнерусских грифонов доказал Г. К. Вагнер (1960), но наиболее полно раскрыл их семантику Б. А. Рыбаков (1987, с. 624—645). Грифон («ног», «див») выступал в Древней Руси как медиатор между земным и небесным мирами, как посланец верховного бога неба и ездовое животное Дажьбога (изображавшегося в XII—XIII вв. в виде Александра Македонского, летящего на грифонах). Справедливо подчеркивая положительную окраску как слова «див» и многих родственных ему слов в славянских языках, так и изображений грифонов в древнерусском искусстве, Б. А. Рыбаков полагает, что негативный, злоеший образ дива (засвидетельствованный фольклором) — плод влияния христианства*. По его мнению, Симаргл-грифон был заимствован восточными славянами в скифское время, а Симаргл-сэнмурв — уже в древнерусское (из Ирана). Заметим, что сэнмурв с головой грифона был известен уже скифам (Безсонова, 1977; Тревер, 1933), а тождество дива и Симаргла ранее предполагал Д. С. Ворт (Ворт, 1971), Симаргла и грифона — А. Калмыков (Kalmykow, 1925, с. 69).

Г. К. Вагнер утверждал, что в скифском и древнерусском искусстве мифологическое содержание зооморфных образов исчезло, сменившись символической и эмблематизмом (Вагнер, 1976). Но новейшие исследования все более раскрывают, с одной стороны, мифологическую семантику скифского звериного стиля, с другой — языческий характер древнерусского искусства (работы Д. С. Раевского, Е. Е. Кузьминой, Б. А. Рыбакова и др.). Л. А. Лелеков видит общность скифского и древнерусского (а также восточнохристианского и мусульманского) «звериного стиля» в сохранении позитивно-магического значения образов зверей, в отличие от романского искусства, где они использовались лишь для отрицательных христианских аллегорий (Лелеков, 1976). Такой вывод в принципе верен, хотя позитивная магическая (и мифологическая) окраска зооморфных образов свойственна не только скифам и славянам. Наиболее же перспективным для раскрытия преемственности звериного стиля представляется исследование мифологического смысла отдельных образов с обязательным вычленением специфических скифо-славянских параллелей из схождений более универсального характера. При этом

* Здесь, однако, стоило бы учесть губительный, смертоносный характер образа грифона у скифов (Раевский, 1985, с. 159—160), а также негативную роль грифа как олицетворения кочевников на жаботинских пластинах VII в. до н. э. (Рыбаков, 1981, с. 550—556).

совершенно необходимо обращение к богатейшему славянскому фольклору.

Некоторые авторы делали попытки охарактеризовать иранское влияние в целом. При этом польский лингвист В. Брюкнер отрицал всякий иранский и вообще иноплеменный вклад в славянское язычество, не утруждая себя аргументами (Bruckner, 1918, с. 149—150), за что В. Ягич справедливо обвинил его в национализме (Jagic, 1920, с. 505). А. Калмыков использовал ирано-славянские параллели как доказательство решающей роли иранских начал в сложении русской государственности и «гибельности» для России разрушения этих начал в 1861 и 1917 гг. (Kalmykow, 1925). Чешский историк из Нидерландов З. Р. Диттрих пытался обосновать тезис, по которому лишь под влиянием сарматов славянская религия (якобы не знавшая до этого образов богов и находившаяся на уровне матриархальной религии трипольских племен) вступила в стадию политеизма (Dittrich, 1961), что неоправданно принижает уровень развития духовной культуры праславян и преувеличивает влияние иранцев на ее развитие. Весьма близкую концепцию выдвинул польский историк Ловмянский: до III—II вв. до н. э. славянский пантеон состоял только из низших духов и обожествленного неба (Сварога), а под влиянием скифского Зевса—Папая сформировался образ Перуна (на основе Сварога) и с этого началось развитие политеизма у славян (Lowmianski, 1979, с. 222—224). Эта концепция фактически воскрешает теорию «прамонотеизма» и в корне противоречит общинноевропейскому характеру Перуна, надежно установленному работами В. В. Иванова и В. Н. Топорова. Папай к тому же соответствует не Перуну, а Роду. Негативное отношение вызывают и взгляды польского археолога М. Цабальской (Religia..., 1968, с. 114—117), полагающей, что обряд трупосожжения, иранская религиозная лексика и другие параллели (культы огня и яйца, поликефалия богов, отсутствие храмов при богослужении в рощах и пещерах) укоренились у славян под влиянием буддизма, распространившегося из Индии через посредство скифо-сарматов. Археологическая несостоятельность одних и универсальный характер других «параллелей» здесь вполне очевидны. Наиболее обоснованными представляются вы-

воды Б. А. Рыбакова. Он, признавая иранское, вероятнее всего, скифское влияние на верования славян, указывает, что многие из славяно-иранских религиозных сходжений могут восходить к общинноевропейской эпохе, и, следовательно, это влияние означало не столько заимствование иранских представлений, сколько укрепление старых религиозных элементов, сходных с иранскими. Отсутствие среди славянских теонимов иранского происхождения имен скифских богов Геродота также не позволяет переоценивать скифское влияние на славянское язычество (Рыбаков, 1981, с. 436; 1987, с. 447—448).

Подводя итоги, отметим, что многолетние исследования показали наличие иранских элементов в образах славянских божеств (Великой Богини-Мокоши, Дажьбога-Хорса, Симаргла, Рарога, Дива, Вия, возможно, Белбога и Чернобога), некоторых зооморфных мифологических образах (Симаргла, льва, грифона), в славянской религиозной терминологии. При этом нынешнее состояние источников таково, что трудно проследить, какой именно ираноязычный этнос передал славянам тот или иной религиозный элемент: киммерийцы, скифы, сарматы, салтовские аланы или даже южные иранцы. Некоторые авторы недооценивают или преувеличивают иранское влияние на славянское язычество. Но объективные исследования показывают, что в ряде случаев иранские элементы лишь наслаивались на представления, восходящие к общинноевропейской эпохе и на проверку оказываются сходжениями более общего порядка. Нет оснований считать, что иранское (скорее всего, скифо-сарматское) влияние подняло славянское язычество на какой-то новый этап.

Наиболее важными и перспективными направлениями дальнейшего исследования вопроса представляются: выделение иранских элементов в славянском дуалистическом космогоническом мифе, в восточнославянских изображениях богини со всадниками, в семантике «звериного стиля» Древней Руси и в славянских представлениях о сакральности царской (княжеской) власти; разделение скифских и славянских элементов в восстановленном Б. А. Рыбаковым мифе о Свароге и Дажьбоге; выяснение времени проникновения к славянам конкретных иранских влияний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
2. Абаев В. И. Образ Вия в повести Н. В. Гоголя // РФ. 1958. Вып. 3.
3. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965.
4. Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки архангелского типа // СА. 1966. № 1.
5. Безсонова С. С. Образ собако-птаха у мистецтві Північного Причорномор'я скіфської епохи // Археологія. 1977. Вип. 23.
6. Бирибаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. М.: Прогресс, 1987.
7. Богусевич В. А. Зображення Сімаргла в древньоруському мистецтві // Археологія. 1961. Т. 12.
8. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1983.
9. Вагнер Г. К. Зооморфные изображения на древнерусских хоросах // КСИА. 1960. Вып. 81.
10. Вагнер Г. К. О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках // КСИА. 1961. Вып. 85.
11. Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польский. М.: Наука, 1964.
12. Вагнер Г. К. Судьба образов звериного стиля в древнерусском искусстве // Скифо-сибирский зве-

- риный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
13. Ворт Д. С. «Div-Simurg» // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.
14. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1.
15. Гильфердинг А. Древнейший период в истории славян // Вестник Европы, 1868, № 7.
16. Гордцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // ТрГИМ, 1926. Вып. 1.
17. Динцес Л. А. Русская глиняная игрушка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
18. Драгоманов М. Забележки върху славянските религиозно-етически легенди. П. Дуалистическото миротворение // СбНУ. 1892. Кн. VIII.
19. Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975.
20. Зализняк А. А. Проблема славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // ВСЯ. 1962. Вып. 6.
21. Д. З. [Зеленин Д. К.] Живая старина. 1909. Вып. 1. — Рец. на кн.: Погодин А. А. Лингвистические и исторические заметки о богах Владимира Великого. (Из сборника в честь А. И. Соболевского).
22. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964.
23. Иванов В. В. Об одной параллели к гоголевскому Вию // ТЗС. 1971. Вып. 5.
24. Иванов В. В. Категория «видимого» — «невидимого» в текстах архаических культур // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973 (а).
25. Иванов В. В. Категория «видимого» и «невидимого» в тексте: еще раз о восточнославянских параллелях к гоголевскому «Вию» // Structure of texts and Semiotics of culture. The Hague-Paris, 1973 (б).
26. Кондорский Н. И. Остатки культа богини-матери в современную эпоху // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2.
27. Котляревский А. Летописи русской литературы и древности. 1859. Т. 1. — Рец. на кн.: Bergmann F. G. Les Scythes les ancetres des peuples germaniques et slaves. Halle, 1858.
28. Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
29. Лазарев В. Н. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси // История русского искусства. М., 1958. Т. 1.
30. Лелеков Л. А. О некоторых иранских элементах в искусстве Древней Руси // Искусство и археология Ирана. М., 1971.
31. Лелеков Л. А. Наследие звериного стиля в искусстве средневековья и Древней Руси // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
32. Лелеков Л. А. Искусство Древней Руси и Восток. М.: Советский художник, 1978.
33. Орлов Р. С. Символика изображений на киевском браслете-наручи // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976.
34. Петров В. П., Макаревич М. Л. Об изображении на древнерусском браслете // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12.
35. Плетнева С. А. Животный мир в русских волшебных сказках // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
36. Попович М. В. Образ світу у давніх слов'ян // ФД, 1980. № 1.
37. Прейс П. Донесение П. Прейса г. министру народного просвещения из Праги // ЖМНП. 1841. № 4.
38. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1985.
39. Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // СА 1940. Т. 6.
40. Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве (женское божество и всадники) // СЭ. 1948. № 1.
41. Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут // СА. 1967. № 1.
42. Рыбаков Б. А. Макрокосм в микрокосме народного искусства // ДИ СССР. 1975. № 3.
43. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
44. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
45. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.
46. Самоквасов Д. Я. История русского права. Варшава, 1884. Вып. 2.
47. Самоквасов Д. Я. Генетическое, этнографическое сродство скифов и славян // Тр. V АС. 1887. Т. 1.
48. Толстов С. П. Из предистории Руси // СЭ. 1947. Т. 6—7.
49. Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Полиграфкнига, 1948.
50. Топоров В. Н. О семантическом аспекте митраической мифологии в связи с реконструкцией некоторых древних представлений // Semiotyka i struktura tekstu. Warszawa, 1973.
51. Тревер К. В. Сэмурв-паскудж, собака—птица. // ИГАИМК. 1933. Вып. 100.
52. Тревер К. В. Сэмурв-паскудж, собака—птица, Л., 1937.
53. Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических взаимоотношений // Этимология—1965. М., 1967.
54. Трубачев О. Н. Две болгарские этимологии. Самодива. Момчил // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
55. Ухова Т. Б. К вопросу о сущности и генезисе славянской книжной терминологии // Средневековая Русь. М., 1976.
56. Фалеева В. А. Женский персонаж в русской народной вышивке // Фольклор и этнография русского Севера. Л., 1973.
57. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964—1973. Т. I—IV.
58. Чајкановић В. Мит и религија у срба. Београд: Култура, 1973.
59. Чубинский П. П. Материалы и исследования этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край. СПб., 1872. Т. I. Вып. 1.
60. Шульц П. Н. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.) // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
61. Bergmann F. G. Les Scythes les ancetres des peuples germaniques et slaves. Halle, 1858.
62. Bruckner W. A. Mitologia Słowianska. Krakow, 1918.
63. Campbell L. M. Mithraic Iconography and Ideology. Leiden: Brill, 1968.
64. Dittich Z. R. Zur religiösen Ur- und Frühgeschichte der Slawen // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. 1961. Bd. 9.
65. Dukova U. Zur Frage des iranischen Einflusses auf die Slawische mythologische Lexik // ZISL. 1979. Bd. 24. № 1.
66. Gimbutas M. Ancien! Slavic Religion: a Synopsis // To Honor Roman Jakobson. The Hague — P., 1967. V. 1.
67. Grafenauer L. Ali je praslovanska beseda «bog» iranska izpojenka // SIE. 1952. Let. V.
68. Hanusch Z. J. Die Wissenschaft des slavischen Mythos. Wien, 1842.
69. Jagic V. Zur slavische Mythologie // AiSiPh. 1920. Bd. 37.

70. Jakobson R. Slavic Mythology // Funk and Wagnalls. Standard. Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. N. Y., 1950. V. II.
 71. Kalmykow A. Iranians and Slavs in South Russia // JAOS, 1925. V. 45, N 1.
 72. Szymanski H. Rnligia Slowian a jej upadek. Warszawa, 1979.

73. Macher V. Slav. rarog 'Vurgfalke und sein mytologischen. Zusammenhang // Linguistica Slovaca, 1941. T. III. Miller V. Arijski Mithra a Slovanski Mirь // HCC.1874.
 74. Rozadowski J. Stosunki leksykalne Slowiansko-iranske // RO, 1914—1915, Cz. 1.

Е. Н. ПЕТРЕНКО

НОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАСSEЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

В последние годы заметно оживился интерес к могильникам черняховской культуры. Одно за другим вышли в свет два фундаментальных исследования, посвященные анализу и систематике ее погребальной обрядности (Симонович, Кравченко, 1983; Никитина, 1985). Однако в обеих работах практически отсутствуют конкретные данные о северо-восточной окраине черняховского ареала. Это и не удивительно, ибо на территории Курской, Белгородской и Харьковской областей соответствующие памятники изучены очень слабо. Лишь три из них подвергались раскопкам, причем Пересечанский могильник исследовался еще до войны и его неопубликованные материалы утрачены (Луцкевич, 1948, с. 165), а Павлюковский и Замощанский не дают ясной картины (Шрамко, 1979, с. 9—12; Липкинг, 1979, с. 5—8). Настоящая статья вводит в научный оборот сведения о трех новых могильниках, из которых один (Родной Край) раскопан полностью и дал очень выразительный материал. Этот памятник был открыт В. Г. Бородуллиным в 1974 г., исследовался автором и Ю. В. Буйновым в 1978—1984 гг.*.

Могильник расположен в 600 м к северо-

востоку от с. Родной Край Золочевского района Харьковской области в пойме правого берега р. Уды (правый приток Северского Донца). Он занимает юго-восточную оконечность песчаного останца, ограниченного с востока современным руслом реки, с севера, запада и юга — старицей и болотами (рис. 1). Труднодоступность памятника обусловила его неплохую сохранность: он задернован, поверхность используется только для выпаса скота. Правда, по словам местных жителей, дюна однажды распахивалась. Но имеющиеся нарушения незначительны и не создают особых трудностей при интерпретации выявленных черняховских комплексов. Последние впущены в слой бондарихинского селища эпохи бронзы мощностью 0,6—1,0 м. По этой причине не удалось проследить контуры многих могильных ям, осталась неопределенной культурная принадлежность некоторых сооружений без находок.

Часть памятника, обращенная к реке, подмыта и уничтожена (рис. 2). Вскрытый участок достигает размеров более 1200 м², но территория, занятая погребениями, которых выявлено 14, не превышает 285 м² (рис. 3). Площадь разрушения составляет примерно

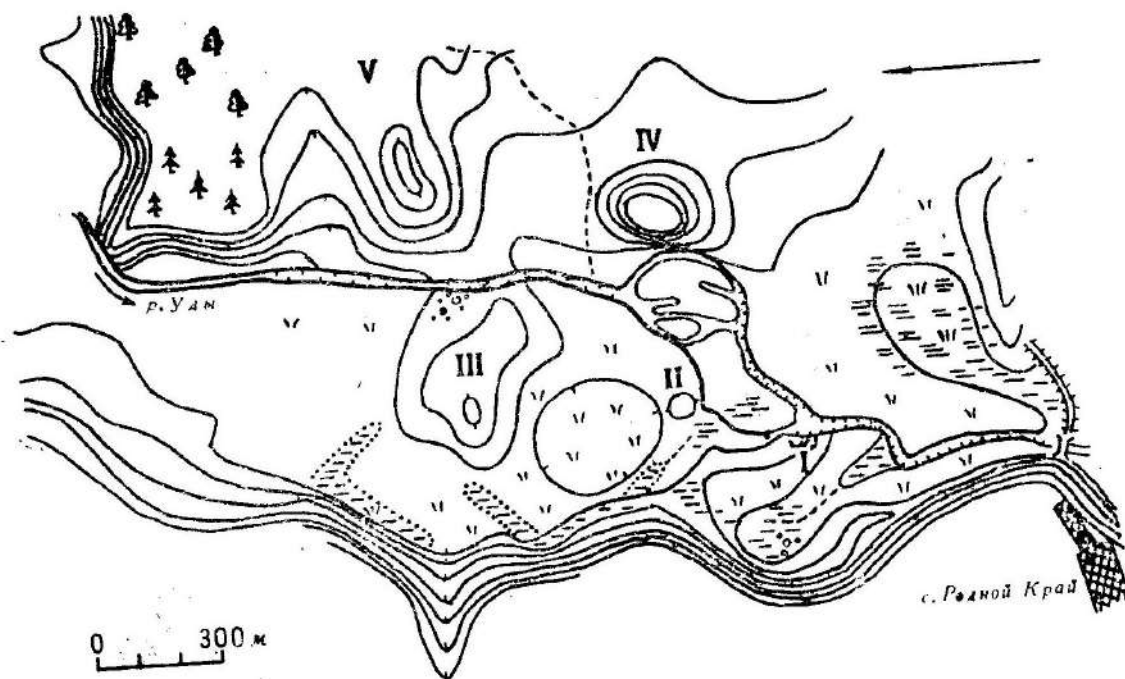

Рис. 1. Памятники черняховской культуры у с. Родной Край
Пункт I — могильник; пункты II—V — места находок черняховской керамики.

* Выражаем искреннюю признательность В. Г. Бородуллину и Ю. В. Буйнову за разрешение использовать их неопубликованные материалы.

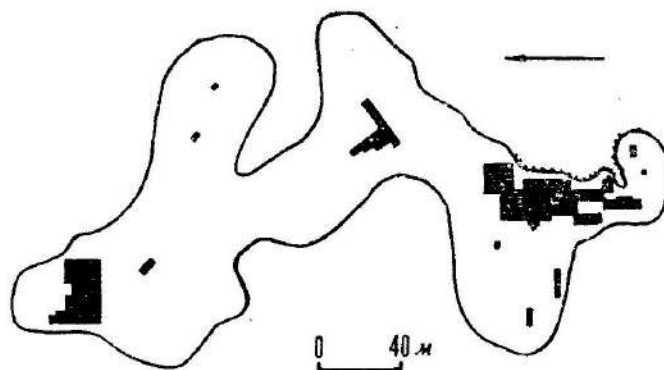

Рис. 2. Расположение раскопов, траншей и шурфов на песчаном останце (пункт 1) у с. Родной Край

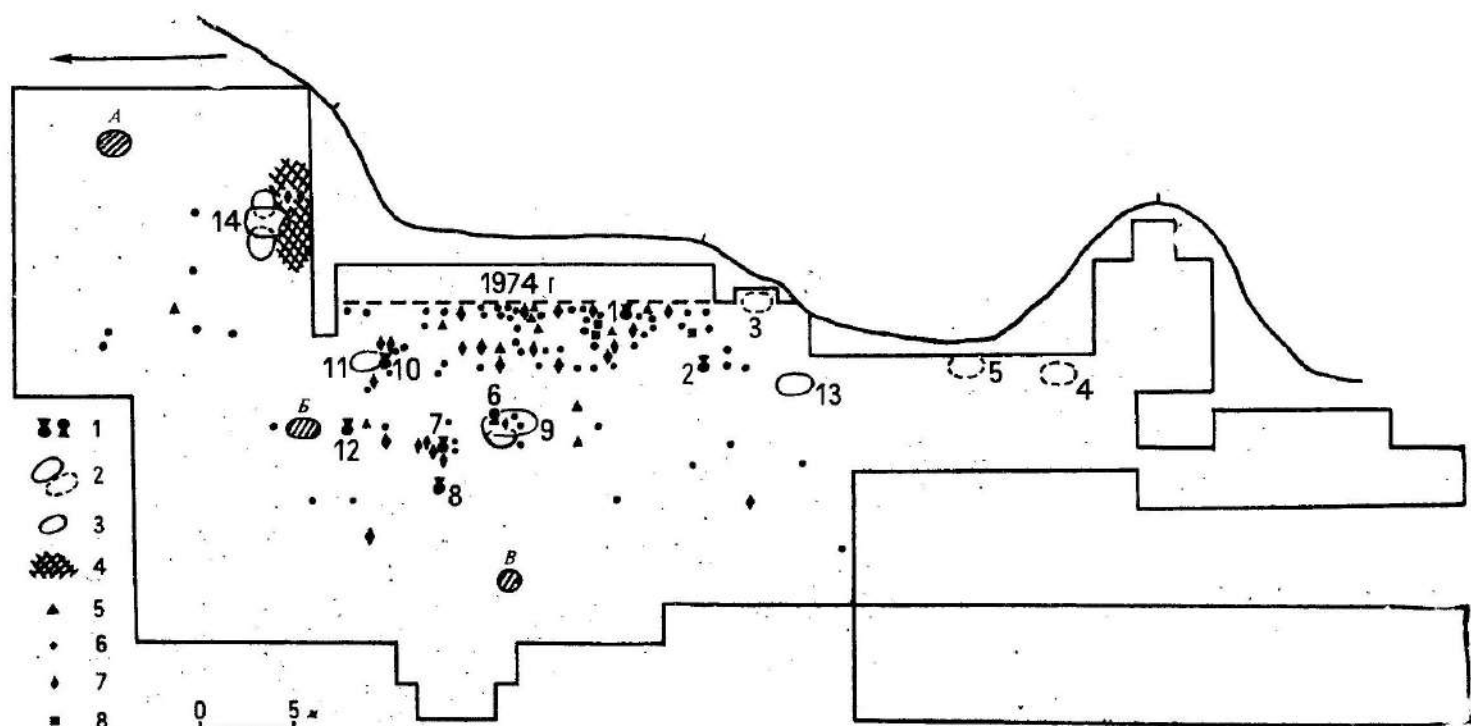

Рис. 3. План раскопа на могильнике Родной Край

Условные обозначения: 1 — трупосожжение; 2 — трупоположение; 3 — одиночные ямы; 4 — современный перекоп; 5—8 — черняховская керамика в слое: 5 — глубина 0—20 см; 6 — глубина 20—40 см; 7 — глубина 40—60 см; 8 — глубина 60—80 см.

150 м². Здесь могло быть еще 6—7 захоронений. Кладбище, следовательно, было небольшим и включало около 20 погребений.

Выявленные остатки черняховской культуры представлены тремя группами комплексов: погребениями, ямами, находками в слое. Первые по обряду и способу захоронения четко подразделяются на трупосожжения и трупоположения. И тех, и других найдено одинаковое количество — по семь.

Погребение № 1 — трупосожжение. Обнаружено на глубине 0,5 м (здесь и далее имеется в виду уровень дна урны или залегания костяка). Пережженные кости на три четверти заполняли лепной горшок (рис. 4, 1), причем остатки черепа помещены сверху. Они были накрыты обломками гончарной чернolощеной миски, имеющей на внутренней поверхности небрежно пролощенный крест (рис. 4, 2). С южной стороны вплотную к урне, на уровне ее плеча стояли грубое лепное дно со следами вторичного обжига и нижняя

часть гончарного желтолощеного кувшина (рис. 4, 3). Фрагменты последнего сосуда найдены в двух метрах к северо-западу и в шести метрах к северу от урны на глубине от 20 до 40 см (рис. 11). Они находились в пределах скопления большого количества керамики, окружающего погребение со всех сторон (на интерпретации данного факта мы остановимся ниже).

Погребение № 2 — трупосожжение. Найдено на глубине 0,3 м. In situ стояло дно гончарного шероховатого горшка, заполненное кальцинированными костями. В 1,5 м южнее, на том же уровне, обнаружены фрагменты верхней части того же сосуда, между которыми находились остатки кремации и обломки дна гончарной желтолощеной миски. Урна реконструируется почти полностью (рис. 4, 7). Интересно, что она носит следы вторичного обжига. Надо полагать, весь комплекс представлял захоронение в закрытой урне, потревоженное вспашкой (следы борозд

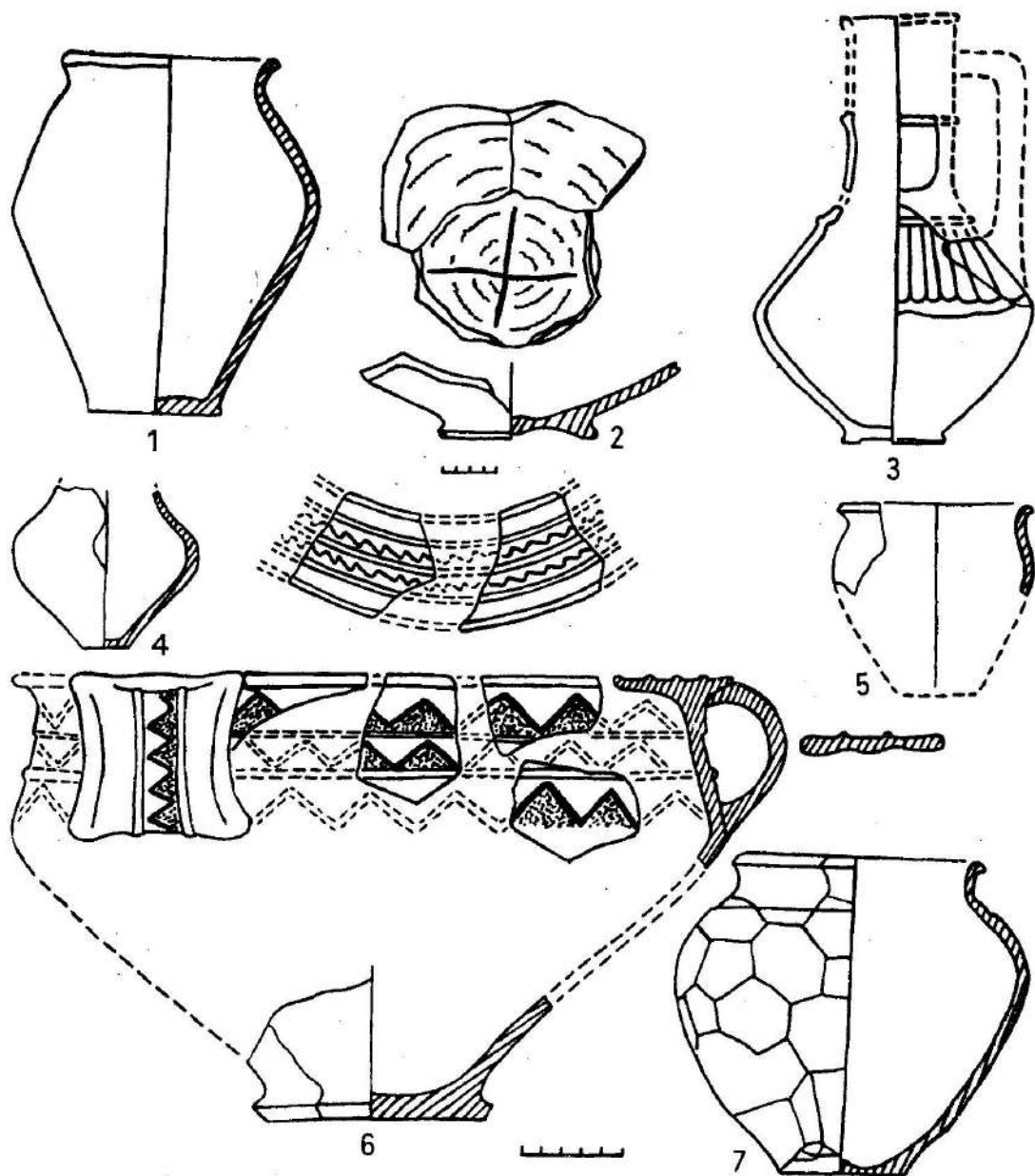

Рис. 4. Родной Край. Керамика
1—3 — погребение № 1; 4—6 — слой вокруг погребения № 1; 7 — погребение № 2

плуга фиксируются в раскопе в направлении север—юг).

Погребение № 3 — труположение с северной ориентировкой. Выявлено на глубине 0,8 м. Костяк лежал вытянуто на спине (рис. 5,1). Руки, согнутые в локтях и сжатые в кулак, покоились на тазовых костях. Череп повернут глазницами на восток. На нем стояла миска с плохим, местами отслоившимся лощением (рис. 5,9). К северу от нее помещалась еще одна — с частично отбитым верхом (рис. 5,11). Третья, отличающаяся крайне слабым обжигом (рис. 5,8), находилась восточнее черепа. Под второй миской лежал костяной гребень зубцами к черепу (рис. 5,4). Между бедренными костями найдена стоящая на ребре костяная подвеска с двусторонним циркульным орнаментом и отверстием, имеющим следы разложившейся железной заклепки или колечка (рис. 5,2). Видимо, она была прикреплена к подолу одежды либо ремешку, опускавшемуся с пояса. К востоку от костяка стояло еще 5 сосудов: в центре группы — гончарная желтолощенная миска-ваза (рис. 5,14), вокруг нее —

два кухонных гончарных горшка (рис. 5, 12, 13), лепная сероглиняная кружка (рис. 5,10) и прекрасного черного лощения гончарный узкогорлый кувшин (рис. 5,7). В миске-вазе и к северу от нее найдены две одинаковые двупластинчатые фибулы (рис. 5,3). На их пружинах сохранились остатки ткани, а иглы были в приемниках. Это наводит на мысль, что верхняя часть костяка и сосуды были накрыты плащом, заколотым фибулами. В 1 м южнее описанной группы сосудов стояла еще одна миска (рис. 5,6), а рядом лежало пряслице (рис. 5,5). Между этими группами находок помещались две кучки костей животных. Мелкие обломки трубчатых костей и челюсть свиньи встречены в мисках, стоящих у изголовья. Но нет полной уверенности, что они происходят не из слоя селища. Под костяком и возле него попадались угольки и кусочки мела.

Погребение № 4 — труположение — кенотаф. На глубине 0,6 м обнаружены 9 сосудов, стоящих в два ряда и ориентированных по линии север—юг, с незначительным отклонением к северо-западу (рис. 6,14). Первой

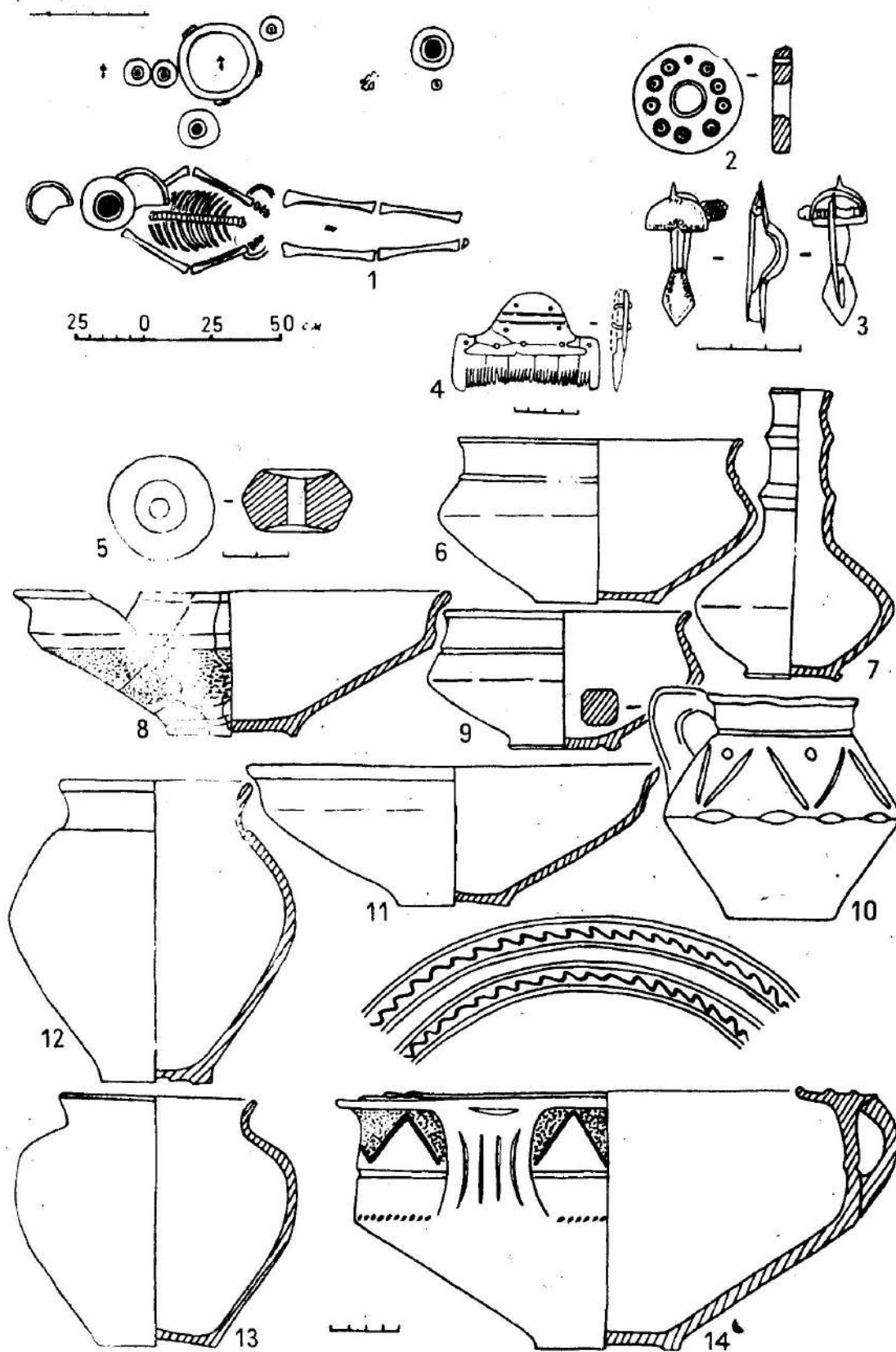

Рис. 5. Родной Край

План (1) и инвентарь (2—14) погребения № 3; 2,4 — кость; 3 — бронза;
5—14 — глина

с севера была большая чернолощеная миска (рис. 6,6), затем — глубокая миска серого лощения (рис. 6,2), внутри которой находилась маленькая серолощенная (рис. 6,3). Следующие 6 сосудов стояли парами: мискообразный сосуд (рис. 6,9) и шероховатый горшок (рис. 6,10), миска (рис. 6,5) и кувшин (рис. 6,1), чернолощеная совершенно почти не обожженная, раскисшая миска (восстановить ее не удалось) и подобная, но хорошего качества (рис. 6,8). Замыкал группу лоще-

ный горшок (рис. 6,7). Кроме того, еще одна мисочка стояла в 0,3 м к западу от центра группы (рис. 6,4). В юго-восточной части погребения найдены железный нож с остатками истлевшей деревянной ручки (рис. 6,13), бронзовый трубчатый игольник со следами деревянных крышечки и доньшка, а также приклепавшей внутри железной иглой (рис. 6,12), биконическое пряслице (рис. 6,11). К востоку от сосудов обнаружена кучка костей животного.

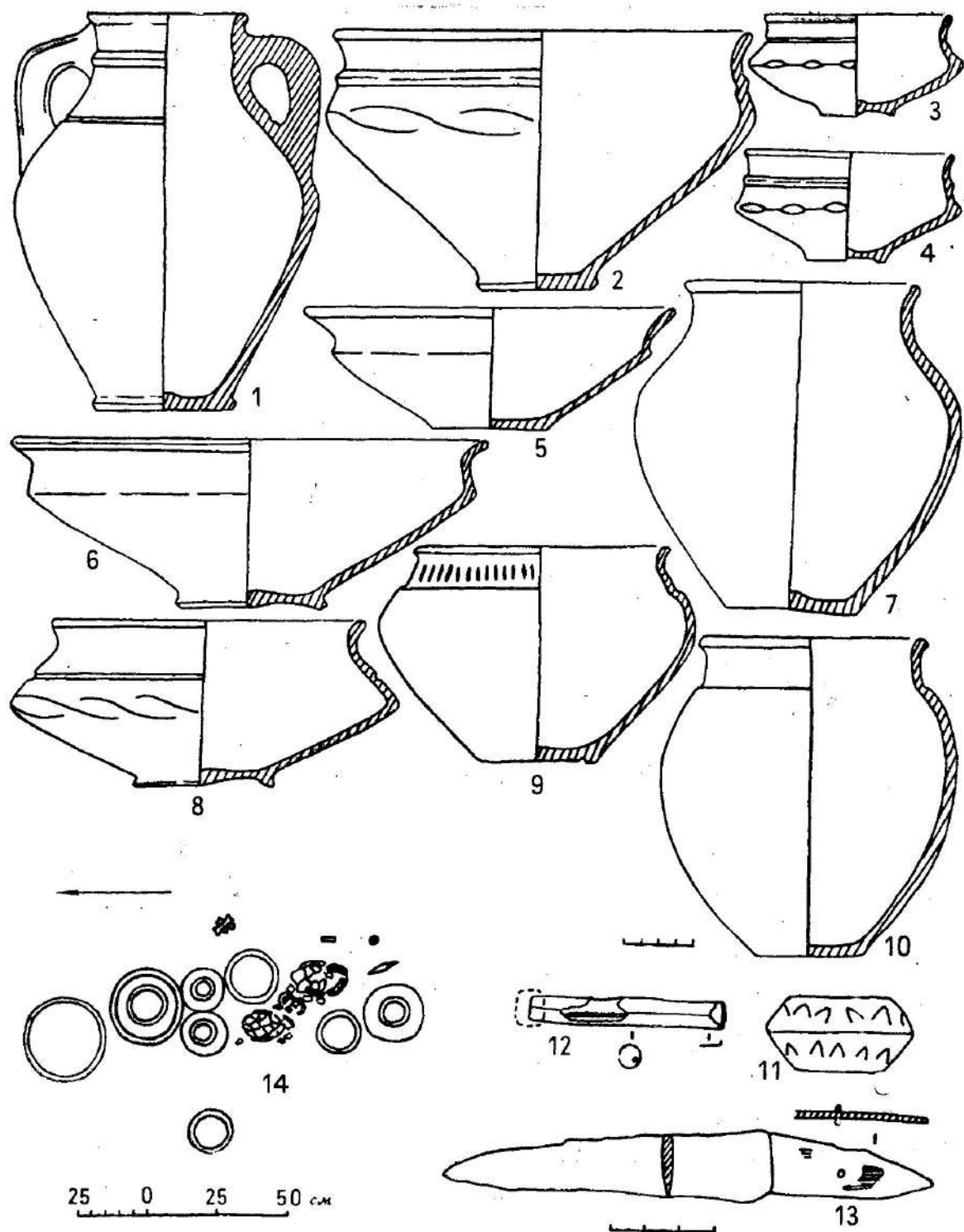

Рис. 6. Родной Край. План (14) и инвентарь (1—13) погребения № 4
1—11 — глина; 12 — бронза; 13 — железо

Погребение № 5 разрушено обрывом. На глубине 0,6 м по линии север—юг на расстоянии 0,4 м друг от друга лежали на боку устьем к востоку два гончарных шероховатых горшка (рис. 7, 1, 2). В 0,2 м севернее их замечены обломок черепной крышки и зуб взрослого человека. По-видимому, это было трупоположение.

Погребение № 6 являлось урновым захоронением-кенотафом. На глубине 0,4 м открыт небольшой горшок без костей, перевернутый вверх дном (рис. 7, 3). Находка сделана над трупоположением № 9 (рис. 8, 13).

Погребение № 7, по-видимому, детское. На глубине 0,4 м обнаружено скопление из трех фрагментов гончарных доньев разных сосудов. Под ними на глубине 0,5 м стояла

желтолощенная мисочка (рис. 7, 4), заполненная пережеванными косточками и накрытая намеренно оббитым дном.

Погребение № 8 открыто на глубине 0,4 м. Оно представляло миниатюрный шероховатый горшочек (рис. 7, 5) с мелкими кальцинированными косточками. Несколько косточек лежало и около сосуда. По всей видимости, это детское захоронение.

Погребение № 9 — трупоположение с северной ориентировкой (рис. 8, 13), совершенное в овальной яме размерами 3,05×1,1 м и глубиной 1,4 м. Его северо-западная часть перекрыта овальной ямой размерами 1,95×1,15 метра и глубиной 1,05 м. Заполнение этой ямы отличается от заполнения верхней части погребальной более темным цветом. Но ее дно

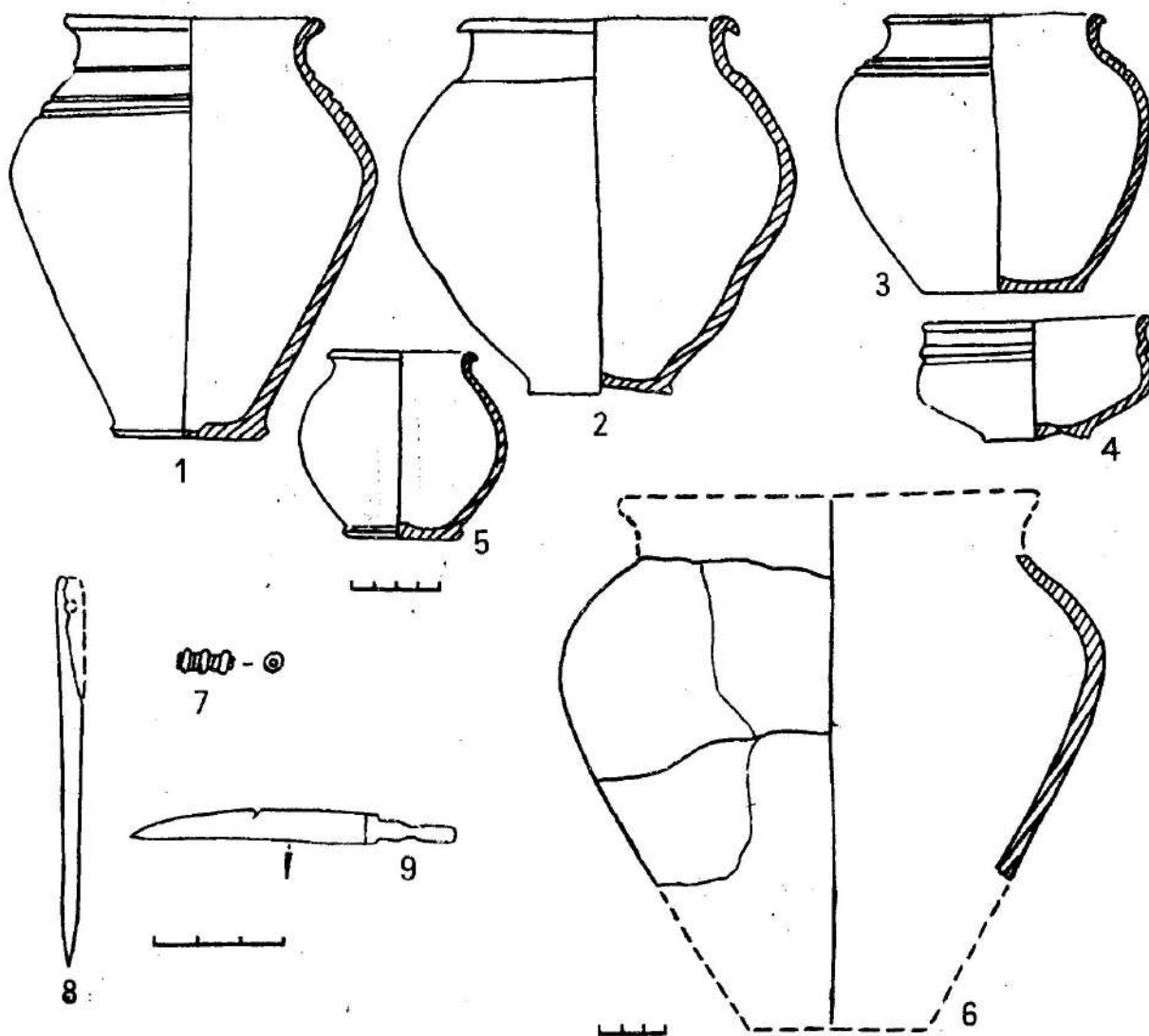

Рис. 7. Родной Край. Инвентарь погребений
1—2 — № 5; 3 — № 6; 4 — № 7; 5 — № 8; 6 — яма В; 7—9 — слой
1—6 — глина; 7 — стекло; 8 — кость; 9 — бронза

выходит на уровень, с которого прослеживается само погребение и сопровождающий инвентарь, так что четкой границы здесь не выявлено. Данное обстоятельство создает определенные трудности при интерпретации обоих комплексов: возможно, перед нами остатки плохо сохранившейся в песчаном грунте катакомбы или следы ритуальных действий над покойником. Последнее, по-видимому, более вероятно, поскольку костяк сохранился не полностью. *In situ* зафиксированы кости ног, левой руки и черепа. В области груди найден обломок костяного гребня (рис. 8, 11), а около левой голени — цилиндрическое пряслице (рис. 8, 12). В 0,3 м к востоку от черепа лежали кости животного. Южнее их по линии север—юг стояли 10 сосудов: 2 мискообразных (рис. 8, 5, 7), кувшин (рис. 8, 1), 3 горшка (рис. 8, 8—10), 4 миски (рис. 8, 2—4, 6). Вблизи скелета попадались отдельные угольки. Как уже упоминалось, данное погребение перекрыто трупосожжением № 6, находящимся над его северо-восточной частью (рис. 8, 13).

Погребение № 10 перекрывало трупоположение № 11 (рис. 9, 1). Оно выявлено на глубине 0,35 м и состояло из небольшого лепного горшка с незначительным количеством кос-

тей (рис. 9, 3). Сверху урна прикрыта развалом лепной полусферической миски (рис. 9, 4). Не исключено, что захоронение принадлежит ребенку.

Погребение № 11 открыто в яме неправильно-овальной формы размерами 2,45×1,8 метра и глубиной 1,05 м. Костяк плохой сохранности лежал вытянуто на спине головой на север (рис. 9, 1). Около его левой ступни стоял гончарный горшок (рис. 9, 2).

Погребение № 12 обнаружено на глубине 0,3 м. *In situ* стояло дно лепного сосуда, заполненное кальцинированными костями и перекрытое фрагментами лепной и гончарной посуды со следами вторичного обжига и без них. В 0,4 м восточнее найдены обломки тех же сосудов и остатки кремации. По всей вероятности, захоронение задето плугом. Урна восстановлена лишь частично (рис. 9, 6). Графически реконструируется лепной горшок (рис. 9, 5). Здесь был также гончарный шероховатый горшок (рис. 9, 7) и обломок венчика миниатюрной лощеной мисочки. Нам представляется, что данное захоронение по своему облику аналогично погребению № 1, т. е. имело сосуды-приставки, частично разбитые.

Погребение № 13 совершено в овальной, меридианально ориентированной яме разме-

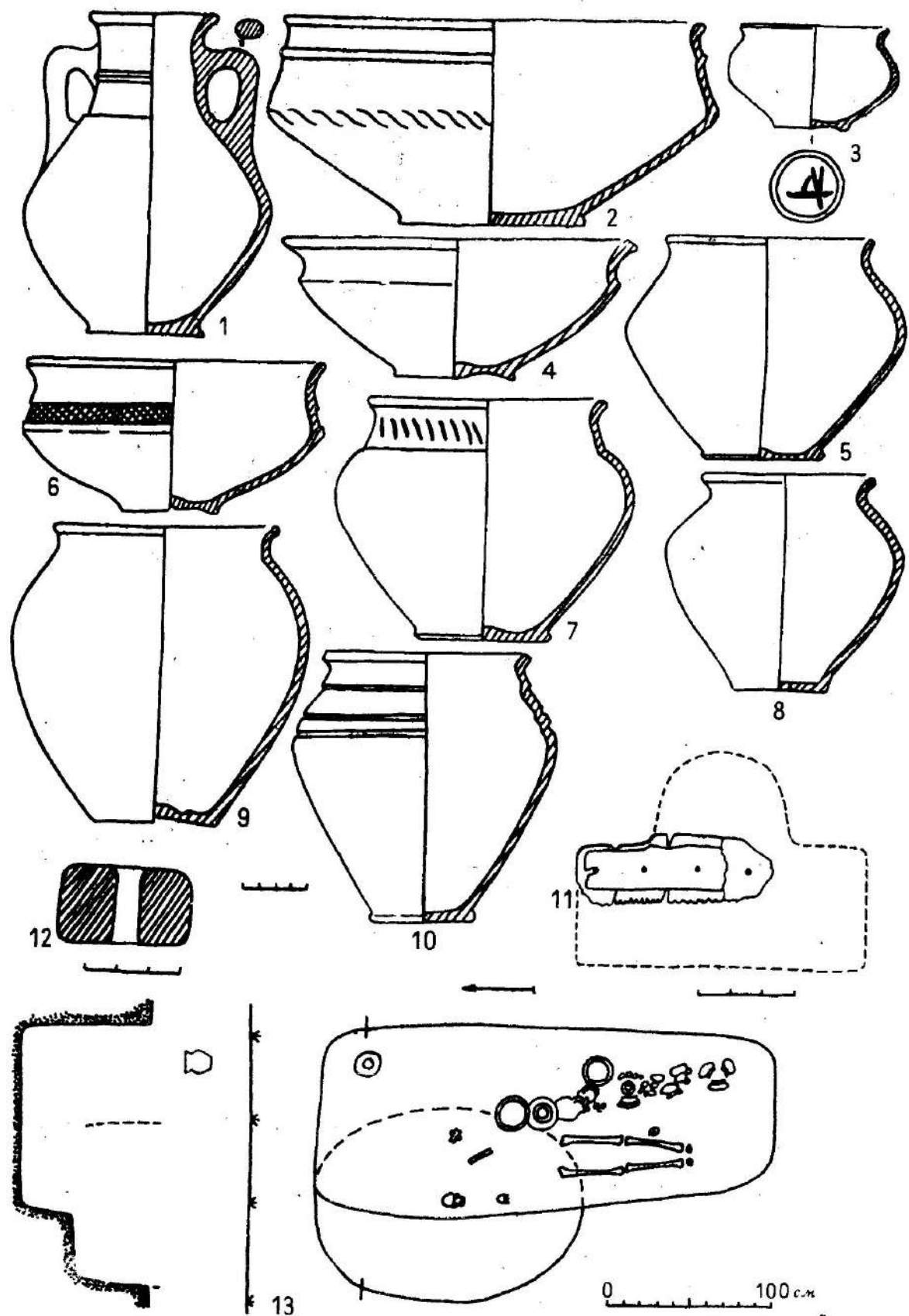

Рис. 8. Родной Край. План (13) и инвентарь (1—12) погребения № 9
1—10, 12 — глина; 11 — кость

рами $1,9 \times 1,1$ м и глубиной 0,7 м. У ее восточного края открыты 7 сосудов (рис. 9, 8): 4 миски (рис. 9, 9—11, 13), из которых крайняя с севера помещена вверх дном (рис. 9, 11), лепной (рис. 9, 14) и гончарный (рис. 9, 15) горшки, чернолощенный кувшин (рис. 9, 12). Под сосудами и к западу от них встречены плохо сохранившиеся кости. Часть их (западное скопление) могли быть остатками детского захоронения.

Погребение № 14 — труположение с северной ориентировкой. Оно содержалось в овальной яме размерами $2,55 \times 1,45$ и глубиной 1,4 м, северная половина которой частично перекрыта с запада и востока овальными ямами размерами $1,7 \times 1,3$ и $1,3 \times 1,25$, углубленными до 1,1—1,2 м (рис. 10, 1). Прослеженная здесь ситуация идентична той, которая наблюдалась при расчистке погребения № 9. Отличие состоит лишь в том, что костяк

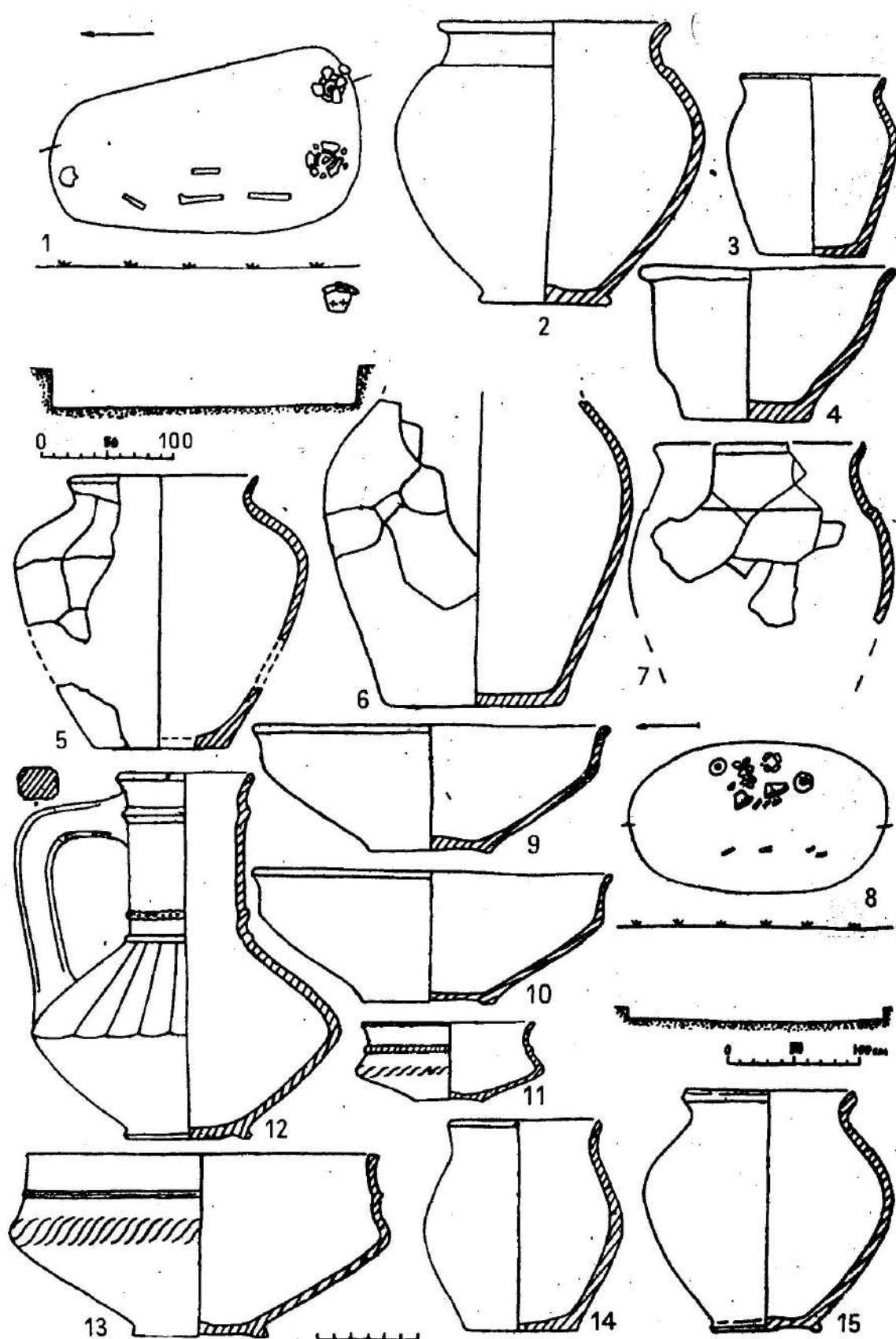

Рис. 9. Родной Край. Погребение № 10

1 — план; 3, 4 — инвентарь; погребение № 11: 1 — план; 2 — инвентарь; погребение № 12: 5—7 — инвентарь; погребение № 13: 8 — план; 9—15 — инвентарь. Глина

не нарушен. Кроме того, в заполнении западной ямы попадались вкрапления кальцинированных косточек. Покойник лежал вытянуто на спине, вплотную к восточной стенке ямы. Череп лежал на материковом останце высотой около 12 см. Правая рука находилась на тазе, левая — под ним, как бы прикрывая ладонями лобок и копчик. У изголовья найден костяной гребень, повернутый зуб-

цами к черепу (рис. 10, 10), в области таза — маленькая бронзовая пряжка (рис. 10, 11). Сопровождающая посуда, состоящая из мискообразного сосуда (рис. 10, 5), лещеного (рис. 10, 2) и гончарного (рис. 10, 3) горшков, четырех мисок (рис. 10, 4, 6—8), а также лещеного кубка с пробитым сверху отверстием (рис. 10, 9), стояла вдоль левой ноги покойника. На дне ямы прослеживается прослойка

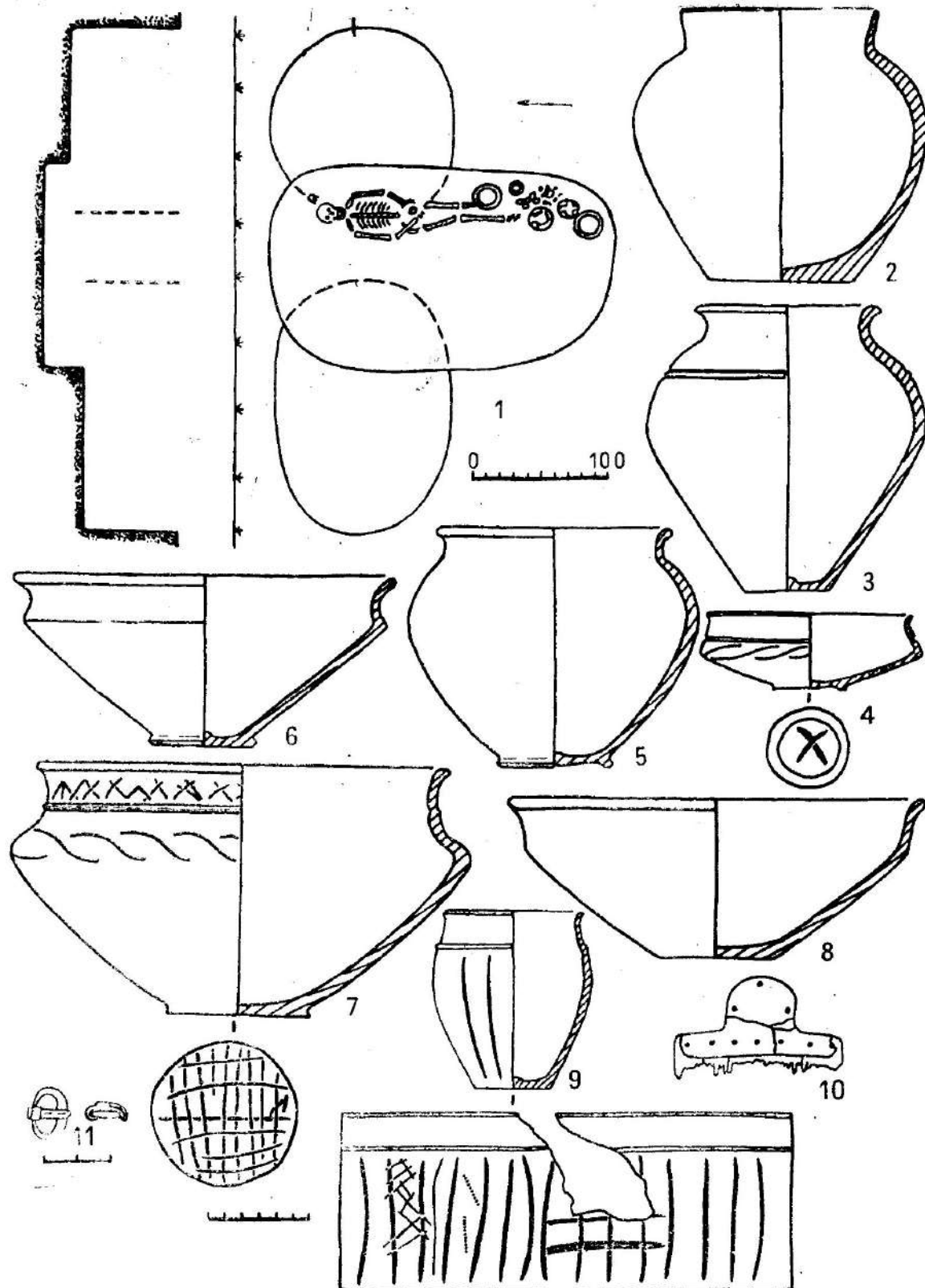

Рис. 10. Родной Край. План (1) и инвентарь (2—11) погребения № 14
2—9 — глина; 10 — кость; 11 — бронза

темно-коричневого песка толщиной 2—3 см. Ее образование не совсем понятно: то ли это продукт разложения трупа, то ли следы какой-то подстилки органического характера, например, растительной.

Все трупосожжения объединяет общая черта: кальцинированные кости всегда тщательно очищены от остатков погребального костра и лишены какого-либо инвентаря. Трупоположения, с этой точки зрения, выглядят богаче. Кроме обилия посуды и присутствия прочей утвари, их устойчивой чертой является северная ориентировка и восточное по отношению к покойнику положение сопровож-

дающих вещей. Среди последних иногда встречаются намеренно испорченные или изготовленные специально.

Следующей группой черняховских комплексов являются одиночные ямы. Все они занимают окраинное положение и несколько удалены от массива захоронений (рис. 3).

Яма А расположена в северо-восточной части могильника (рис. 3). Она овально-цилиндрическая размерами 1,6×1,8 м и глубиной 1,3 м. Черное углистое заполнение содержало один гончарный черепок.

Яма Б находилась на северной окраине могильника, недалеко от погребения № 12

(рис. 3). Она была овальной в плане формы размерами 2,25×1,05 м и глубиной 1,4 м. В заполнении встречено несколько разрозненных кальцинированных косточек, неопределимая необожженная кость, а у северной стенки на глубине 0,9 м небольшая железная пластинка с выемкой (щиток от пряжки — ?).

Яма В размещалась на западной окраине (рис. 3). Она имела округло-цилиндрическую форму, размеры 1,2×1,1 м и глубину 1,1 м. Ее заполнение — черный песок с вкраплениями древесных угольков — содержало три крупных фрагмента лепного горшка (рис. 7, б), три обломка костей животных.

Еще несколько ям без находок, но с черным углистым заполнением выявлены в северной половине могильника. Однако здесь же имелись строительные остатки бондарихинской культуры. Поэтому культурная принадлежность этих комплексов не может быть четко определена. В данном случае, как нам кажется, важно установить не количество ям, а сам факт их присутствия на могильнике. С этой точки зрения число три хотя и минимальное, но вполне достаточное, чтобы судить о неслучайности явления.

Немногочисленные вещевые находки (костяная игла [рис. 7, 8], миниатюрный бронзовый нож [рис. 7, 9], винтообразная бусина [рис. 7, 7]) и значительное количество обломков посуды встречались в слое (рис. 3). Керамика представлена фрагментами лощеных мисок и мисок-ваз (рис. 4, 6), гончарных шероховатых (рис. 4, 5) и лепных (рис. 4, 4) горшков. Численно преобладают экземпляры от столовой лощеной посуды. Среди них попадались отдельные вторично обожженные, даже ошлакованные черепки и разрозненные мелкие кальцинированные косточки. Если попадание первой группы находок может быть случайным, ввиду заметной малочисленности, то о второй этого сказать нельзя. Подобное явление в черняховской культуре хорошо известно, но его толкование спорно (Никитина, с. 8, 71—73; Сымонович, Кравченко, с. 8, 45, 71).

Применительно к конкретной ситуации, прослеженной на могильнике Родной Край, важно отметить три обстоятельства. Во-первых, глубина находок керамики (в основном от 20 до 40 см) соответствует «верхнему ярусу» могильника, в котором размещены все трупосожжения. Во-вторых, они отсутствуют в южной половине памятника, лишенной погребений с кремацией, и встречаются лишь там, где есть последние, образуя четкие скопления возле некоторых из них (погр. №№ 1, 7, 10). В-третьих, основная их масса концентрируется вокруг погребения № 1, которое на территории могильника занимает особое положение: все остальные захоронения удалены и от него, и от окружающего его скопления (рис. 3). Последнее обстоятельство заслуживает более пристального рассмотрения.

Характер расположения трупосожжения № 1 сходен с обособленным положением захоронений «знати» на некоторых черняховских

могильниках (Сымонович, 1979, с. 63—65, рис. 2; Гудкова, Фокеев, 1984, с. 74). Здесь любопытна и другая деталь: погребение № 1 и окружающее его скопление расположены на вытянутом с севера на юг возвышении размерами примерно 12×9 м, подымающимся над уровнем поверхности дюны на 35—40 см. Во время раскопок В. Г. Бородулина в юго-восточной части возвышения прослежены на глубине от 20 до 40 см остатки вымостки из сильно обожженных камней, уходящие в восточную стенку раскопа (рис. 11). Культурный слой в пределах всего возвышения на глубину почти 1 м был сильно насыщен золой и пеплом. Все это заставляет вспомнить ситуацию, зафиксированную при исследовании черняховских курганов в Надпорожье (Бодянский, 1968, с. 173, 175; Смиленко, 1979, с. 13—23). По предположению Ю. В. Буйнова, здесь располагался зольник бондарихинской культуры, и все находки черняховского горизонта впущены в него. Однако не исключено, что мы имеем дело и со своеобразным подкурганым трупосожжением на месте, в общих чертах сходным с упомянутыми курганами. В этом случае находит логическое объяснение факт отдаленности от него всех прочих погребений.

Анализируя состав находок, встреченных вокруг захоронения № 1, мы обратили внимание на обломки одной миски-вазы, реконструируемой графически (рис. 4, 6). Они были рассредоточены в пределах скопления на площади 12×4 м. Здесь попадались и другие фрагменты, склеивающиеся между собой либо происходящие от одного сосуда, но лежащие на значительном удалении (рис. 11). Хотя в пределах скопления встречались отдельные кальцинированные косточки, оно не могло быть остатками особого «рассеянного» трупосожжения, перекрывающего погребение № 1. Во-первых, глубина их основного залегания (табл. 1) соответствует, примерно, половине высоты урны, т. е. тому уровню, на котором стояли сосуды-приставки. А, во-вторых, как уже отмечалось ранее, обломки одной из приставок найдены среди описываемого скопления в 2 и 6 м севернее погребения (рис. 11). Причем здесь был фрагмент дна от той части сосуда, которой он был прислонен непосредственно к урне. Таким образом, распашка и прочие случайности исключаются.

Табл. 1. Распределение керамики в слоях вокруг погребения № 1

Глубина (см)	Количество (шт.)	Частость (%)
0—20	7	11,1
20—40	39	61,9
40—60	13	20,6
60—80	4	6,4

Примечание. В таблице не учтены материалы из раскопок В. Г. Бородулина, а также невзятые фрагменты (стенки).

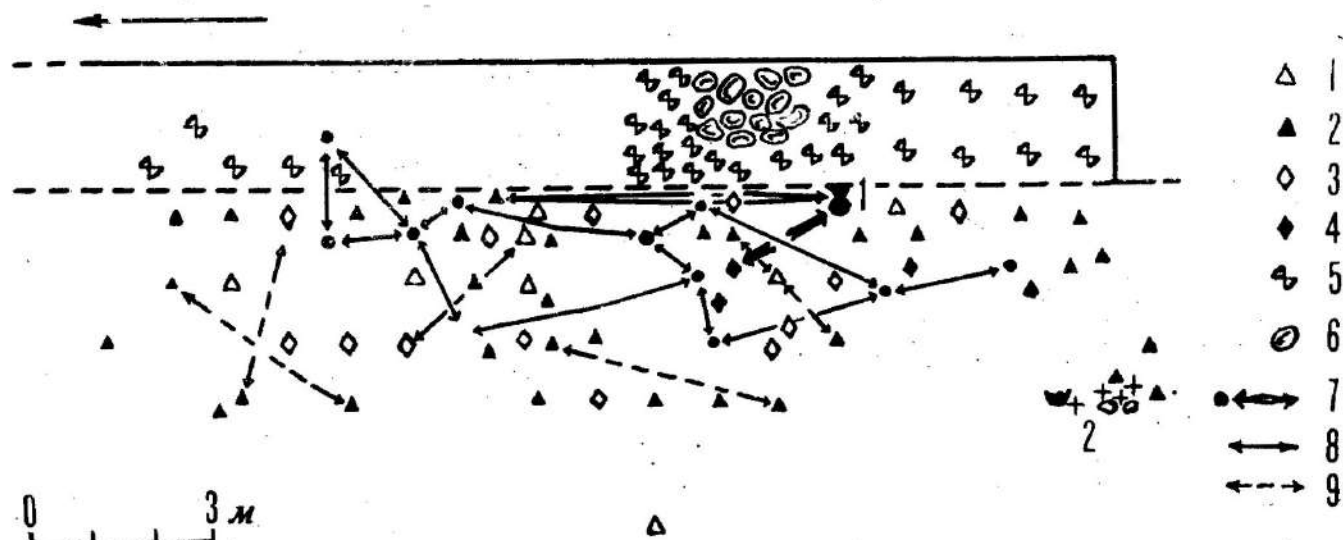

Рис. 11. Родной Край. Система «связей» керамики из слоя вокруг погребения № 1
Условные знаки: 1—0—20 см; 2—20—40 см; 3—40—60 см; 4—60—80 см;
5 — глубина неизвестна; 6 — обожженные камни на глубине 20—40 см;
7 — фрагменты миски-вазы и их «связи»; 8 — «связи» прочих фрагментов

Такое могло произойти лишь в том случае, если приставка была разбита и частью разбросана, а затем все оставшееся поставлено в погребение около полусасыпанной урны.

Использование метода «связей» (Сергин, 1984, с. 11—24) позволяет объединить трупосожжение № 1 и находки вокруг него в единый комплекс (рис. 11)*. В результате реконструируется картина особых ритуальных действий — большой и обильной «тризны», сопровождавшей похороны, несомненно, самого выдающегося человека общины.

Надо полагать, тем же обычаем объясняется сосредоточение керамики около захоронения № 10 и над погребением № 7. Трудно сказать, сопровождались ли другие сожжения подобными действиями. Об их отсутствии с полной уверенностью можно говорить только в отношении детского погребения № 8 (рис. 3).

Наши наблюдения в целом соответствуют выводам Н. М. Кравченко о распространении обряда «тризны» у черняховского населения и его связи с трупосожжениями (Кравченко, 1967, с. 102—103; Сымонович, Кравченко, с. 50).

С проблемой находок керамики в слое тесно взаимосвязан вопрос о ямах на территории черняховских могильников. На практике те и другие не всегда разграничиваются, поскольку считается, что керамика в слое происходит из таких же точно ям, контуры которых просто не прослеживаются. На могильнике Родной Край, как уже говорилось, четко зафиксированы лишь три одиночные ямы с черняховским заполнением (рис. 3). Своим окраинным положением и прочими особенностями они аналогичны комплексам, выявлен-

ным Е. В. Махно на некоторых левобережных могильниках и трактуемым ею как особый тип трупосожжений (Махно, 1968, с. 199 — 202; 1971 а, с. 88 — 95; 1971 б, с. 216 — 218). Еще раньше Г. Б. Федоров высказал предположение, что они являются следами поминок по умершим и, ссылаясь на Р. Вульпе, привел очень интересную этнографическую параллель (Федоров, 1960, с. 255 — 256). Заметим, что подобные ямы известны на территории различных могильников (в том числе и таких, где вообще нет погребений с кремацией) начиная с эпохи бронзы и до недавнего времени не рассматривались в качестве захоронений (См., например: Буйнов, 1977, с. 212; Мельниковская, 1967, с. 47 — 48; Вязьмитина, 1972, с. 113; Кухаренко, 1980, с. 29). Среди наших комплексов на такую роль, строго говоря, может претендовать лишь яма Б, в которой попадались единичные кальцинированные косточки (никакими прямыми доказательствами в пользу того, что ямы А и В являлись трупосожжениями мы не располагаем). Кальцинированные кости, однако, найдены также в одной из ям, перекрывающих трупоположение № 14. В обоих случаях они настолько мелкие, что нет никакой возможности определить их принадлежность человеку или животному. Но сам факт сходства заполнений упомянутых сооружений заслуживает пристального внимания. Напомним, что над погребением № 14 было две ямы, а над погребением № 9 — одна. И, если считать эти комплексы не остатками входных ям катакомб, а следами особых манипуляций, совершенных в ритуальных целях, спустя какое-то время после похорон (на это может указывать такое обстоятельство, как отсутствие грудной клетки в погребении № 9, но оставление на ее месте обломка костяного гребня), то отмеченное совпадение свидетельствует в пользу определенной близости и самого характера дей-

* Здесь следует заметить, что действительная картина «связей» была более сложной, чем это показано на рис. 11. Дело в том, что керамика из слоя бралась выборочно (преимущественно венчики и доньшки), и поэтому многое сейчас остается вне поля зрения.

ствий, приведших к появлению подобных ям. Их объединяет черное углистое заполнение, почти не содержащее находок, и относительно большая глубина. Своим положением в нижнем «ярусе» могильника они не сходны ни с остальными трупосожжениями, ни с «тризновым» слоем, сопровождавшим их. А между тем вывод о своеобразной «двухъярусности» черняховских могильников, когда трупосожжения располагаются преимущественно вверху, а трупоположения внизу, представляется бесспорным (Сымонович, Кравченко, с. 18, 47). С этой точки зрения не исключено, что статистический разброс по глубинам выявленных Е. В. Махно «погребений с рассеянными косточками» позволит сгруппировать их в два интервальных ряда, соответствующих «тризновому» и «поминальному» слою могильников. В свете всего вышесказанного точка зрения Г. Б. Федорова кажется нам предпочтительней.

Создается впечатление, что «поминальные» ямы связаны преимущественно с трупоположениями. Но вывод этот нуждается в проверке, хотя сходная картина отмечалась и Е. В. Махно (1971 б, с. 216 и 218; ср. также: 1968, с. 202, данные по раскопам I и II—III).

Наиболее массовой находкой на могильнике является керамика. Всего в погребениях в обломках и целыми обнаружено 64 сосуда (здесь не принимаются в расчет находки вблизи захоронений). Среди них лепные составляют только 14 проц. (9 экз.). Как лепная, так и гончарная посуда по формам и орнаментации в целом типичны для всей культуры. Исключение составляют лишь некоторые кувшины (рис. 4, 3; 9, 12), которые принадлежат к особому типу, известному исключительно на Левобережье (Магомедов, 1973, с. 81, 84, рис. 2). Весьма примечательно, что отдельные лепные формы, например, полусферическая миска из трупосожжения № 10 (рис. 9, 4), по происхождению считаются связанными с древностями северо-западного региона (Магомедов, 1979, с. 113).

Около 66 проц. гончарной посуды орнаментировано. По наблюдению Э. А. Сымоновича, такие типы орнамента, как украшение дополнительной профилировкой, вертикальными лощеными линиями и чеканно-штампованные, присущи только поздней керамике (Сымонович, 1964, с. 337—338). У нас эта группа очень представительна (рис. 4, 3; 5, 10; 6, р—4, 8, 9; 8, 2, 7; 9, 11—13; 10, 4, 7). Всего один сосуд украшен комбинированным способом: верх и низ его подлощены, а середина нарочито ошершавлена (рис. 5, 8). Но неслучайность находки подтверждается тем, что упомянутое изделие, ввиду слабого обжига, непригодно для обычного употребления и изготовлено специально, видимо в ритуальных целях. Напомним, что этот сосуд был одним из трех, помещенных особняком, вокруг и на черепе погребения № 3 (рис. 5, 1). Обычай ставить миски на голову покойника имеет почти единственную прямую аналогию

в «княжеском» погребении в Рудке (Сымонович, Кравченко, с. 33), которое исследователи относят к вельбарско-цецельской культуре (Кухаренко, с. 65, рис. 15, с. 83—86). Комбинированный орнамент также особенно характерен для западных и северо-западных областей УССР (Воляник, 1978, с. 11). В этом регионе, а также Западной Белоруссии и Поморье имеет аналогии орнамент мисок-ваз (рис. 4, 6; 5, 14) в виде чередующихся лощеных и шероховатых треугольников, разделенных пролощенной ломаной линией (Кухаренко, с. 34—35, рис. 5). Очевидно, здесь можно говорить о существовании каких-то связей или, скорее, общих исходных традиций у памятников северо-западной и северо-восточной окраины черняховской культуры. И, по-видимому, не случайно, что даже на таком удаленном могильнике, как Замощанская дюна под Суджей, найдена лепная миска с ручкой, характерная для пшеворской и вельбарской культур (Липкинг, с. 6, рис. 1, 3).

Заключая обзор керамики, отметим две миски. Одна из них, найденная в погребении № 9, имеет на дне пролощенный знак в виде буквы «У», с нанесенным поверх него подобным; но со сдвинутыми верхними окончаниями (рис. 8, 3). На дне второй — из погребения № 14 — первоначально был нанесен крест, затем значок в виде обернутой буквы «У», после чего все пространство покрыли пролощенной решеткой (рис. 10, 7). Аналогии этим изображениям нам не известны.

Среди прочих находок привлекают внимание костяная подвеска с двусторонним циркульным орнаментом из погребения № 3 (рис. 5, 2) и железный нож с изогнутой спинкой и заостренным черенком из погребения № 4 (рис. 6, 13). Первая своим местоположением в захоронении (между ногами покойника) сближается с пирамидальными костяными подвесками с циркульным орнаментом, хорошо известными на других черняховских могильниках и имеющими охранно-магический смысл (Сымонович, 1963, с. 58). Подобное нашему изделие, опубликованное, правда, как костяное пряслице, происходит из погребения № 11 Любомльского могильника (Кухаренко, табл. XXVII, II в.). Что же касается ножа, то он по-видимому имеет южное происхождение. Сходные по форме ножи известны в Танаисе первых веков н. э. (Арсеньева, 1977, с. 131, табл. XLI, 1; с. 127, табл. XXXIX, 3).

К числу датирующих вещей на могильнике Родной Край принадлежат костяные многочастные гребни, бронзовая пряжка и фибулы.

Гребни имеют полукруглую спинку (рис. 5, 4; 8, 11; 10, 10) и выявлены в погребениях №№ 3, 9, 14. По классификации Г. Ф. Никитиной, они относятся к третьему типу и датируются в основном IV в., доживая в Западной Европе до конца V в. (Никитина, 1969, с. 158—159). На нашей территории время их бытования обычно определяется серединой IV — серединой V вв. (Шукин, 1979, с. 19). В погребении № 3 обнаружены две одинаковые фибулы с гладким лучом-выступом на полу-

круглом шитке, орнаментированные штампованными крестиками (рис. 5, 3). Фибулы, имеющие наибольшее расширение ромбической ножки ниже середины ее высоты, А. К. Амброз относил к IV в. (1966, с. 77). М. Б. Щукин синхронизировал штампованную орнаментiku черняховских фибул со стилем Сёсдала и тем самым продлил время их существования до середины V в. (1979, с. 19). Сходные с нашими изделия с гладким выступом-лучом на полукруглой спинке, но без орнамента известны в комплексах с вещами полихромного стиля гуннского времени (Засецкая, 1979, с. 7, рис. 2, 30—67; с. 10—13; Минаева, 1982, с. 231, рис. 6). Это и определяет наиболее вероятную дату наших находок — конец IV—начало V вв. К этому же времени следует отнести и маленькую овальнорамчатую пряжку с язычком, загнутым ниже середины толщины рамки (рис. 10, 11), из погребения № 14 (Гороховский, 1981, с. 15—16).

Учитывая небольшие размеры могильника, мы склонны ограничить время его функционирования соответственно наиболее узкой датой найденных в нем вещей, концом IV—началом V вв. При этом нам представляется, что зафиксированный в двух случаях факт перекрывания трупоположений трупосожжениями не имеет самостоятельного датирующего значения и не может служить основанием для расширения хронологических рамок. Здесь, очевидно, необходимо иное истолкование, например, близкие родственные отношения похороненных таким образом покойников.

По составу находок и их облику, а также обряду погребения могильник Родной Край является типичным черняховским памятником. Таково общее о нем впечатление. Но при более детальном изучении можно заметить и определенные особенности.

Признанной общей чертой черняховских могильников является биритуализм, хотя сейчас уже известны и отдельные, раскопанные полностью или почти полностью, моноритуальные памятники (Ханска Лутэрия II, Холмское, Ранжевое). С этой точки зрения наш могильник сходен с основной массой полей погребений. Однако его биритуализм особого свойства: он более однороден, ибо здесь отсутствуют иные захоронения, кроме трупоположений с северной ориентировкой и урновых трупосожжений. Нам не известен пока ни один другой памятник, где бы встречалось лишь такое сочетание. Сравнивая Родной Край с другими черняховскими могильниками, нетрудно заметить, что такая его черта, как отсутствие широтных трупоположений, характерна почти исключительно для северо-западных памятников, но встречается и на некоторых южных (Сымонович, Кравченко, с. 15; Никитина, с. 38, рис. 13). Выявленные в Родном Крае трупосожжения, по классификации Н. М. Кравченко, относятся к следующим типам: погребения №№ 1, 2, 7, 10, 12 (с некоторой долей сомнения в отношении потревоженных погр. № 2 и № 12) — тип 7, погребение № 6 — тип 8а, погребение № 8 — тип 3 (Сымо-

вич, Кравченко, с. 47—49). Сочетание всех трех типов пока зафиксировано лишь на могильниках Ромашки, Будешты, Малаешты; но нигде тип 7 не является, как у нас, основным и только в Будештах он образует значительный массив, в количественном отношении выходя на второе место. Исследовательница пришла к выводу, что данный тип характерен преимущественно для южных районов (Сымонович, Кравченко, с. 48, табл. XX, с. 49). Таким образом, по погребальному обряду устанавливаются определенные связи могильника с южными и северо-западными черняховскими памятниками.

Своими небольшими размерами и общим количеством погребений Родной Край сближается с такими хорошо изученными могильниками, как Ханска Лутэрия II (Рикман, 1975, с. 264, рис. 31, 1; с. 266), Викторівка и Ранжевое (Сымонович, 1967, с. 215, 224). Правда, относительно подобных памятников существует сомнение: не являются ли они участками более обширных кладбищ. Оно основано на том, что размеры близлежащих селищ огромны и не могут соответствовать небольшим размерам могильников (Сымонович, Кравченко, с. 10).

Наш памятник расположен в районе, густо насыщенном объектами, на поверхности которых встречается черняховская керамика (рис. 1). При этом только пункт V имеет значительные размеры и топографию, типичную для черняховских селищ. К сожалению, он не раскапывался, но несоответствие его размеров площади могильника бросается в глаза. Остальные три пункта (II—IV) находятся на дюнах в пойме. Их небольшие раскопки и шурфовка не выявили следов погребений. Пункт II оказался памятником, по времени предшествующим могильнику. На остальных датирующих вещей не найдено. Поэтому вопрос о причинах «миниатюрности» могильника и его принадлежности определенному селищу остается открытым.

Своеобразной особенностью могильника Родной Край является его топография. Расположение на дюнных всхолмлениях в пойме вовсе не свойственно черняховским памятникам основной территории ее распространения. Однако такие же особенности характеризуют ранее упоминавшиеся северо-восточные могильники Павлюковский и Замощанский. При этом по крайней мере первый сходен с нашим и своими небольшими размерами. Площадь возвышенности, на которой он расположен, составляет всего 24×4 м (Шрамко, с. 9). В связи с этим возникает вопрос: насколько отмеченные детали свойственны черняховским памятникам данного региона вообще? Для ответа на него рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении сведения о других могильниках.

В краеведческом музее Соколовской средней школы (Готвальдовский район Харьковской области) хранится два целых и три фрагментированных сосуда, найденных на территории села при рытье погреба. Местный учи-

тель истории А. И. Шемет сообщил нам, что они происходят из разрушенного погребения. Обследование места находки не выявило никаких характерных следов на поверхности. Но в 200 м к северу от него, ближе к реке на двух мысах первой надпойменной террасы р. Мжа (правый приток Северского Донца) прослеживаются следы обширного черняховского селища (рис. 12, 1). Поскольку в целом для культуры весьма характерно расположение могильников выше селищ (Сымонович, Кравченко, с. 10), то вероятность присутствия в этом пункте черняховского кладбища достаточно высока. Такому предположению не противоречит и типичный для трупоположений набор найденной посуды: кувшин (рис. 12, 2), горшок (рис. 12, 3), две миски (рис. 12, 4, 6) и миска-ваза (рис. 12, 5). Кроме того, недалеко от этих сосудов еще в 1960 г. сделана находка монеты Галиена (253—268 гг.) (Зайцев, 1964, с. 51), что указывает ориентировочное время предполагаемого могильника.

Еще один могильник (Соколово II) расположен здесь же, в 1 км к юго-востоку от села в урочище Левивка, на правом берегу балки, по которой некогда протекала речушка Виловка, впадавшая в Мжу справа. Он зани-

мает южную, наиболее возвышенную часть мыса, в северной половине которого находится синхронное селище (рис. 12, 1). К настоящему времени кладбище в значительной мере уничтожено карьером.

В небольшом раскопе площадью 55 м², заложенном на краю обрыва в центре памятника, удалось выявить разграбленное черняховское трупоположение и синхронную яму (помимо этого здесь находились два скорченных погребения с находками эпохи бронзы, описание которых мы опускаем). Черняховское погребение совершено в обширной меридионально ориентированной овальной яме размерами 1,9×3,3 м и глубиной 2,5 м (рис. 13, 1). Находки и человеческие кости встречались в заполнении и на дне ямы, а также к северу и западу от ее края на уровне древнего горизонта. In situ в небольшом подбойчике в юго-восточном углу сохранились две гончарные серолощенные миски (рис. 13, 4, 6). В юго-западном углу находились обломки посуды и фрагмент костяного гребня. Основная масса находок концентрируется вдоль западной стенки на дне ямы и около восточного края на уровне древнего горизонта. В последнем скоплении был еще фрагмент того же

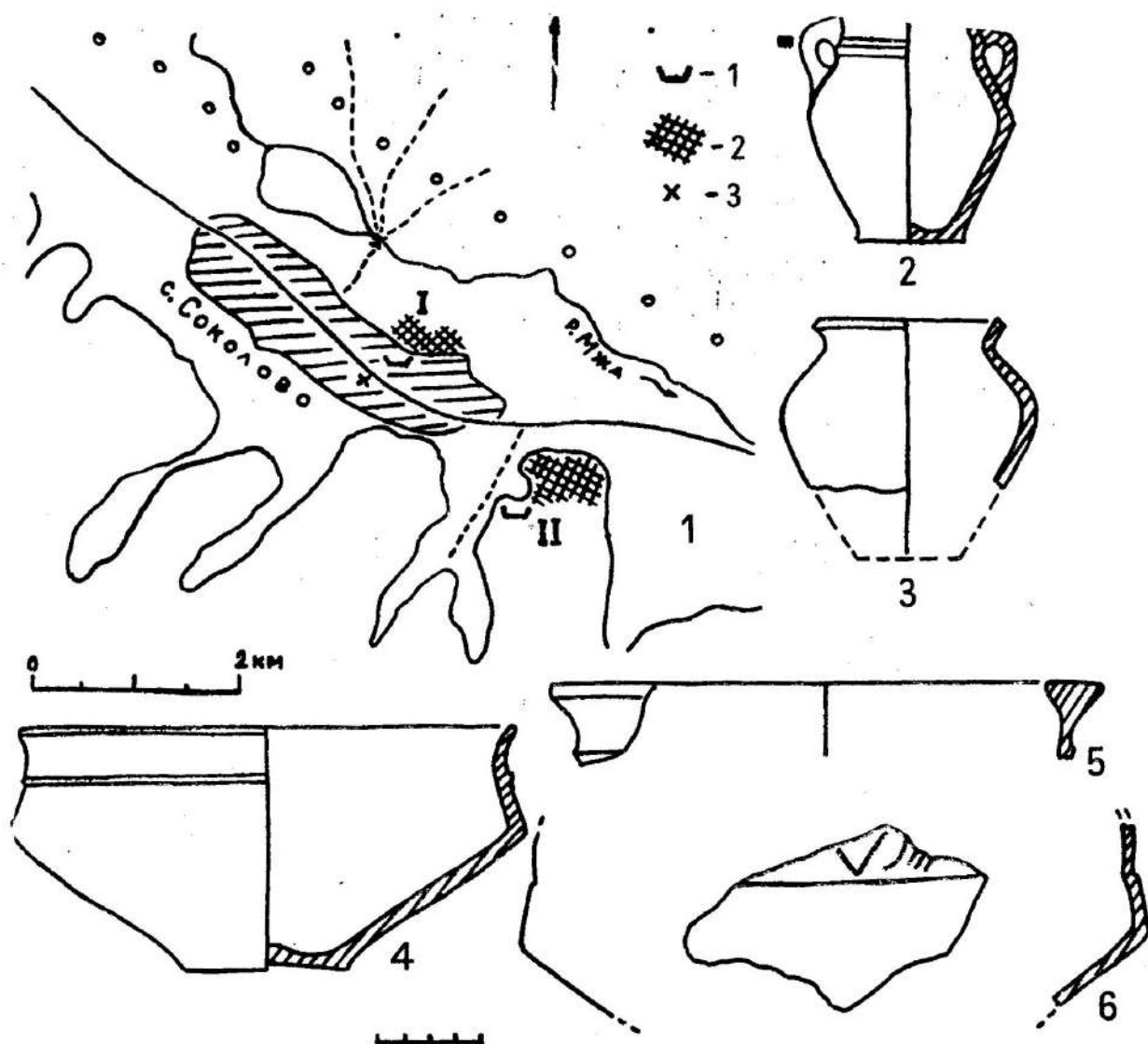

Рис. 12. Ситуационный план расположения черняховских памятников у с. Соколово (1) и находки керамики на могильнике Соколово-1 (2—6)

Условные обозначения: 1 — могильник; 2 — селище; 3 — место находки римской монеты

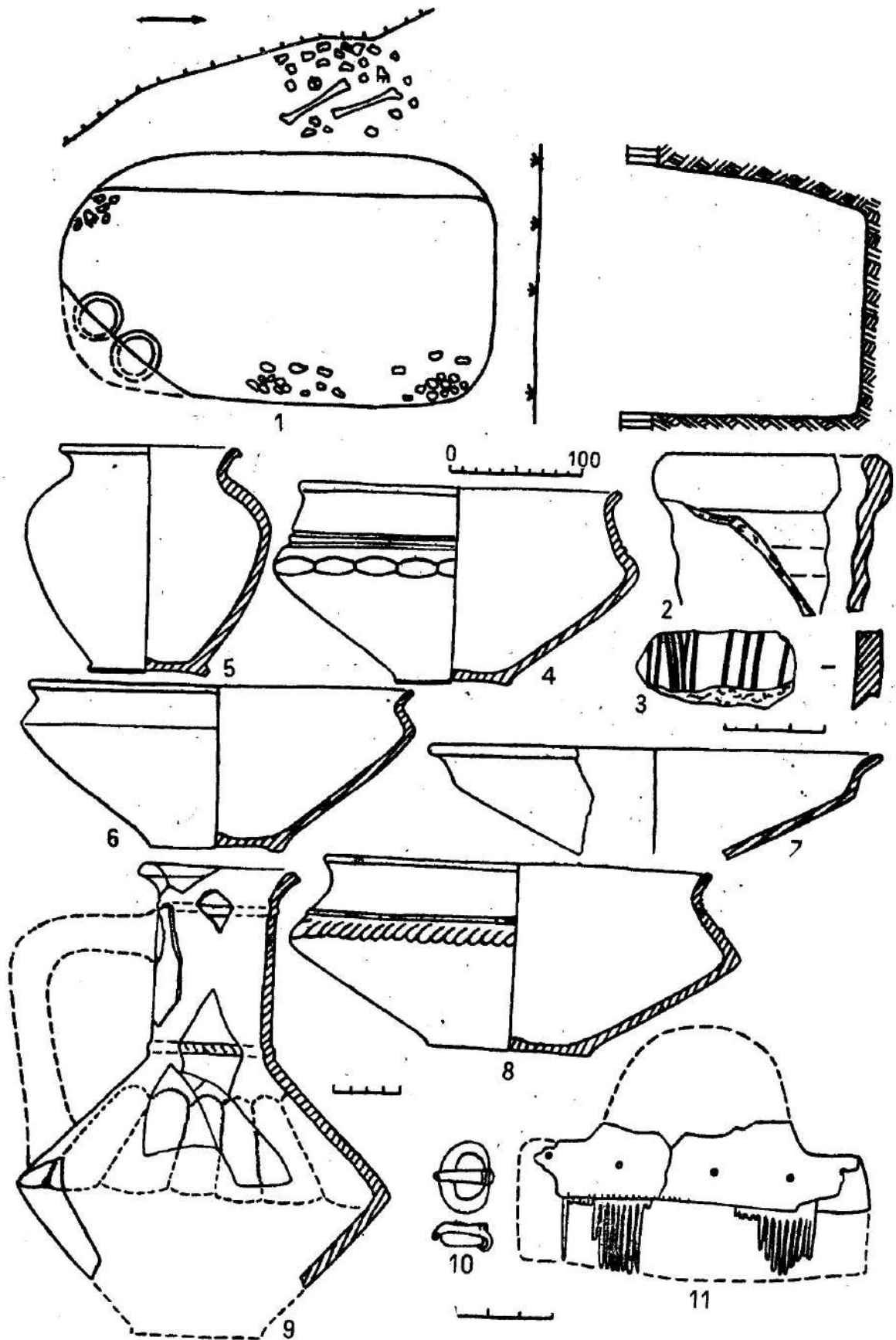

Рис. 13. Соколово-II (Левивка). План погребения (1) и инвентарь (5—11); 2 — яма; 3 — слой; 3—9 — глина; 10 — серебро; 11 — кость

самого гребня (рис. 13, 11) и серебряная овальнорамчатая пряжка, орнаментированная у основания язычка и на конце хоботка парами чеканных желобков (рис. 13, 10). Здесь же находились бедренные кости (рис. 13, 1). Череп обнаружен в 1,5 м к северу от края ямы на уровне древнего горизонта. На основании обломков, которые удалось собрать, можно сказать, что, кроме вышеперечислен-

ных находок, в погребении были еще две лошенные миски (рис. 13, 7, 8), чернолощенные кувшины (рис. 13, 9), два шероховатых горшка (рис. 13, 5) и чернолощенный мискообразный сосуд, украшенный пролощенной волной. По некоторым особенностям — положению в центре могильника, отсутствие вблизи других захоронений, обширные размеры ямы и ее значительная глубина, наличие серебра

ных вещей и сам факт разграбления — описанное погребение принадлежало знатному человеку. Его время на основании гребня устанавливается в пределах от середины IV до середины V вв.

Что касается ямы, то она находилась в 6 м к северу от погребения и представляла собой овально-цилиндрическое углубление размерами 1,0×0,9 м и глубиной 1,2 м. В гумусированном заполнении содержался обломок дна гончарного лощеного сосуда и фрагмент венчика амфоры (рис. 13, 2).

Отметим еще одну любопытную деталь. В слое памятника встречен фрагмент стенки желтоглиняного сосуда, украшенный вертикальными пролощенными линиями (рис. 13, 3). Очень редко такая керамика встречается на поздних черняховских памятниках (Смиленко, Брайчевский), 1967, с. 53, рис. 15, 12), но считается характерной для VII—VIII вв. (Рутковская, 1974, с. 33, рис. 3, 5, с. 39). Может быть, эта находка проливает свет на время разграбления могильника.

По своим топографическим условиям и положению соответствующих селищ, оба Соколовских памятника ничем не отличаются от других черняховских некрополей. То же самое, по-видимому, можно сказать и об их размерах. Из прочих северо-восточных полей погребений с ними сближается Пересечанский могильник, на котором было раскопано около

40 погребений и который имел сходную топографию (Луцкевич, с. 165). Таким образом, возвращаясь к вопросу об особенностях топографии местных могильников, поставленному выше, приходится констатировать, что даже в пределах северо-восточного региона могильник Родной Край и его аналоги отличаются определенным своеобразием, и параллельно с ними существуют обычные для культуры памятники. Трудно сказать, чем это вызвано. Не исключено, что причина здесь хронологическая. Но это лишь предположение, для проверки которого пока нет достаточных данных.

В заключение подведем некоторые итоги. Вывод о существовании на восточной окраине двух групп черняховских памятников, различающихся между собой топографически, не нов. На это уже обращалось внимание в литературе (Дяченко, 1980, с. 67). Несколько необычным является то обстоятельство, что по многим деталям Родной Край более всего сближается с южными и северо-западными черняховскими памятниками. Необходимо также подчеркнуть, что неоднократно отмечавшийся факт присутствия в черняховской культуре пшеворско-вельбарских элементов нашел свое отражение и на крайнем северо-востоке, в материалах Родного Края. К сожалению, этот памятник на сегодняшний день является единственным, наиболее полно исследованным в регионе, и поэтому все сделанные выводы носят ограниченный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.
2. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1—30.
3. Бодянский А. В. Результаты раскопок черняховского могильника в Надпорожье // АИУ—1967. Киев, 1968. Вып. 2.
4. Буйнов Ю. В. О погребальном обряде племен бондарихинской культуры // СА. 1977. № 4.
5. Воляник В. В. Население Волыни первой половины I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1978.
6. Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. Киев: Наумова думка, 1972.
7. Гороховский Е. Л. Хронология пряжек черняховской культуры // Тезисы докладов симпозиума «Позднейшие судьбы черняховской культуры». Каменец-Подольский, 1981.
8. Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1984.
9. Дяченко О. Г. Пам'ятки черняхівської культури в басейні Сіверського Дінця // Археологія. 1980. № 35.
10. Зайцев Б. П. Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла // МИА. 1964. № 116.
11. Засецкая И. П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158.
12. Кравченко Н. М. Косановский могильник: по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961—1964 гг. // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М., 1967.
13. Кухаренко Ю. В. Могильник Брест—Тришин. М.: Наука, 1980.
14. Липкинг Ю. А. Замощанская дюна под Суджой // Могильники черняховской культуры, М., 1979.
15. Луцкевич І. Матеріали до карти поширення пам'яток культури, полів поховань на території Харківської області // Археологія. 1948. Т. 2.
16. Магомедов Б. В. До вивчення черняхівського гончарного посуду // Археологія. 1973. № 12.
17. Магомедов Б. В. Могильник в городища Городок на Южном Буге // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.
18. Махно Е. В. Разведки Левобережного отряда // АИУ—1967. Киев, 1968. Вып. 2.
19. Махно Е. В. Типи поховань та планування Компаніївського могильника // Середні віки на Україні. Київ, 1971а. Вып. 1.
20. Махно Е. В. Раскопки Успенского могильника // АИУ—1968. Киев, 1971б. Вып. 3.
21. Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967.
22. Минаева Т. М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М., 1982.
23. Никитина Г. Ф. Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № 1.
24. Никитина Г. Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.: Наука, 1985.
25. Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках н. э. М.: Наука, 1975.
26. Рутковская Л. М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовки на р. Тясмине // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.
27. Сергин В. Я. Применение метода «связей» при археологических исследованиях // СА. 1984. № 1.

28. Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю. Черняховское поселение Леськи близ города Черкассы // История и археология юго-западных областей СССР начала н. э. М., 1967.
29. Смиленко А. Т. Погребения у с. Башмачка // Могильники черняховской культуры. М., 1979.
30. Симонович Э. А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА. 1963. № 1.
31. Симонович Э. А. Орнаментация черняховской керамики // МИА. 1964. № 116.
32. Симонович Э. А. Итоги исследования черняховских памятников в Северном Причерноморье // История и археология юго-западных областей СССР начала н. э. М., 1967.
33. Симонович Э. А. Коблевский и Ранжевский могильники около Одессы // Могильники черняховской культуры. М., 1979.
34. Симонович Э. А., Кравченко Н. М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. 1983. Вып. Д1—22.
35. Федоров Г. Б. Малаештский могильник // МИА. 1960. № 82.
36. Шрамко Б. А. Павлюковский могильник // Могильники черняховской культуры. М., 1979.
37. Шуккин М. Б. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА. 1979. Вып. 158.

А. Г. ДЬЯЧЕНКО, О. М. ПРИХОДНЮК, Е. Н. ПЕТРЕНКО

КОМПЛЕКСЫ I ТЫС. Н. Э. ИЗ СЕЛИЩА ЗАНКИ

(по раскопкам 1976 года)

Селище Занки находится в 12 км южнее г. Готвальда Харьковской области недалеко от одноименной железнодорожной станции. Памятник был открыт в 1970 г. С. И. Воловиком, который произвел на нем небольшие разведочные работы (Радзиевская, 1973, с. 327). Шурфы, заложенные С. И. Воловиком в северной части селища, примыкали друг к другу, образовав раскоп 1 (рис. 1). В 1976 г. изучение памятника было продолжено Славянским отрядом Скифославянской археологической экспедиции Харьковского университета под руководством А. Г. Дьяченко (1977, с. 329).

Поселение занимает слабовыраженную песчаную возвышенность размерами 140×160 метров на левом берегу Северского Донца в урочище Якубино. Поверхность его задернована и местами покрыта лесопосадкой (рис. 1). В раскопе II, заложенном на южной окраине селища, было вскрыто более 700 м². Культурный слой в виде черного гумусированного песка мощностью 0,2—0,5 м залегал непосредственно под дерном, достигая максимальной толщины вокруг жилищ и хозяйственных ям. Под ним иногда прослеживалась серая прослойка погребенной почвы (0,1—0,2 м), постепенно переходившая в белый материковый песок.

На селище встречалась керамика эпохи бронзы (многоваликовая культура) и скифского времени. Основные культурные отложения, а также выявленные строительные объекты с лепной керамикой (рис. 2) относятся к I тысячелетию н. э.

Полуземлянка «А» показалась на глубине 0,4 м* на уровне погребенной почвы. Четкие контуры постройки и связанной с ней ямы № 7 проступили с глубины 0,6 м. Сооружение имело в плане трапециевидную со скругленными углами форму размерами 3,5×1,8—3,2 м и было ориентировано углами по сторонам света. С юго-восточной стороны прослежен прямоугольный выступ-вход размерами

0,95×0,35—0,4 м, выкопанный до уровня пола, который расчищен на глубине 0,9 м (рис. 3, 1). Посредине на полу постройки выявлена колоколовидная яма № 9. Конструктивно она не связана с описываемым комплексом и относится к более раннему времени. Диаметр устья ямы 7,1 м, глубина 0,7 м от уровня пола. В ее заполнении встречены обломки двух округлобоких горшков (рис. 4, 13, 14). В северном углу котлована зафиксирована еще одна колоколовидная яма № 7 с диаметром 1,0 м и дном на глубине 1,3 м. Она выходит за пределы полуземлянки и отделена от нее материковым останцем шириной 0,15×0,20 м. В яме найдены фрагменты венчика горшка и сковородки с низким, валикообразно моделированным бортиком (рис. 4, 15, 16).

Заполнение полуземлянки до глубины 0,8 м состояло из однородного черного песка. В нем обнаружены обломки различных по форме горшков, сковородка с низким бортиком (рис. 4, 1—6) и фрагмент биконического пряслица (рис. 5, 1). Ниже залегал слой темно-серого песка. На дне выявлены фрагменты разнотипных горшков, полусферической миски и сковородки с низким бортиком (рис. 4, 7—12).

В связи с отсутствием следов отопительного устройства судить о функциональном назначении описанной постройки затруднительно. Отметим, что полуземлянки без очагов и печей известны на многих пеньковских поселениях Днепровского Левобережья и тракуются обычно как остатки жилищ (Горюнов, 1981, с. 111—127; Приходнюк, 1985, с. 123—124).

Полуземлянка «Б» (рис. 3, 2) расчищена в 17,5 м к юго-востоку от полуземлянки «А». Она показалась на глубине 0,2 м на уровне погребенного песка. Очертания в плане подпрямоугольные размерами 5,3×4,7 м. Дно прослежено на глубине 0,7 м. Постройка ориентирована стенками почти по сторонам света. В юго-восточной части находился углубленный до пола выступ-вход размерами

* Здесь и далее все глубины, кроме оговоренных, даются от уровня современной поверхности.

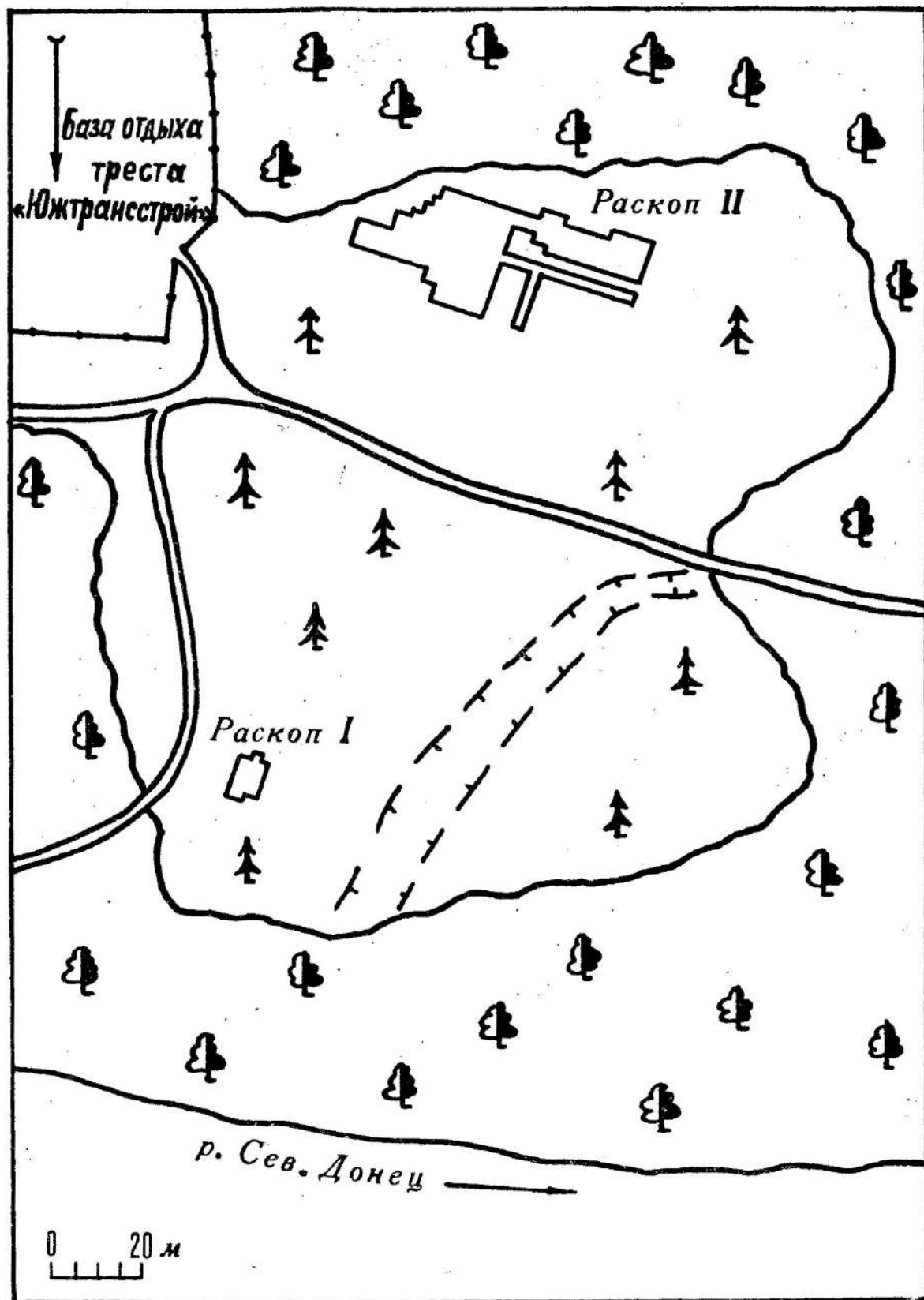

Рис. 1. План селища Занки

2,0×0,6 м. Стенки котлована вертикальные, пол сnivelирован. Внутри сооружения вдоль стен прослежены 6 ям от опорных столбов диаметром 0,3—0,5 м и глубиной 0,2—0,6 м от уровня пола. В полу ближе к центру расчищена круглая столбовая ямка диаметром 0,5 м и глубиной 0,6 м от его уровня. Южнее этой ямки зафиксировано пятно слабообожженного песка диаметром около 0,7 м — след очага. В западной половине центральной части жилища прослежены столбовые ямки диаметром и глубиной не более 5 см, очерчивающие прямоугольное пространство размерами

2,15×1,3 м. Очевидно, это следы какой-то особой детали внутреннего интерьера, о точном назначении которой судить затруднительно.

До глубины 0,5 м заполнение постройки состояло из золлистого песка; затем до дна шел слой черного песка. В золлистом слое найдено большое количество лепной керамики (рис. 6), пять биконических прясел (рис. 5, 2—6), железное шило (рис. 5, 7), кузнечные шлаки и куски глиняной обмазки. На дне находок не было.

Яма № 1 находилась в 3,2 м к юго-восто-

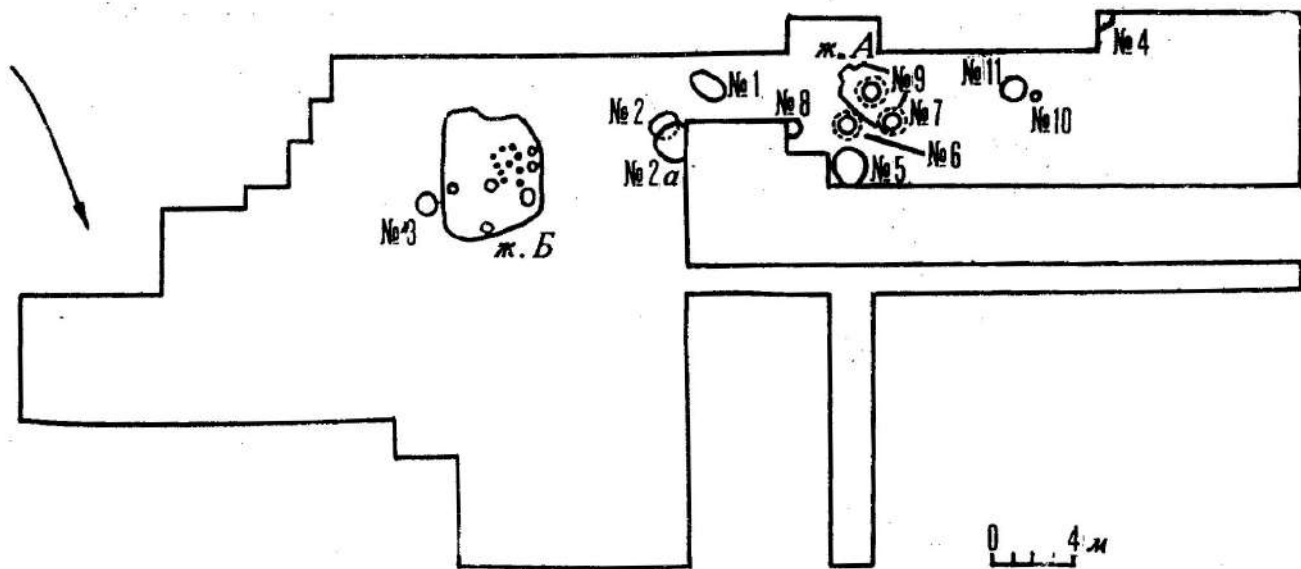

Рис. 2. Селище Занки. План раскопа II (1976 г.)

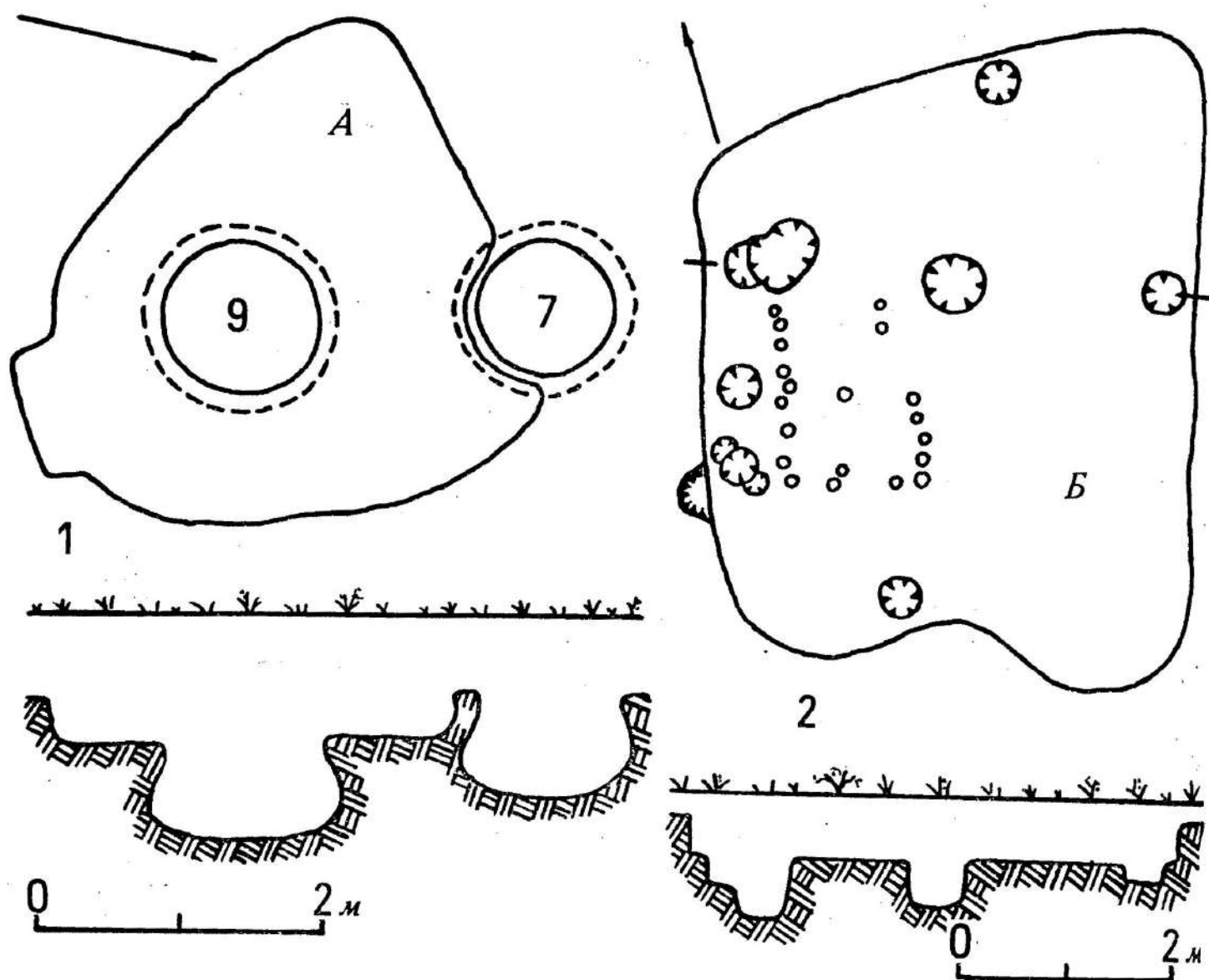

Рис. 3. Селище Занки. Планы и профили полуземлянок
1 — полуземлянка «А»; 2 — полуземлянка «Б»

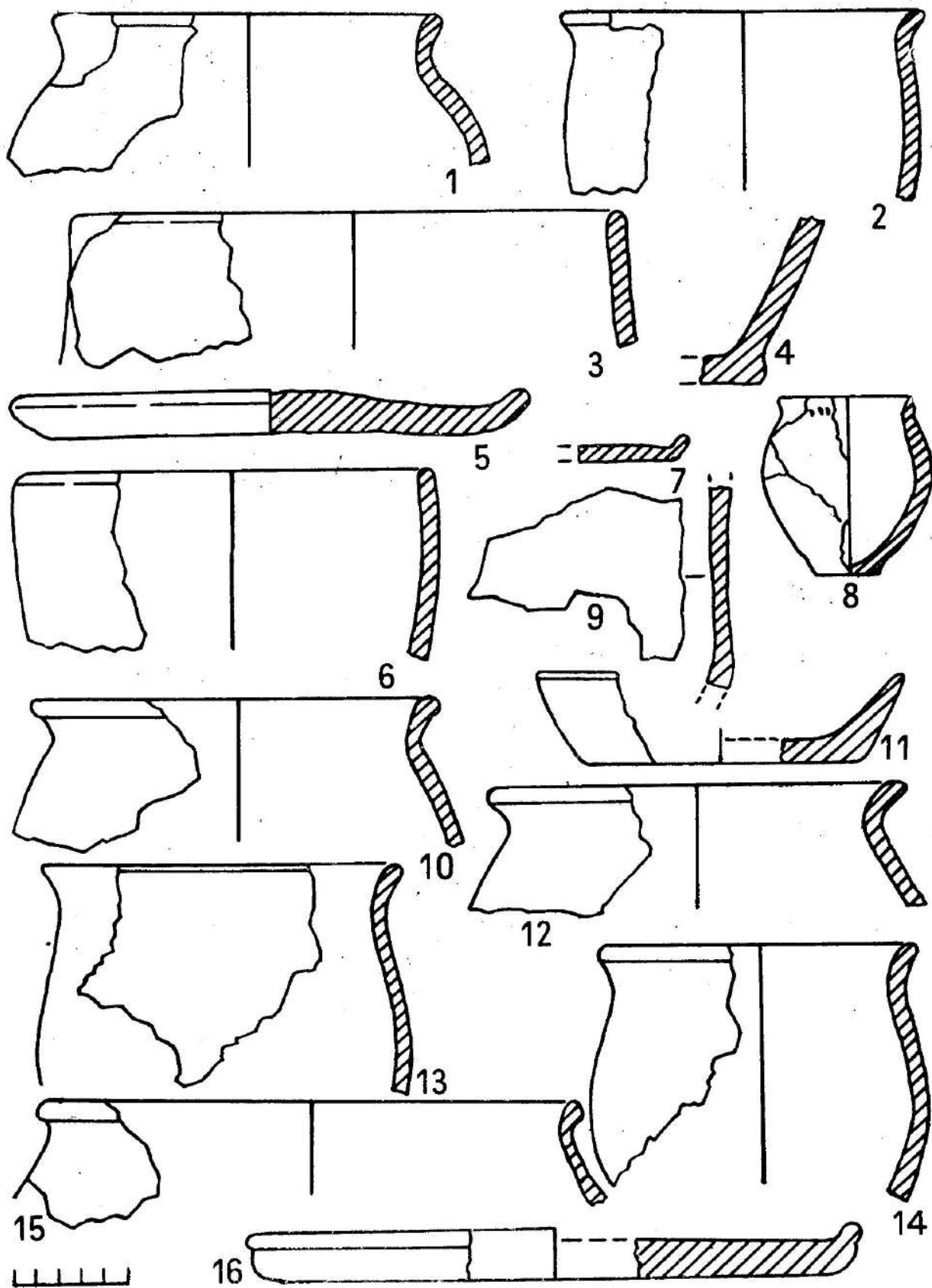

Рис. 4. Селище Занки. Находки из комплексов: 1—12 — полуземлянка «А» (1—6 — заполнение, 7—12 — дно); 13—14 — из ямы № 9; 15—16 — из ямы № 7

ку от полуземлянки «А» (рис. 2). Прослежена с глубины 0,4 м. Имела овальные в плане очертания размерами 1,56×0,9 м. Дно понижалось в северном направлении с глубины 1,0 до 1,2 м, стенки отвесные (рис. 7). В темном песке заполнения найдены невыразительная лепная керамика и куски глиняной обмазки.

Яма № 2 выявлена на расстоянии 0,9 м к северо-востоку от ямы № 1 на глубине 0,2 м (рис. 2). Ее диаметр достигал 0,9 м, а дно находилось на глубине 0,8 м (рис. 7). Перерезана ямой № 2а, которая также прослежи-

валась с глубины 0,2 м. Диаметр последней 1,2 м, дно на глубине 1,1 м (рис. 7). Яма № 2 находок не содержала. В яме № 2а найдены стенки горшков, в т. ч. биконических, и плоское дно с отпечатком вращающейся подставки.

Яма № 3 открыта непосредственно у северо-восточной стенки жилища «Б» (рис. 2). Прослежена с глубины 0,2 м. Она круглая в плане диаметром 1,0 м. Дно на глубине 0,9 м (рис. 7). В заполнении находок не было.

Яма № 4 располагалась в 9,5 м к западу

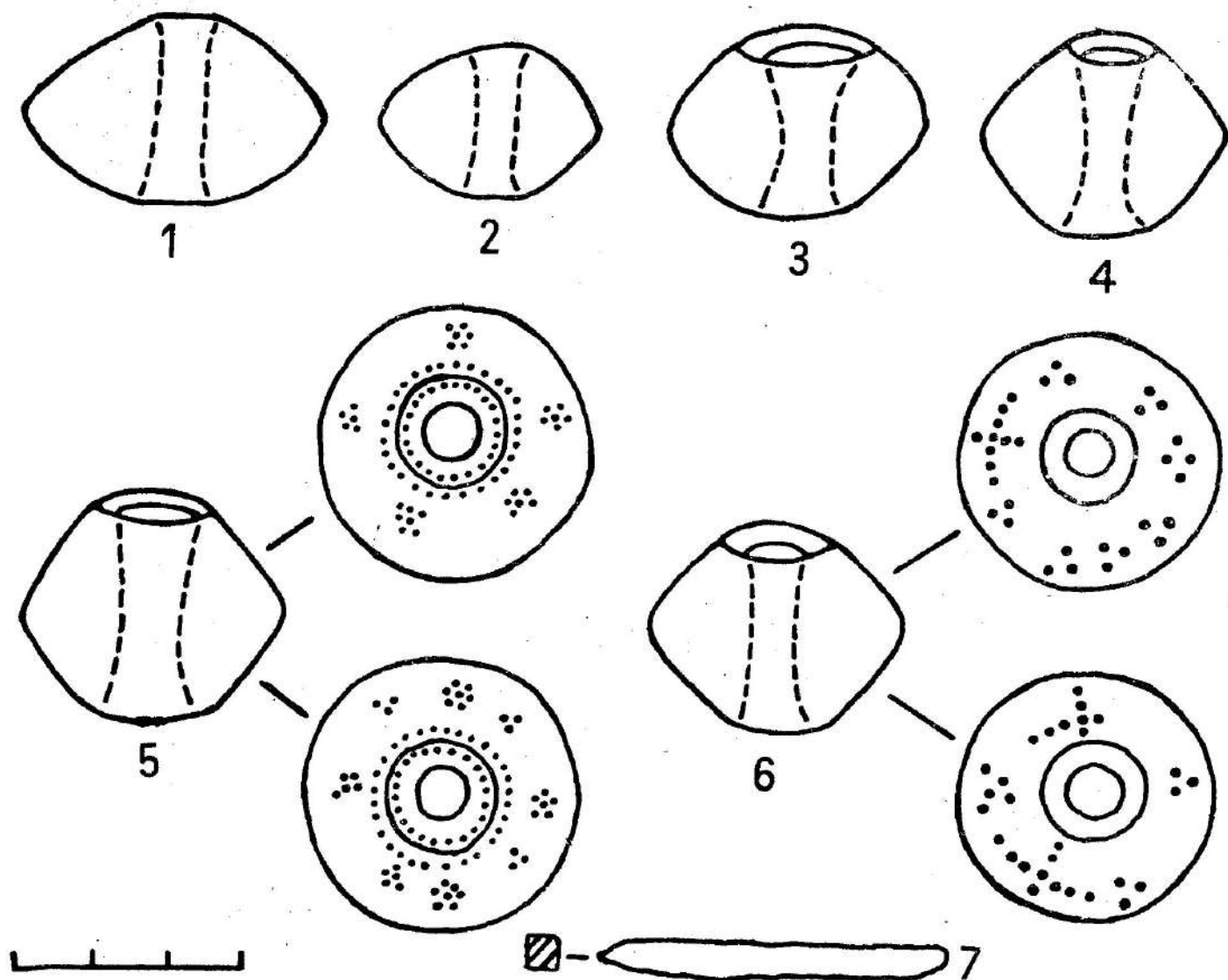

Рис. 5. Селище Занки. Находки из комплексов
1 — из заполнения полуземлянки «А»; 2—7 — из заполнения полуземлянки «Б»

от полуземлянки «А» (рис. 2). Показалась с глубины 0,75 м. Диаметр 1,6 м, глубина 1,15 м. В заполнении обнаружены венчик лепного горшка и бортик сковородки (рис. 8, 1, 2), кости животных.

Яма № 5 находилась в 1,6 м к северо-востоку от полуземлянки «А» (рис. 2). Показалась на глубине 0,6 м. В плане овальная диаметром 2,0×1,4 м. Стенки и дно, достигающее глубины 1,3 м, неровные (рис. 7). В заполнении среди обломков керамики выделяются фрагменты биконического горшка, баночного сосуда, сковородок (рис. 8, 3—7), доньшко с закраиной и кусок обмазки.

Яма № 6 стратиграфически и по местоположению связана непосредственно с полуземлянкой «А» (рис. 2). Она, не доходя 0,3 м, примыкает к ее северо-восточной стенке. Прослежена с глубины 0,6 м. Форма колоколовидная с верхним диаметром 1,0 м. Дно на глубине 1,35 м (рис. 7). В заполнении находились фрагменты яйцевидных горшков, сковородки, диски (рис. 8, 8—11) и днища с отпечатком подставки.

Яма № 8 выявлена на расстоянии 2,6 м к востоку от полуземлянки «А» (рис. 2). Показалась на глубине 0,4 м. Диаметр 0,9 м, дно

на глубине 0,7 м. В заполнении — стенки биконических горшков, плоское дно.

Яма № 10 (столбовая) диаметром 0,4 м и глубиной 0,6 м — выявлена в 0,25 м к западу от ямы № 11 (рис. 2, 7).

Яма № 11 прослежена в 4,5 м к западу от полуземлянки «А» на глубине 0,4 м (рис. 2). Ее диаметр 1,1 м, дно на глубине 1,15 м. Стенки внизу сужаются (рис. 7). В темном заполнении — лепной черепок и камень.

Массовым материалом на поселении были лепная керамика. Это фрагменты и почти целые формы горшков и сковород. Очень редко попадаются миски (рис. 4, 11) и диски (рис. 8, 10). Посуда толстостенная, с небрежно обработанной бугристой поверхностью. В глиняном тесте встречается шамот и песок. Подавляющее большинство изделий неорнаментировано. Только в одном случае горшок украшен насечками по шейке (рис. 4, 8), а сосуд для хранения припасов имел валик с насечками (рис. 6, 8).

В зависимости от формы и профилировки все обнаруженные горшки можно разделить на 5 типов. К первому типу относится бико-

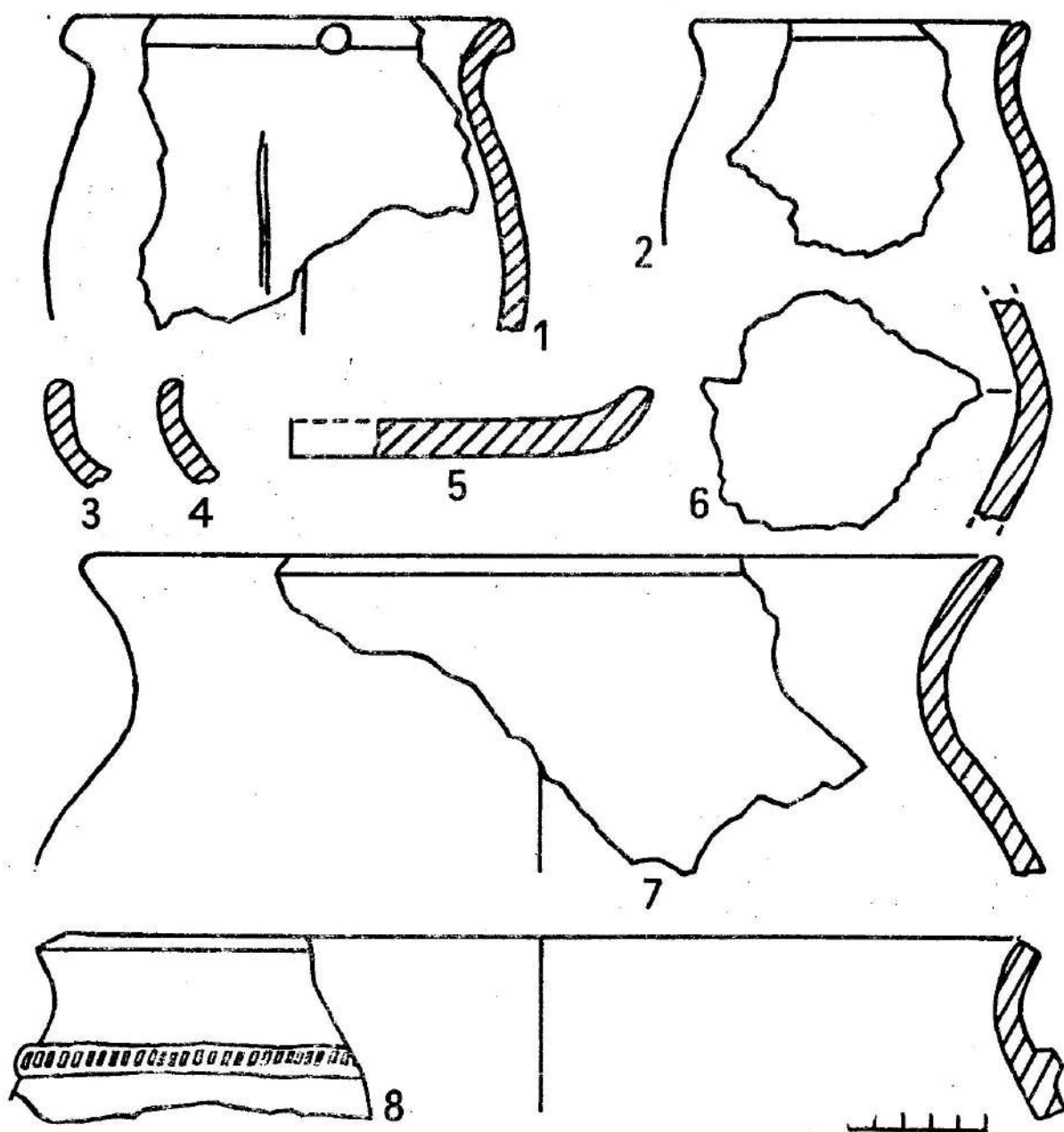

Рис. 6. Селище Занки. Керамика из заполнения полуземлянки «Б»

ническая посуда с отогнутым наружу округленным венчиком и переломом тулова на середине высоты (рис. 6, 6; 8, 4). Второй тип включает округлобкие горшки с максимальным расширением на середине тулова и более или менее отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 2, 8, 13, 14; 6, 1, 2). В третий тип зачислены горшки тюльпановидных или цилиндрических форм с открытой горловиной без плечиков и шейки (рис. 4, 9; 8, 5). Четвертый тип представлен фрагментами горшков с расширенной верхней частью, невыделенный венчик у которых загнут вовнутрь (рис. 4, 6). Пятый тип — яйцеобразные сосуды с наибольшим расширением в верхней трети высоты и отогнутым венчиком (рис. 4, 1, 10, 12, 15; 6, 3, 4, 7; 8, 1, 8, 9).

Все найденные в 1976 г. на селище Занки

пряслица — биконические (рис. 5, 1—6). Особый интерес среди них представляют два, происходящие из жилища «Б». Они орнаментированы точечными наколами, которые образуют композиционные пары из 5 и 8 знаков (рис. 5, 5, 6). Повторяемость сюжета и некоторые различия между знаками позволяют говорить об определенной системе, имеющей какое-то смысловое значение.

Отсутствие датирующих вещей затрудняет хронологическое определение описанных жилищ. Отмеченная двухслойность заполнения полуземлянок и то обстоятельство, что большинство находок сделано в его верхней части, свидетельствуют об их принадлежности к раннему периоду существования поселка. С другой стороны, различия в конструктивных деталях построек и некоторые особенности об-

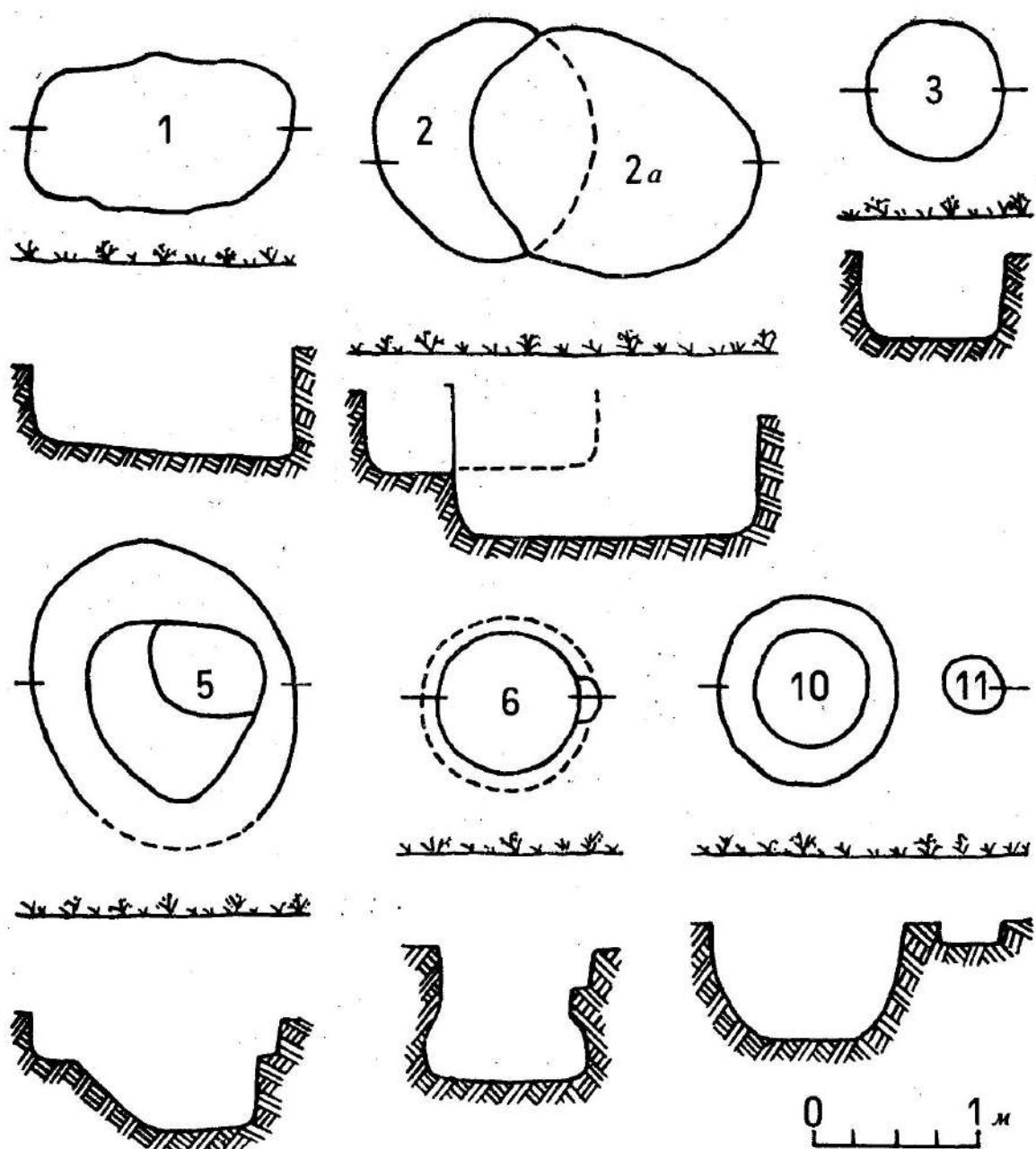

Рис. 7. Селище Занки. Планы и профили ям

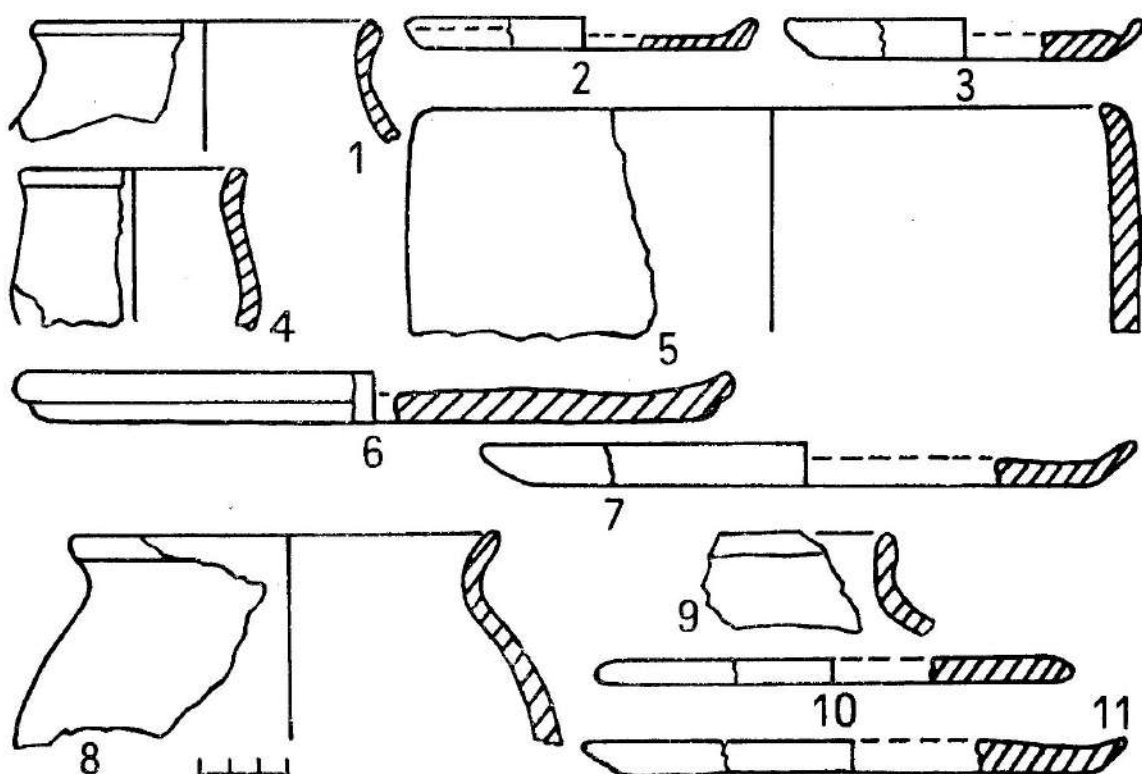

Рис. 8. Селище Занки. Находки из комплексов
1—2 — из ямы № 4; 3—7 — из ямы № 5; 8—11 — из ямы № 6

шей планировки строительных остатков вскрытого участка (почти полное отсутствие ям около полуземлянки «Б» и, напротив, концентрация их вокруг полуземлянки «А») могут указывать на несинхронность объектов. До про-

ведения полного изучения стратиграфии памятника, а также всех выявленных на нем материалов вопрос о дате и культурной принадлежности публикуемых комплексов необходимо оставить открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. — Л.: Наука, 1981.
2. Дьяченко А. Г. Работы Славянского отряда // АО—1976. — М., 1977.
3. Приходнюк О. М. Основные итоги изучения пеньковской культуры // *Archeologica Carpathica*. 1985. Т. 24.
4. Приходнюк О. М. Славянское население Юго-Восточной Европы V—VII вв. (пеньковская культура): Автореф. дис. . . . докт. ист. наук. Киев, 1985.
5. Радзиевская В. Е. Исследование памятников в бассейне Северского Донца // АО — 1972. — М., 1973.

С. И. БЕРЕСТНЕВ, М. В. ЛЮБИЧЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ ПЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАСЕЙНАХ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА И ВОРСКЛЫ

Немногочисленная, но достаточно информативная коллекция пеньковского материала получена в процессе раскопок поселения срубной культуры в урочище «Таранцево» у с. Тимченки Готвальдовского района Харьковской области, расположенного на песчаной возвышенности в пойме левого берега р. Мжи (правый приток Северского Донца). Исследована площадь 3200 м², что позволило выяснить основные вопросы вертикальной и горизонтальной стратиграфии памятника. Отложения эпохи раннего средневековья встречены преимущественно в северо-западной части мыса на небольшом всхолмлении, где был заложен раскоп (1838 м²). Максимальная концентрация находок наблюдается в центре раскопа, где они образуют верхний стратиграфический горизонт культурного слоя, достигающего мощности 0,9 м (рис. 1, 1). Здесь же выявлены хозяйственные ямы и остатки двух печей-каменок.

Печь, связанная с ямой № 1 (рис. 1, 1), показала на глубине 0,2 м*. В момент исследования она представляла собой скопление кусков обожженного песчаника на площади 1,5×1,0 м. Камни лежали непосредственно на линзе прокаленного песка на глубине 0,5 м. Там же встречены древесные угольки, обломки кальцинированных костей, мелкие фрагменты пережженной керамики. С юга к развалу примыкала предпечная яма овальной формы размерами 2,7×1,7 и глубиной 1,0 м. В ее заполнении находились фрагменты стенок грубошамотированных лепных сосудов, обломки обожженного песчаника, кальцинированные кости, пряслице (рис. 1, 18).

Печь, связанная с ямой № 8, находилась в 5,5 м к востоку от ямы № 1 (рис. 1, 1). Она также представляла собой прямоугольное скопление песчаника (1,0×1,4 м), верхняя часть которого показала с глубины 0,25 м, а основание находилось на глубине 0,55 м на обожженном песке. В развале найдена часть лепного биконического горшка (рис. 2, 3). С

юга к печи примыкала овальная яма размерами 2,2×2,1 м и глубиной 0,62 м. В ее заполнении встречены фрагменты стенок и доньшек горшков, пряслице (рис. 1, 15).

Яма № 5 (рис. 1, 1) имела овальную форму размерами 1,7×1,08 м и глубину 0,5 м. В ее заполнении найдены фрагменты лепных горшков (рис. 2, 1, 2) и сковородки (рис. 1, 27), пряслице (рис. 1, 20), стенки гончарных сосудов с прочерченной волной салтовского типа (рис. 1, 13, 14), обломок точильной плиты из сланца.

Яма № 11 находилась в 0,6 м к востоку от ямы № 5 (рис. 1, 1). Она имела овальную форму размерами 1,85×1,35 м и глубину 0,4 м. В заполнении обнаружены фрагменты костей животных (часть из них обожжена), небольшие куски побывавшего в огне песчаника, обломки лепного горшка (рис. 2, 4).

Большая часть находок из комплексов и слоя представлена фрагментами лепной керамики. Посуда изготовлялась из глины с обильной примесью шамота, иногда снаружи заглаживалась травой. Черепок довольно толстый (0,8—1,5 см), в изломе чаще двухслойный. Встречены также обломки слабообожженных сосудов, изготовленных из рыхлой комковатой глины с растительной примесью. На некоторых днищах сохранились отпечатки травы или соломы, которыми были покрыты поверхности подставок, использовавшихся в роли поворотного столика. На одном из днищ с внутренней стороны прослежены следы выбивания — вмятина в центре и расходящиеся от нее волнообразные утолщения.

Ведущими формами керамического комплекса являются вытянутые округлобокие или биконические горшки с отогнутым венчиком и наибольшим расширением примерно посередине высоты (рис. 2, 1, 3, 7—9, 11—14, 17). Реже встречаются биконические сосуды с прямым венчиком (рис. 2, 16) и тюльпановидные (рис. 2, 10). Все эти типы характерны для пеньковских древностей (Археология УССР, 1986, с. 157). Кроме них выделяются широкогорлые сосуды с коротким прямым (рис. 2, 2) или отогнутым венчиком (рис. 2, 4—6). Последние имеют аналогии в волынцевских древ-

* Здесь и далее все глубины даны от уровня дневной поверхности.

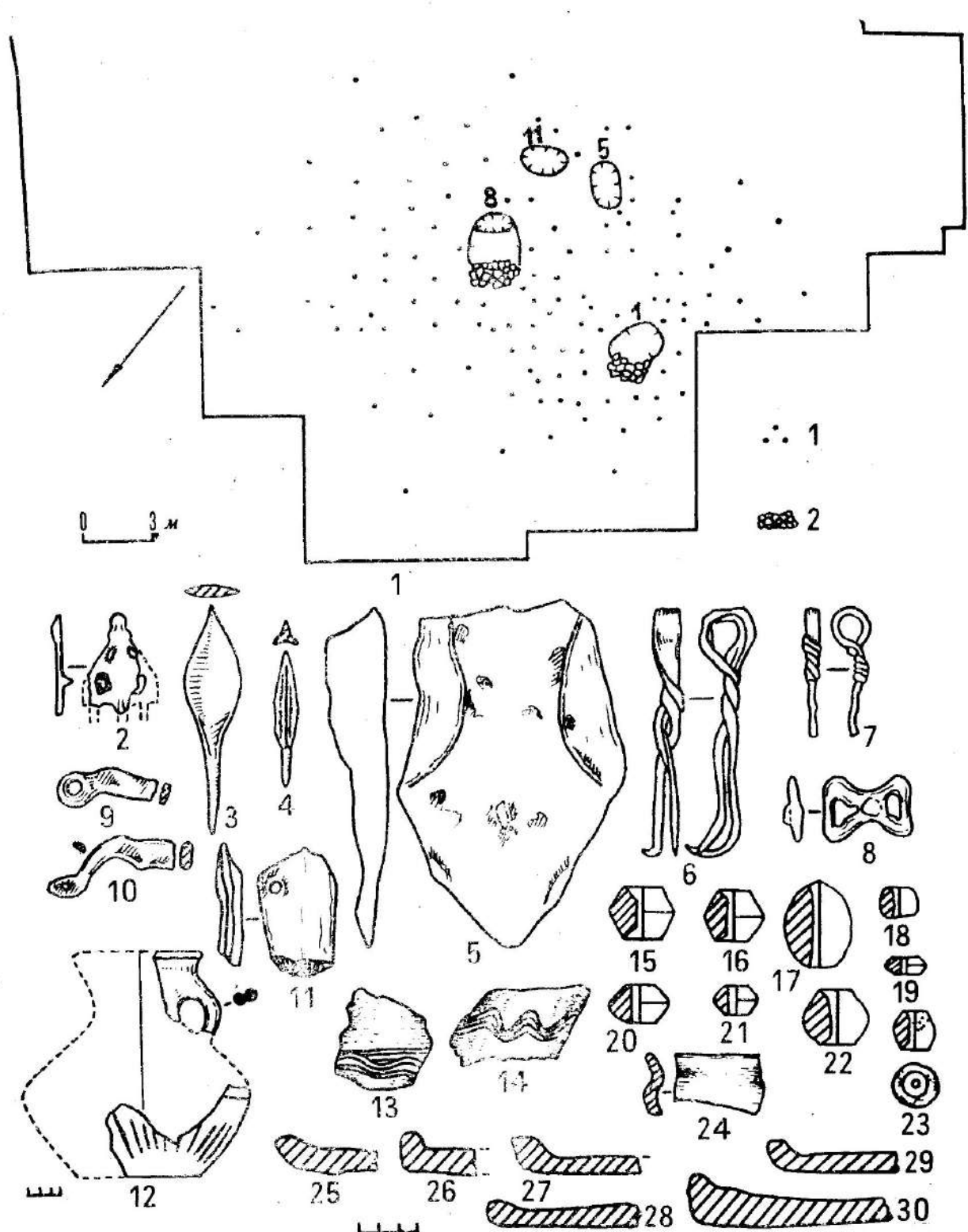

Рис. 1. Материалы селищ Таранцево и Зубовка

1 — план пеньковского горизонта на селище Таранцево.
Условные обозначения: 1 — керамика; 2 — скопления камней; 2—21; 25—28 — селище Таранцево; 2—12, 16, 17, 19—21, 25—28 — слой; 13, 14, 20, 27 — яма № 5; 15 — яма № 8, 18 — яма № 1; 22—24, 29—30 — селище Зубовка; 22 — яма № 5; 23, 24, 29, 30 — слой.

ностях (Щеглова, 1987, с. 44, рис. 1, 19, 20) и в материалах верхнего горизонта поселения Шоссейное (Обломский, Смирнов, Сорокин, 1987, с. 181, рис. 8, 5), датируемого VII—IX вв. В керамике Шоссейного (Там же, с. 179, рис. 6, 5, 6) находит соответствие и горшок с отогнутым венчиком и шаровидным туловом (рис. 2, 15), в волынцевской (Орлов, 1969, с. 237, рис. 1, 8) — реберчатый сосуд с почти вертикальным венчиком (рис. 2, 18). Сковородки (рис. 1, 25—28) имеют в большинстве случаев поздний облик.

Для установления культурно-хронологиче-

ских связей памятника представляются важными находки нескольких фрагментов гончарных салтовских стенок и сероглиняного гончарного кувшина с вертикальными пролощенными линиями (рис. 1, 12).

На селище найдены пряслища биконической и бочонковидной формы, овальное в сечении глиняное грузило (рис. 1, 15—21). Изделия из камня представлены обломком точильного бруска с маленьким сквозным отверстием (рис. 1, 11).

Из культурного слоя происходит часть бронзовой антропоморфной фибулы с ос-

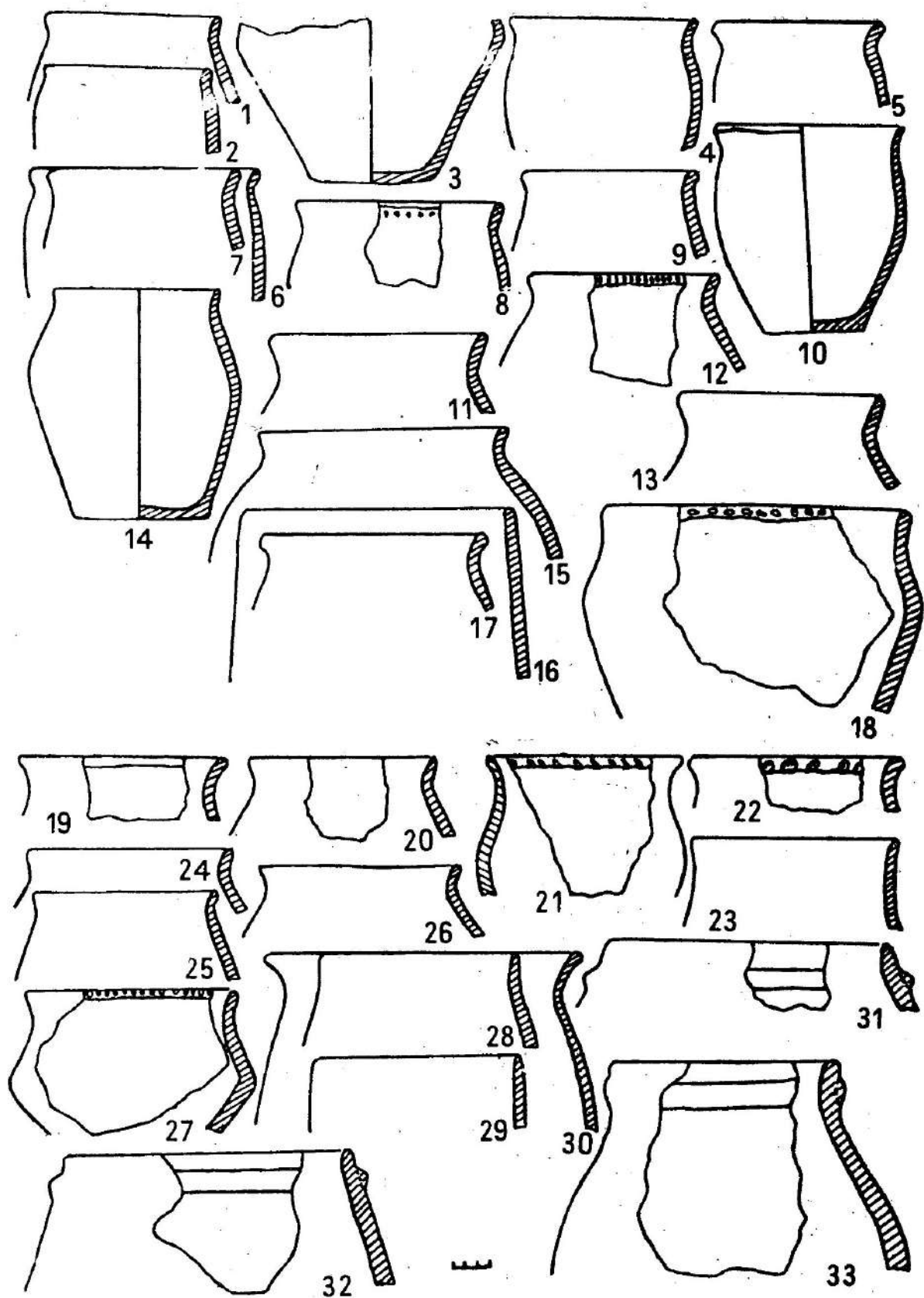

Рис. 2. Керамика из селищ Таранцево и Зубовка
 1—18 — Таранцево: 1, 2 — яма № 5; 3 — печь (яма № 8), 4 — яма № 11,
 5—18 — слой; 19—33 — Зубовка: 19 — яма № 5; 20—26, 28—33 — слой;
 27 — культовый комплекс.

татками приемника на оборотной стороне (рис. 1, 2). Подобные фибулы хорошо известны на Пастырском городище (Ханенко Б. И., Ханенко В. И., 1901, табл. 6, 176, 178, 179) и обычно датируются VII в. (Энтокультурная карта, 1985, с. 89).

Среди железных изделий выделяется килевидный трехлопастный (с плечиками) наконечник стрелы. Его общая длина 68 мм, дли-

на боевой головки 48 мм, ширина 12 мм (рис. 1, 4). Подобные наконечники из Зимного В. В. Аулих, ссылаясь на аварские могильники Подунавья, датировал VI—VIII вв. (1972, с. 54). По А. Ф. Медведеву (1966, с. 59) этот тип (15) бытует в VII—IX вв. Очень похожий на наш наконечник найден в 29 Лагереvском кургане, который Н. А. Мажитов (1981, с. 19, 22, рис. 10, 12) отнес к VII—VIII вв.

Для характеристики хозяйственной деятельности населения важное значение имеет находка узколезвийного наральника с несомкнутой втулкой. Его длина 17 см, ширина рабочей части 11 см, верхней части втулки 9 см (рис. 1, 5). Подобные наконечники пахотных орудий Ю. А. Краснов относит к типу ІВІ и датирует с первой половины I тыс. до XIII—XIV вв., отмечая, однако, что наибольшее их распространение наблюдается в I тыс. н. э. (Краснов, 1987, с. 32, рис. 8, 1—2, с. 39).

На селище найдена восьмерковидная пряжка (рис. 1, 8). Ю. В. Кухаренко (1961, с. 9) считал, что пряжки данной формы бытуют в VI—VIII вв. По И. П. Русановой (1973, с. 19) они доживают до конца IX в. Встречаются указания и на более длительное время их существования, вплоть до XIII в. (Розенфельдт, 1982, с. 139—140).

К числу изделий не совсем ясного назначения относятся обломки железных овальных в сечении дужек с отверстиями (рис. 1, 9, 10) и два крючка (рис. 1, 6, 7).

Учитывая общий облик посуды, наличие керамики салтовского типа, датировки трехлопастного наконечника стрелы и бронзовой фибулы, время пеньковского горизонта на селище Таранцево можно определить в рамках VII—середины VIII вв.

В окрестностях с. Тимченки случайно найден ромбический черешковый наконечник стрелы общей длиной 115 мм. Длина черешка 40 мм, ширина лопасти 30 мм (рис. 1, 3). Подобные наконечники с пропорциями пера 1:3 (тип 47 по А. Ф. Медведеву) были распространены в VIII—середине XI в. только в северной полосе Восточной Европы (Медведев, 1966, с. 68).

Материалы пеньковской культуры получены также при раскопках многослойного поселения у с. Зубовка Краснокутского района Харьковской области. Селище занимает мыс боровой террасы левого берега р. Мерлы (левый приток Ворсклы), который возвышается над уровнем поймы до 3 м. Большая часть памятника заросла лесом. Свободным для исследования остался лишь северный участок размерами 70×80 м. Культурный слой мощностью около 1,0 м в верхней части значительно поврежден глубокой распашкой. Установлено наличие отложений четырех культур: срубной, бондарихинской, скифской и пеньковской.

Раннесредневековые материалы преобладают на глубине до 0,6—0,7 м. С этим горизонтом можно связать несколько ям, выявленных в раскопе 1 (446 м²).

Яма № 5 в плане округлая, диаметром 1,65 и глубиной 1,7 м, находилась в восточной части раскопа. В заполнении — обломки костей, фрагменты стенок и венчик лепного горшка (рис. 2, 19), биконическое пряслице (рис. 1, 22).

Яма № 24 выявлена в южной части раскопа. Она круглой в плане формы диаметром 1,05 и глубиной 1,65 м. В ней найдены фрагменты стенок и днищ лепных горшков, обломок точильного бруска и древесные угольки.

Яма № 25 округлая, диаметром 1,15 и глубиной 1,55 м, обнаружена рядом с предыдущей. В заполнении были мелкие фрагменты лепных горшков, обломок биконического пряслица, бортик сковородки (рис. 1, 30), кости животных.

В южной части раскопа на глубине 0,5 м прослежено компактное скопление керамики, включавшее обломки 4—5 сосудов, частью сильно пережженных. Выделяется фрагмент лепной реберчатой миски эсвидного профиля (рис. 2, 27). Под скоплением зафиксирован тонкий слой древесных углей. В 0,4 м к востоку от него на той же глубине расчищен череп лошади мордой на восток. Под черепом также имелись древесные угольки. Возможно, эти находки связаны между собой и образуют культовый комплекс.

Керамический материал из слоя и ям (рис. 1, 29, 30; 2, 19—20, 22—29) в целом тождественен таранцевскому, за исключением широкогорлых сосудов, которых в Зубовке нет. Новыми формами здесь являются горшок с отогнутым венчиком, четко моделированной шейкой и шаровидным туловом (рис. 2, 21), а также большие сосуды-зерновники (рис. 2, 30, 33). Определенное своеобразие зубовской керамике придает наличие на ней налепных валиков (рис. 2, 31—33), что, как известно, характерно для ранней посуды. На раннее время поселения указывают и фрагменты черняховской гончарной керамики (рис. 1, 24), происходящие из слоя.

На селище найдены биконические пряслица, в т. ч. с подлощенной поверхностью. На одном из пряслиц сохранился орнамент в виде точечных наколов (рис. 1, 23).

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1986. Т. 3.
2. Ауліх В. В. Зимнівське городище—слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині, Київ: Наукова думка, 1972.
3. Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.: Наука, 1986.
4. Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья // САИ. 1961. Вып. ЕІ-57.
5. Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М.: Наука, 1981.
6. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // САИ. 1966. Вып. ЕІ-36.
7. Обломский А. М., Смирнов А. С., Сорокин А. П. Материалы I тыс. н. э. на поселении Шосейное // СА. 1987. № 4.
8. Орлов Р. С. Поселения с керамикой волинцевского типа на Київщині // АДУ—1969. Київ, 1972. Вып. IV.
9. Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М.: Наука, 1982.
10. Ханенко Б. И., Ханенко В. И. Древности Приднепровья. Киев, 1901. Вып. 4.
11. Щеглова О. А. Волинцевский горизонт поселения Вовки // КСИА. 1987. Вып. 190.
12. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев: Наукова думка, 1985.

О ХАРАКТЕРЕ ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ПЛАНИРОВКЕ ДОНЕЦКОГО ГОРОДИЩА В IX — НАЧАЛЕ X ВВ.

Донецкое городище, расположенное на юго-западной окраине Харькова на высоком правом берегу р. Уды у с. Карачевка, известно в литературе как многослойное поселение, содержащее отложения бронзового века, скифского времени, роменской и древнерусской культур (Ляпушкин, 1961, с. 258; Шрамко, 1962, с. 298). Строительные комплексы роменского периода, являющиеся предметом настоящей статьи, были изучены Б. А. Шрамко в 1955—57 гг. и им же введены в научный оборот (Шрамко, 1960, с. 319—321; 1962, с. 300—306; 1970, с. 105—108). Вместе с тем интерпретация материалов, предложенная автором ра-

скоп, в некоторых важных случаях нуждается, на наш взгляд, в существенных уточнениях, что главным образом и побудило нас обратиться к данной теме*.

На сохранившейся части мыса Донецкого городища площадью 655 кв. м (рис. 1, 3) выявлено 5 жилищ роменской культуры (рис. 2, 1), из которых 4 (А, В, Г и Д) относятся к типу полуземляночных. В плане углубленные основания полуземлянок четырехуголь-

* Выражаем глубокую признательность Б. А. Шрамко за разрешение использовать в статье неопубликованные данные раскопок Донецкого городища.

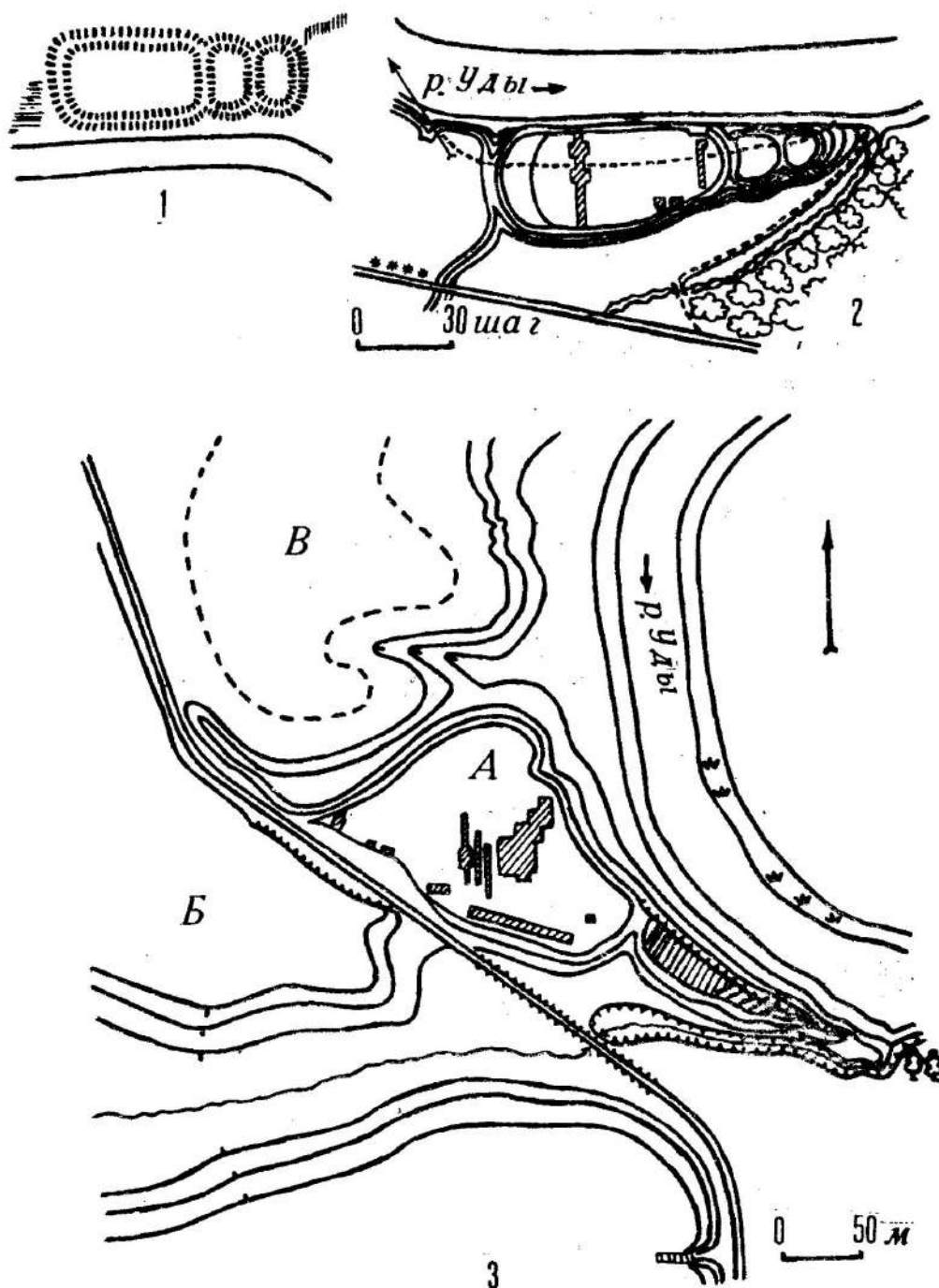

Рис. 1. Планы Донецкого городища по съемкам В. В. Пассека (1), В. А. Городиова (2) и Б. А. Шрамко (3)

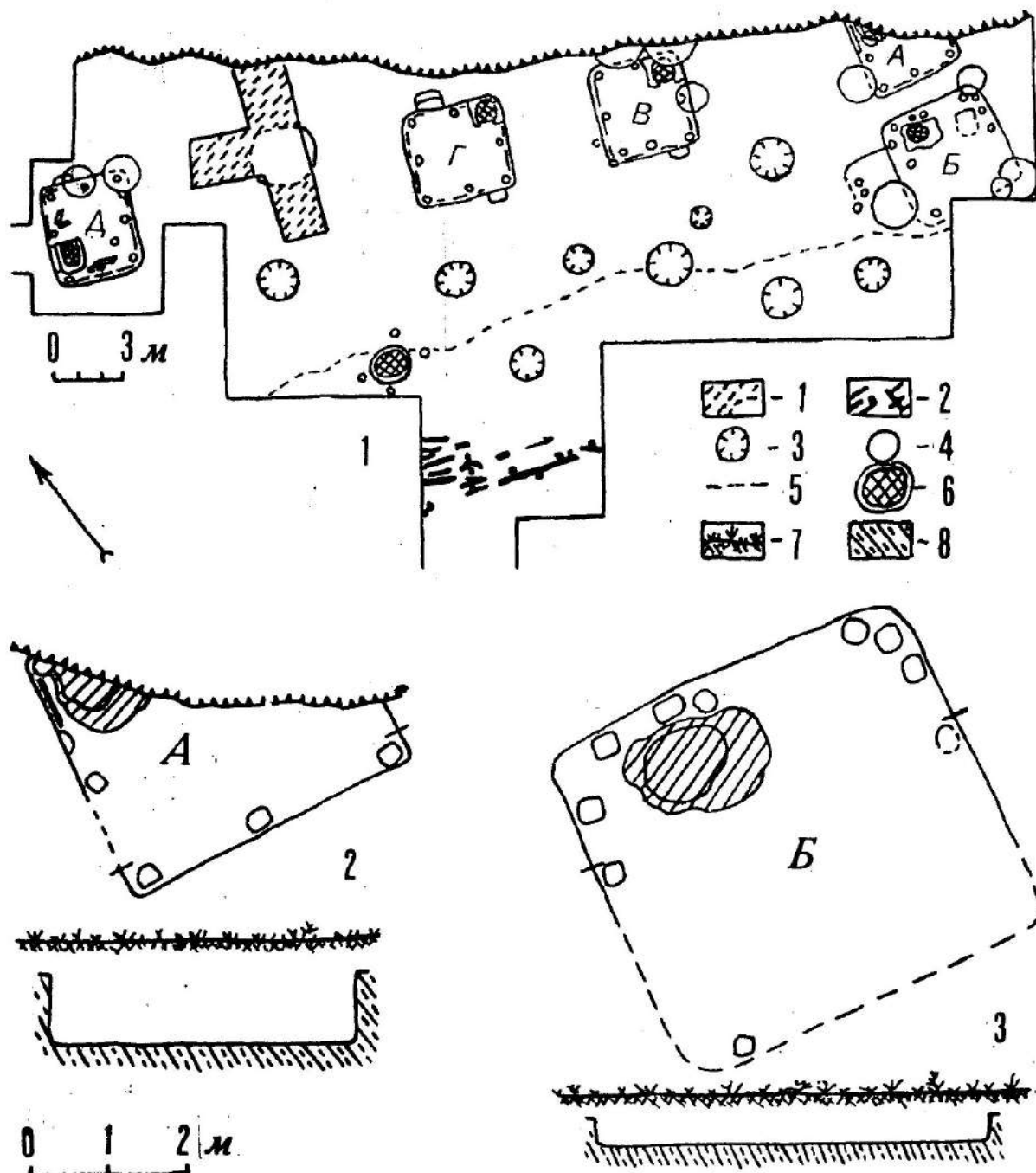

Рис. 2. Общий план застройки сохранившейся части Донецкого городища в роменский период (1), планы жилищ А и Б (2, 3) (по Б. А. Шрамко).
Условные обозначения: 1 — остатки траншеи 1902 г. (В. А. Городцова); 2 — остатки оборонительной стены IX — начала X вв.; 3 — роменские ямы; 4 — древнерусские ямы (выборочно); 5 — граница щебневой засыпки; 6 — печь для обжига керамики; 7 — дерн; 8 — материк.

ные, с округлыми углами (рис. 2, 1). Одни из них приближаются к квадратам, другие представляют собой прямоугольники. Площадь колеблется от 14,6 до 18,6 кв. м. Аналогичные по формам и размерам котлованы характерны для жилищ как роменской культуры (Ляпушкин, 1961, с. 225), так и в целом для славянских поселений конца 1 тысячелетия на территории лесостепной зоны Восточной Европы (Раппопорт, 1975, с. 119).

Глубина котлованов от уровня материка составляет 0,8—1,25 м. Разница в высоте стенок незначительна. Пол всегда материковый, ровный. Особенностью полов является наличие ближе к центру углублений округлой или овальной формы диаметром около 1,2 и глубиной 0,1—0,2 м. Назначение их не совсем ясно. Возможно, это водосборные впади-

ны или своеобразные «холодильники». Аналогичные ямки зафиксировал также О. М. Приходнюк в жилищах селища Городок в Среднем Поднестровье. Он считает их хозяйственными ямами (Приходнюк, 1975, с. 19, 93—96, рис. 26—28).

Ориентировка полуземлянок однообразна: одна из диагоналей направлена строго по линии С—Ю, длинные стороны обращены на СЗ—ЮВ, короткие на СВ—ЮЗ. Аналогично ориентированы жилища на всей территории роменской культуры (Ляпушкин, 1961, с. 225).

Во всех четырех котлованах вдоль стен прослеживалось обгорелое дерево, свидетельствующее о применении облицовки. Она состояла из бревенчатых плах шириной 0,12—0,15 м, гладко отесанных со стороны, обращенной внутрь жилища. Везде имелись также

столбовые ямки. Средние размеры их $0,25 \times 0,25$ м, глубина 0,3—0,5 м. Форма ямок четырехугольная, дно плоское. Расположение всегда подчинено единой схеме: ямки выкапывались в каждом углу и в средней части стенок. Весьма важной деталью является расстояние, на котором находятся края столбовых ямок, от материковых стенок построек. В полуземлянке А они выкопаны отступя 3—4 см,

в других котлованах удалены на 10—15 см, что указывает на разную толщину облицовочного материала.

В стенах полуземлянок В, Г и Д четко зафиксированы оконные проемы в виде трапециевидных в плане вырезов размерами $0,65 \times 0,70 \times 0,45$ м (В) и $0,60 \times 0,75 \times 0,45$ м (Г). Основание их имеет наклон к полу. По этой причине в полуземлянке В, например, глубина

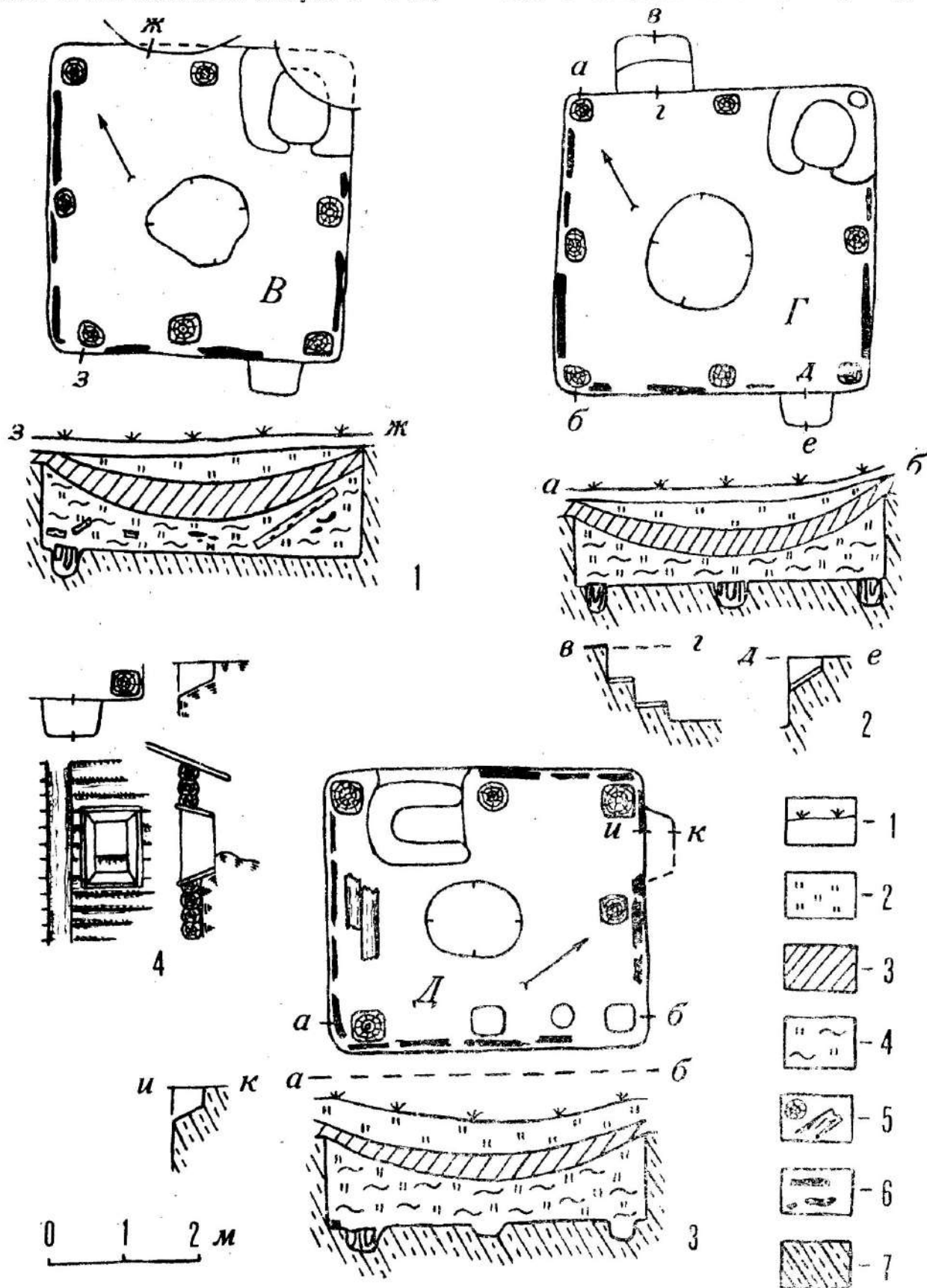

Рис. 3. Донецкое городище. Планы жилищ В, Г и Д (1—3), реконструкция окна в жилище Г (4) (по Б. А. Шрамко)

Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — желтая глина; 3 — серая почва; 4 — земля, смешанная с глинной, углями и золой; 5 — остатки дерева; 6 — древесный уголь; 7 — материковый суглинок

выреза у стенки равнялась 0,39 м, а с наружной стороны 0,2 м. Стенки были облицованы досками. Устройство вырезов показывает, что перед нами нижняя часть окна, имеющая, как и в современном домостроительстве, характерное расширение внутрь жилища. Аналогичные оконные проемы известны на Большом и Малом Боршевских городищах (Ефименко и Третьяков, 1948, с. 31, 74), а также в древнерусской полуземлянке на Южном Старорязанском городище (Даркевич, 1972, с. 101). Различия наблюдаются только в расположении окон. У полуземлянок Донецкого и Старорязанского городищ они всегда вырезаны напротив устья печи в одном из углов в северной или южной стенках, обычно противоположных входу, в то время как у боршевских находятся рядом с печью. Не приходится сомневаться, что окна в данных двух вариантах расположения имели различное назначение. У полуземлянок боршевского типа это были волоковые отверстия для отвода дыма, а в донецких и старорязанской полуземлянках — приспособления для освещения. Для пропускания света могли использоваться известные по этнографическим и историческим источникам бычьи и рыбы пузыри, брехови-

ца, промасленный холст, тонкие дощечки из смолистого дерева, а зимой и просто пластинки речного льда (Бломквист, 1956, с. 119).

В полуземлянке Г между северным углом и печкой обнаружен прорезавший стенку ступенчатый вход. Он имел вид двух прямоугольных ступенек, облицованных деревом (рис. 4,1) Их высота 0,25 и 0,36 м, ширина около 0,4 м. Ширина входа 1,12 м. Аналогичные ступеньки зафиксированы на ряде славянских памятников VI—X вв. Среднего Поднепровья и Поднестровья.

Определить место входа в полуземлянку Д помогает дополнительная столбовая ямка, находящаяся ближе к северо-восточному углу. Столб, вкопанный между угловым столбом и столбом, стоявшим у середины стены этого жилища, мог быть только косяком двери (Раппопорт, 1975, с. 132). Пользовались этим входом с помощью деревянной лестницы-мачты, которая приставлялась к порогу изнутри жилища и заменяла ступеньки.

В процессе раскопок жилищ Донецкого городища получены данные, которые позволяют восстановить их внешний облик в форме, существенно отличающейся от реконструкций славянских полуземлянок, предложенных

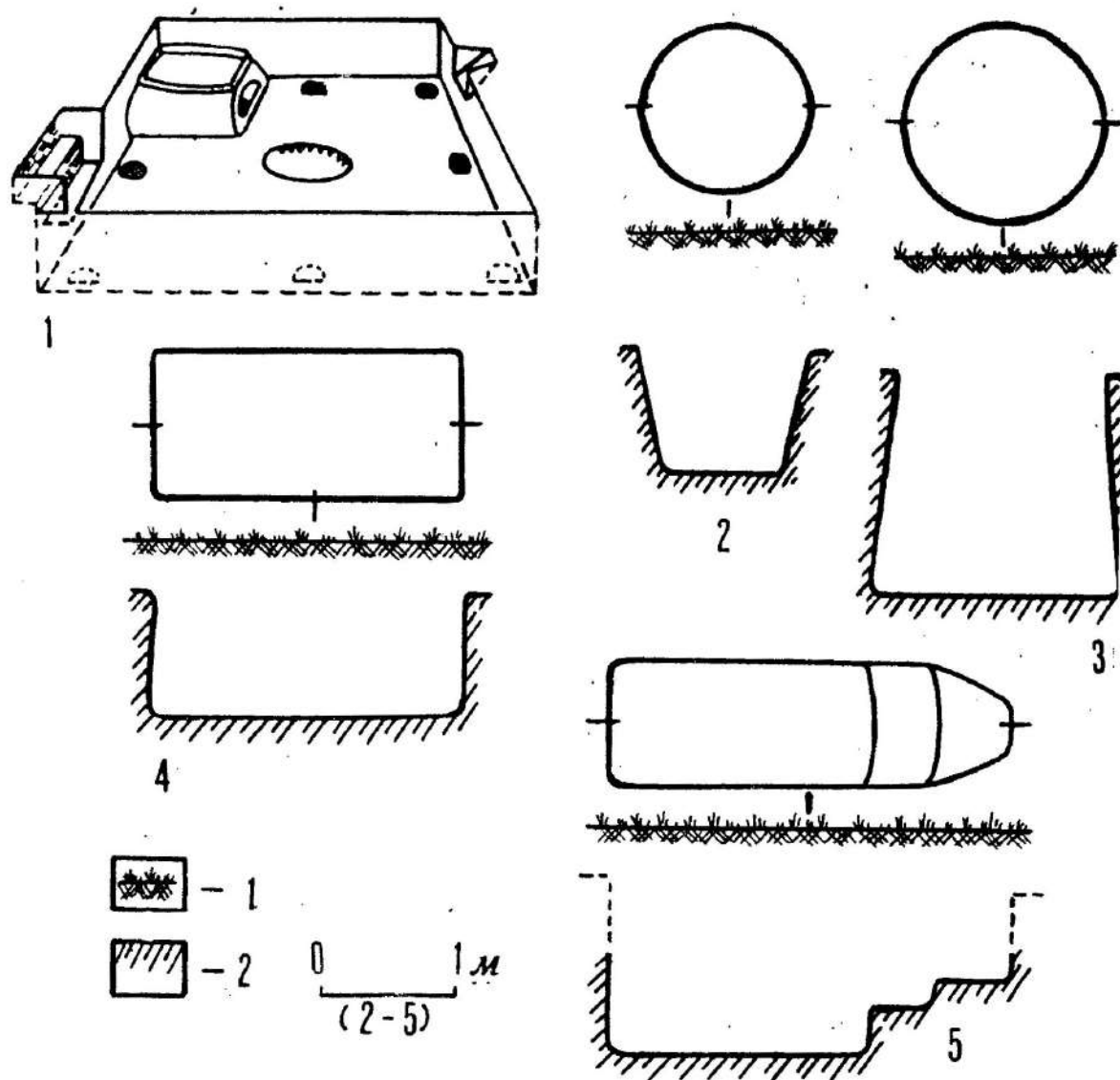

Рис. 4. Строительные комплексы Донецкого городища:
1 — реконструкция основания жилища Г (по Б. А. Шрамко);
2, 3 — типы хозяйственных ям; 4, 5 — типы погребов
Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — материк

И. И. Ляпушкиным (1958, с. 194) и П. А. Раппопортом (1975, с. 132). Прежде всего, наличие оконных проемов бесспорно свидетельствует в пользу того, что стены построек возвышались над поверхностью. Вместе с тем традиционная техника славянского домостроительства предполагает врубку окна только в стене (Бломквист, 1956, с. 119, 120; Ганцкая, 1967, с. 184), а не за ее обрезом, как это ошибочно показано на рисунке Б. А. Шрамко (1960, с. 319, рис. 1, 3) (рис. 3, 4). Учитывая, что края вырезом нижней части окон удалены от бортов на 0,45—0,65 м, следует признать, что рубленые стены полуземлянок стояли за пределами котлованов (рис. 5).

Определить внутреннюю высоту жилищ сколько-нибудь точно практически невозможно. Думается, прав Г. В. Борисевич, оценивающий ее исходя из необходимости организовать в помещении нормальную бытовую и производственную деятельность людей, а также обогревательных возможностей печей (Борисевич, 1978, с. 284).

Из элементов внутреннего устройства жи-

лищ выявлены только глиняные кубовидные печи. Сооружение печей осуществлялось одновременно с подготовкой котлована полуземлянки. При его выкапывании в одном из углов оставлялся материковый останец кубовидной формы размерами $1,2 \times 1,2$ или $1,4 \times 1,4$ м. Высота его была несколько ниже ямы и равнялась примерно 0,7—0,9 м. Одной или двумя сторонами останец примыкал к стенам котлована. Топка вырезалась с той стороны, которая была обращена к окну в противостоящей стене жилища. Направление устья всегда совпадает с направлением более длинных стен котлована. Оно имело вид полукруглой арки. Подтопок делали овальным или прямоугольным, размерами в среднем $0,55 \times 0,80$ м. Как правило, он находился на 10—15 см выше уровня пола. Своды печек не сохранились. Они должны были иметь куполообразную форму и подниматься примерно на 0,6 м над полом. Ремонт боковых стенок печей производился путем подмазок; провалы в сводах закрывали глиняными вальками конусовидной или цилиндрической формы.

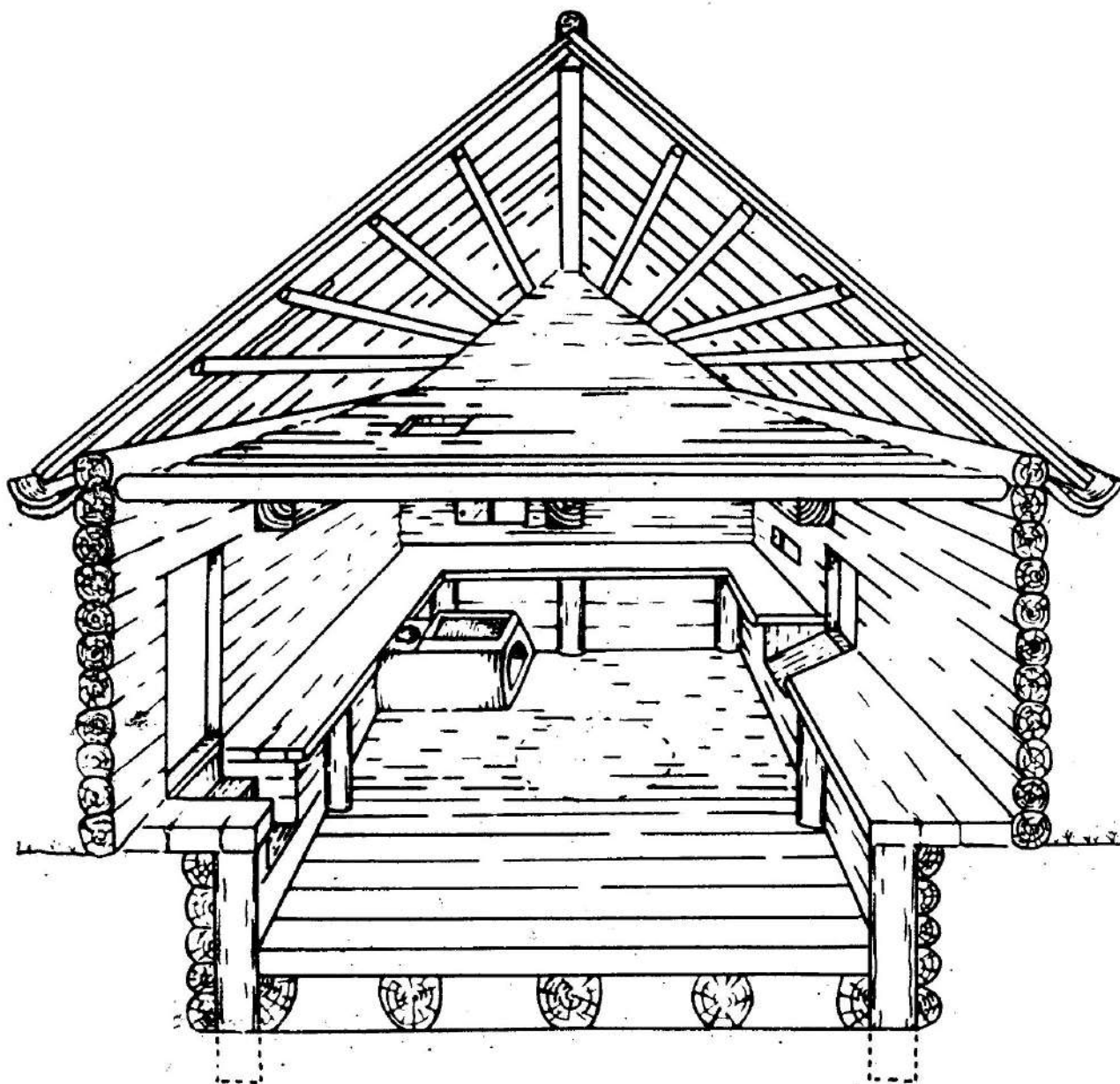

Рис. 5. Донецкое городище. Реконструкция жилища Г.

Кубовидные печи являются основным типом отопительных приспособлений в жилищах роменской культуры (Ляпушкин, 1961, с. 228). Они известны также на славянских памятниках Западной Волыни (Баран, 1972, с. 25—27). Донецкие печи принципиально не отличаются от обычных роменских, но все же можно отметить некоторые специфические детали в их устройстве. К таковым относятся строго квадратные очертания останцев, расположение немного отступая от стенок котлованов, приподнятость пода над уровнем пола, наличие осушительных сковород на сводах.

Сравнивая планы исследованных жилищ с этнографической классификацией соотношений печи и входа (Бломквист, 1956, с. 213), можно убедиться в неоднородности их внутренней плановой структуры. Полуземлянка Д построена в соответствии с левосторонней планировкой III типа (западный южновеликорусский тип), в то время как жилища А, В и Г имеют планировку IV типа (северный средневеликорусский тип). Для полуземлянки А использован, по-видимому, правосторонний вариант, для остальных построек левосторонний.

Полуземлянки В, Г и Д, имеющие левое расположение печи, должны быть отнесены к группе изб-прях (Бломквист, 1956, с. 213). Показательно, что единственное окно в каждой из них всегда расположено в одном месте и точно соответствует так называемому «судному» окну в этнографических жилищах, которое также находится напротив печи (Бломквист, 1956, с. 213). Оно же служит для освещения прялок и гребней при прядении. Полуземлянка А являлась избой-непряхой, чем, можно думать, и обусловлено отсутствие в ней окна напротив устья печи.

Изучение планировки раннеславянских жилищ VIII—X вв. на территории Восточной Европы показало, что почти все они сооружены по плану II типа (Раппопорт, 1975, с. 137—139). В небольшом количестве зафиксированы жилища с планировочной структурой III типа. Постройки, спланированные по IV типу, представляют редчайшее исключение на всей восточнославянской территории. Кроме Донецкого городища, они отмечены П. А. Раппопортом еще на двух памятниках — селище Воргол и городище Курган (Раппопорт, 1975, с. 139).

На Донецком городище исследовано также одно наземное жилище Б. В плане оно близкое к квадрату, размерами 4,9×4,7 м (рис. 2, 1, 3). Длинной осью ориентировано по линии СВ—ЮЗ. Стены жилища опирались на столбы и были обмазаны глиной, куски которой сохранили отпечатки прутяного каркаса. Вход находился ближе к восточному углу, где имеется пара опорных столбов (один из них — косяк двери), поставленных на расстоянии 1 м друг от друга.

Остатки печки обнаружены почти напротив входа в противоположном углу. Она была вылеплена из глины, но без использования прутяной основы. Под овальной формы вытя-

нут вдоль северо-восточной стенки. Устьем печь обращена ко входу. Сооружено жилище по II типу внутренней планировки. С северо-западной стороны к нему примыкала небольшая пристройка типа кладовой. На полу в ней лежали обломки роменских горшков с отверстиями для связывания.

Наземные жилища каркасного типа появляются на заключительной фазе развития роменской культуры. Убедительное доказательство этому получено А. В. Кузой на Большом Горнальском городище, где группа жилищ, аналогичных донецкому, оказалась стратиграфически связанной с верхними слоями поселения, которые в комплексе датируются концом IX — третьей четвертью X вв. (Куза, 1981, с. 28—30).

Раскопки Донецкого городища позволяют составить определенное представление о характере хозяйственных построек местного славянского населения. Отметим летние надворные печи кухонного типа, выявленные на селище А. Сохранились они очень плохо. Прослежены главным образом предпечные ямы прямоугольной формы размерами приблизительно 2,8×1,5 м, глубиной 0,85—1,00 м. Собственно печи, судя по обмазке, лепились из глины на материковом возвышении, но без использования каркаса из прутьев. Исследован также один погреб прямоугольной формы глубиной 1,8 м (рис. 4, 5). С глубины 1 м в него вели ступеньки.

Хозяйственных ям изучено 18. В плане они круглые, овальные или прямоугольные. По профилю вертикального сечения их можно разделить на цилиндрические и усеченно-конические (рис. 4, 2—4). Преобладают цилиндрические ямы с диаметром устья от 0,45 до 2,5 м и глубиной от 0,4—1,4 до 2,7 м. Усеченно-конические ямы в одних случаях имеют устье шире дна, в других дно шире устья. Глубина их колеблется от 0,5—1,9 до 2,7 м.

Несмотря на то, что большая часть Донецкого городища не сохранилась, сопоставление современного плана памятника с планом 1902 г. (рис. 1, 2, 3) все же позволяет достаточно ясно представить его общий облик благодаря тому, что на поселении выступает четкая система в расположении жилищ относительно друг друга и хозяйственных построек. Жилища здесь были преднамеренно поставлены вдоль длинной оси городища на удалении 10—12 м от южного края (рис. 2, 1). Между ними имелись проходы шириной 4,7 м и более. Учитывая, что в древности площадка мыса была больше современной приблизительно в 2,5 раза, можно предполагать, что славянский поселок состоял из 25—30 жилищ.

Хозяйственные ямы выкопаны позади жилых помещений напротив каждой полуземлянки на расстоянии от 3 до 6—7 м. Лишь отдельные ямы вынесены к краю мыса на удаление 5—6 м от оборонительной стены. В стороне сооружена и печь для обжига керамики (рис. 2, 1).

В литературе Донецкое городище фигурирует как памятник с элементами уличной пла-

пировки (Шрамко, 1962, с. 300; Сухобок, 1975, с. 71), хотя в действительности это не так. Уличная планировка предполагает заранее продуманное раздельное расположение жилых и хозяйственных построек по противоположным сторонам улицы, чего на Донецком городище в роменскую эпоху не было. Улица вообще характерна для развитого средневековья и, в частности, на сельских поселениях Восточной Европы появляется не ранее XVI века (Бломквист, 1956, с. 48). Внутреннее устройство славянского поселка на Донецком городище полностью соответствует типу «линейной» или «рядовой» древнерусской деревни, складывание которой происходило в VIII—X вв. на территории лесной полосы Восточной Европы (Бломквист, 1956,

с. 4). Специфическими чертами ее планировки, если поселение возникло на высоком обрывистом берегу, было обращение домов фасадами к реке с расположением их вдоль береговой линии. Именно так и стоят полуземлянки Донецкого городища — входами к реке Уды, вдоль ее крутого правого берега.

Аналогии планировке Донецкого городища в роменской культуре пока не выявлены, однако зачатки ее можно отметить на более ранних славянских памятниках Поднестровья и Южного Буга (Приходнюк, 1975, с. 11), а также на борщевском городище Титчиха (Москаленко, 1965, с. 61, 62). В XI—XIII вв. линейная (прибрежно-рядовая) планировка стала основной на сельских поселениях Древней Руси (Успенская, Фехнер, 1956, с. 15—17).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ: Наук. думка, 1972.
2. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.
3. Борисевич Г. В. // СА. 1978. № 4. — Рец. на кн. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище // САИ. 1975. Вып. Е-1-32.
4. Ганцкая О. А. Строительная техника русских крестьян // Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967.
5. Даркевич В. П. Раскопки в Старой Рязани // АО—1971. М., 1972.
6. Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. № 8.
7. Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981.
8. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // МИА. 1958, № 74.
9. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. № 104.
10. Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1965.
11. Приходнюк О. М. Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.). Київ: Наук. думка, 1975.
12. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище // САИ. 1975. Вып. Е-1-32.
13. Сухобок О. В. Славяне Днепровского Левобережья. Киев: Наук. думка, 1975.
14. Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения Древней Руси // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956.
15. Шрамко Б. А. Новые детали устройства раннеславянских жилищ // СА. 1960. № 3.
16. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во ХГУ, 1962.
17. Шрамко Б. А. Раннеславянское поселение VIII—X вв. на Донецком городище // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

В. К. МИХЕЕВ

О СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ У НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДОНЬЯ-ПРИАЗОВЬЯ В VIII—X ВВ. (Часть 1)

К середине VIII в. Подонье и Приазовье в археологическом плане представляли собой более или менее однородный массив, занятый памятниками салтово-маяцкой культуры (СМК). Различия, прослеживающиеся в типах поселений, домостроительстве, могильных сооружениях, погребальном обряде и других элементах, позволяют выделить на данной территории три варианта салтовских древностей: лесостепной (аланский), степной и приазовский (оба праболгарских) (Ляпушкин, 1958, с. 142; Плетнева, 1967, с. 5). Предпринятая С. А. Плетневой попытка расчленить праболгарские памятники на более дробные локальные варианты (верхнедонской, среднедонской, нижнедонской, приазовский) (Плетнева, 1981, с. 9—19) показала, что даже внутри этих микрорайонов археологические памятники далеко не однородны. Вряд ли можно сомневаться в том, что выявляемая пестрота в материальной культуре населения является результатом его значительной этнической не-

однородности, уходящей своими корнями в раннесредневековую историю юга Восточной Европы.

Последним крупным кочевническим образованием в Северном Причерноморье в период, непосредственно предшествовавший установлению господства хазар, была Великая Болгария, возникшая в 30-х гг. VII в. после распада Западно-Тюркского каганата. Созданное немногочисленными приазовскими болгарами, по нашим расчетам, около 25 тыс. человек, это непрочное политическое объединение быстро прекратило свое существование под ударами хазарских войск. Оставшиеся в степях различные кочевые группы были включены в состав Хазарского каганата и приняли участие в формировании СМК.

Хазарская экспансия на запад, в Приазовье, а затем в причерноморские степи на некоторое время нарушила нормальную хозяйственную жизнь региона, произвела новую перетасовку кочевых образований. Однако

сравнительно спокойные условия жизни под эгидой хазарской государственности должны были привести к быстрому упорядочению процессов кочевания. Представляется, что уже в конце VII — начале VIII вв. кочевники освоили все восточноевропейские степи. Иногда маршруты перекочиков вклинивались даже в лесостепь (Монгайт, 1951, с. 124—130; Амброз, 1982, с. 204). Археологическими следами второй стадии кочевания в Приазовье являются остатки небольших стойбищ (типа II по С. А. Плетневой), связываемые с аильной формой, переходной к оседлости (Плетнева, 1967, с. 19).

Таким образом, на различных материалах прослеживаются два взаимозависимых явления, имеющих, как нам думается, непосредственное отношение к теме настоящей статьи: начало оседания кочевников в Подонье-Приазовье и включение этого региона в состав Хазарского каганата.

В связи с изложенным немаловажным представляется еще один вопрос: как, собственно, происходило заселение и освоение Подонья, включая его лесостепную часть, в рамках государственной структуры и государственной политики Хазарии? Без ответа на него мы едва ли приблизимся к правильному пониманию установившихся в Подонье-Приазовье социально-политических отношений и их специфики.

До недавнего времени считалось, что лесостепное Подонье в хазарский период было заселено северокавказскими аланами, которые якобы занимали территорию, свободную от другого населения. Сейчас, однако, это мнение нуждается в существенной корректировке. Как показали исследования последних лет, в третьей четверти I тыс. придонская лесостепь была освоена славянским населением пеньковской культуры, причем поречье Северского Донца было восточной границей этого этнического массива. В. А. Горюнов полагал, что пеньковские племена во избежание участи болгар, разгромленных до этого хазарами, не остались на месте, а сдвинулись в северном направлении (Горюнов, 1987, с. 87). Однако с этой точкой зрения можно согласиться лишь частично. Как показывают факты, отдельные группы пеньковского населения все же остались на местах своего проживания и после хазарской экспансии в Подонье. Пеньковские трупосожжения в урнах обнаружены в Дмитровском могильнике (Плетнева, 1972); пеньковская керамика известна из слоев VIII—X вв. на Донецком и Хорошевском городищах, где вместе с северянами, очевидно, обитали и пеньковцы (Дьяченко, 1983, с. 85). Особенно примечательным в этом отношении представляется исследованный нами археологический комплекс у с. Сухая Гомольша. Там, вблизи салтовского городища с каменными стенами, обнаружен ряд явно связанных с ним селищ. На одном из них, наряду с остатками салтовской культуры, обнаружены пять жилищ и несколько хозяйственных ям с керамикой пеньковского типа (Михеев, Приходнюк,

1986). Материалы раскопанного здесь жернового могильника с обрядом трупосожжения (Михеев, 1986) свидетельствуют о проникновении пеньковцев в среду носителей СМК. Как и на р. Короче возле Дмитровского городища, позднепеньковское население в районе Сухой Гомольши продолжало жить возле салтовской крепости.

Проникновение кочевников в лесостепь уже в ранний период бытования салтовской культуры сопровождалось разнообразными контактами с ранними славянами-земледельцами. С течением времени эти контакты усиливались. В этой связи можно, с одной стороны, отметить наличие обломков роменской посуды на двух селищах возле салтовского городища у с. Мохнач (Плетнева, 1960; Шрамко, 1962, с. 290—292), роменское жилище и керамику на салтовском Сухогомольшанском селище (Михеев, Дьяченко, 1972). С другой стороны, глубоко в лесостепи у с. Мачуха в Полтавской области существовала керамическая мастерская СМК. (Макаренко, 1911, с. 116—118). Кухонная салтовская посуда составляет 7,6 % керамического комплекса VIII—X вв. Донецкого городища (Дьяченко, 1983, с. 86), вместе с вещами салтовского типа представлена она и на Новотроицком городище (Ляпушкин, 1958, с. 44, 46). Кроме того, о смешанном славяно-салтовском населении позволяет судить археологический материал, происходящий из погребений конца IX—X вв. на Верхнем и Среднем Дону (Москаленко, 1981, с. 134—141; Винников, 1979, с. 145—163), трупосожжение роменской культуры возле салтовского селища у х. Ендовский в бассейне Хопра (Афанасьев, 1985, с. 92—93) и др. материалы.

Таким образом, на раннем этапе освоения лесостепи имела место инфильтрация кочевнического населения в славянскую среду. Позднее наблюдается диффузия, повлекшая за собой некоторую территориальную чересполосицу в расселении славян и салтовцев. Земледельческие навыки славян были в какой-то мере восприняты оседающими степняками, во всяком случае служили им примером для подражания, а поэтому культурное воздействие славянского населения на процесс седентаризации нельзя преуменьшать.

Отмеченный симбиоз не привел к слиянию разноэтничных культур, что, очевидно, связано с причинами политического характера. Исторические факты, в частности свидетельства об отнюдь не мирном характере хазарской экспансии, сведения русских летописей о выплатах дани хазарам вятичами и северянами, наконец, данные археологической топографии, побуждают предполагать, что славянское население Подонья и сопредельных территорий находилось в зависимости от каганата. К рассмотрению характера этой зависимости мы вернемся несколько ниже, а сейчас подчеркнем, что основу социально-экономических преобразований в среде кочевников Юго-Восточной Европы в период существования Хазарского каганата составляла седентаризация.

Однако тот культурно-хозяйственный тип пашенных, плужных земледельцев, который складывается в лесостепном Подонье в VIII—X вв. (Михеев, 1985), является не результатом указанного процесса (хотя факт существования здесь переходящих к оседлости групп населения зафиксирован археологически и не вызывает сомнений), а следствием миграции в этот район давно сформировавших свой земледельческий хозяйственный облик обитателей предгорий Северного Кавказа — алан. Признавая важность седентаризационных процессов, следует все же отметить, что в лесостепи они не были основными и охватывали лишь те группы кочевников, которые по различным причинам оказались в составе земледельческого населения и вынуждены были оседать на землю. В этом регионе не седентаризация определяла общую тенденцию социально-экономического развития края, а естественный процесс совершенствования земледельческо-скотоводческого хозяйства пришлых алан*. Именно то, что аланы пришли в восточноевропейскую лесостепь уже со стойкими земледельческими традициями, помогло им сравнительно быстро усвоить лучшее, что имелося в земледельческой технике и технологии славян.

Становление классовых отношений происходило у алан на Северном Кавказе уже в VIII—IX вв. и завершилось в X в. образованием аланского государства. Вероятно, внутренние предпосылки для сложения государства существовали у них и ранее, может быть уже в VII—VIII вв., но этому не благоприятствовала внешнеполитическая обстановка. Аланы в рассматриваемое время уже не обладали тем военным могуществом, которое они имели в V—VI вв. Соседство Хазарского каганата ослабило их и сделало невозможным возникновение собственной государственности. Именно поэтому о крупномасштабных самостоятельных военных предприятиях алан не сообщают ни византийские, ни армянские, ни грузинские источники. По данным Ибн ал-Асира, уже в 721/22 г. хазары воевали с аланами и победили их (Из Тарих-ал-Камиль, 1940, с. 23). Зависимость алан от хазар, очевидно, усилилась к 772/23 гг., когда по сведению астронома и географа Фазари хазары и аланы составляли одно общее государство (Zrodla..., 1956, с. 29).

На наш взгляд, причины и обстоятельства появления алан в Подонье связаны не только с арабскими войнами. В не меньшей, если не в большей, степени они были обусловлены и внутрисполитическими факторами развития Хазарского каганата во второй период его истории. Из хронологии, характера и результатов арабо-хазарских войн явствует, что эти войны непосредственно затронули Северный Кавказ — лишь в 20-х годах VIII в. До этого, с 40-х годов VII в., аланы вели военные действия вне своей территории. В дальнейшем они только трижды являлись объектом целе-

направленных военных действий со стороны арабов. В 723/24 и 724/25 гг. военные акции привели к тому, что аланы были обложены подушной податью. Но это обложение, очевидно, длилось недолго. В 728/29 г. после безуспешного похода Масламы на Хазарию арабы смогли закрепиться только на аланской границе, в Дарьяльском проходе. В 729/30 г. Джаррах лишь прошел по Северному Кавказу во время своего похода на хазар. И только в 736 г. состоялся третий — самый удачный — поход арабов на алан под командованием Мервана, которому удалось овладеть тремя аланскими крепостями, а в 737 г. навсегда отторгнуть от Хазарии Закавказье. Вскоре после похода Мервана хазары были оставлены в покое, и их каган мог проводить собственный независимый курс.

Мерван, конечно, понимал, что удержать Хазарию можно только силой, опираясь на постоянную оккупационную армию. Но это было невозможно по двум основным причинам. Во-первых, арабы все более убеждались на опыте, что ведение кампаний против кочевников на их собственной территории сопряжено со слишком большими трудностями. Во-вторых, вступление на трон Мервана, затем аббасидское движение и падение Омейядов вызвали столь серьезные смуты в Халифате, что он оказался просто неспособным предпринимать крупномасштабные действия на своих северных границах. В итоге арабы вообще перестали быть серьезной угрозой для алан. Последние по-прежнему оставались в зависимости от хазар и пребывали в ней весьма долгое время. Еще в правление хазарского кагана Вениамина, когда печенеги, гузы и аспины выступили против хазар (ок. 913/14 г.), аланы остались верны и оказали последним поддержку. Только в правление кагана Аарона аланы выступили против хазар (ок. 932 г.), но были разбиты с помощью союзников хазар — огузов (Артамонов, 1962, с. 363—364; Golden, 1980, p. 96).

Приведенные данные ставят под сомнение стихийный характер переселения алан Северного Кавказа в Верхнее Подонье в поисках убежища от арабов. Едва ли три скоротечных похода в течение 12 лет и временный захват арабами трех крепостей могли сдвинуть оседлое, с развитым земледелием и отгонно-пастбищным скотоводством аланское население с давно обжитых мест и заставить его переселиться на очень большое расстояние, пройдя при этом области, заселенные кочевниками, и уже поэтому очень опасные*. В случае вре-

* В данной связи уместно напомнить одну историческую параллель. В конце XVIII в. большая часть калмыков, кочевавших в Нижнем Поволжье и Подонье, подстрекаемая своими феодалами, решила переселиться в Джунгарию. Несмотря на то, что, будучи кочевниками, они были лучше приспособлены к быстрым и массовым миграциям, до Джунгарии добралась лишь небольшая часть переселенцев, к тому же почти без скота. Остальные были перебиты или захвачены в плен и обращены в рабство другими кочевниками, через территории которых проходил путь миграции и которые поспешили воспользоваться бедственным положением калмыков.

* Седентаризационный процесс у хазаро-булгар степного Предкавказья не был закончен и также не привел к полному оседанию и превращению кочевий в города (Гадло, 1985, с. 70—79).

менной военной угрозы было бы гораздо легче и проще укрыться в горах, как обычно и поступали обитатели Северного Кавказа в подобных ситуациях на протяжении многих веков.

Тем не менее факт аланского переселения в Подонье, очевидно, действительно имел место, и вряд ли может быть оспорен (Плетнева, 1967; Кузнецов, 1969). По нашим подсчетам, в Подонье переселилось около 30 тыс. алан. Мы полностью присоединяемся к весьма важному выводу С. А. Плетневой о вынужденном характере этого переселения. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на возможность несколько иного объяснения причин и обстоятельств данного факта, чем предложенное С. А. Плетневой.

Нам кажется, что переселение алан в Подонье в первую очередь было обусловлено сознательным и планомерно проводящимся в жизнь политическим планом центрального правительства Хазарии, которое воспользовалось зависимостью алан для того, чтобы навязать каким-то их группам нужные ему действия. Принимая и осуществляя этот план, хазарское правительство могло руководствоваться несколькими соображениями. Во-первых, оно нуждалось в расширении своей земледельческой базы, поскольку Закавказье явно выходило из-под его контроля. Хазарская экспансия в Восточной Европе хотя и способствовала приобретению новых территорий, но отнюдь не влекла автоматического решения проблемы, т. к. ни уцелевшего пеньковского населения, ни зависимых кочевников, которые в первой половине VIII в. еще далеко не все осели на землю, было для этого недостаточно. В такой ситуации переселение алан могло казаться наилучшим выходом из создавшейся ситуации. Во-вторых, хазары могли использовать алан для контроля над другими своими подданными. Наиболее вероятно, что часть зависимых от хазар алан Северного Кавказа была расселена вдоль границы лесостепи. В результате этого переселения степная земледельческая область по Донцу и Дону и их притокам оказалась прикрытой линией укрепленных пунктов, что служит еще одним аргументом в пользу предположения, о планомерном характере процесса переселения алан, который полностью контролировался хазарским правительством.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что изложенные выше соображения об обстоятельствах и характере переселения алан в Подонье являются не более чем гипотезой. Поэтому представляется целесообразным привести ряд исторических примеров, свидетельствующих о том, что подобная практика была хорошо известна и широко применялась кочевниками евразийских степей как до хазар, так и после них. Организационно-строительная деятельность сюнну в Забайкалье, очевидно, сопровождалась переселением туда каких-то групп зависимого населения (Таскин, 1973, с. 24, 30, 41 и др.; Давыдова, 1975; ее

же, 1977, с. 83—84). В обоих Тюркских каганатах широкие масштабы приобрела деятельность согдийских колонистов (Кляшторный, 1964, с. 114—122). Хан Аспарух в 680 г. переселил жителей Славении — северов — на восток, в Приморскую область, для защиты ее от возможных нападений византийцев. Другая часть славян из «Семи родов» была переселена на юг и запад для охраны земель, граничащих с аварскими владениями. В обоих случаях славяне после переселения хотя и признавали сюзеренитет Аспаруха, но сохраняли внутреннюю автономию. Показательно, что им была доверена охрана наиболее угрожаемых участников границы (Чичуров, 1980, с. 54—55, 57, 61—62; Литаврин, 1982, с. 54—55, 57). В 813 г. хан Крум переселил около 10000 пленных византийцев из Одрина и Одринской области в Южную Бессарабию. Примечательно, что начальником над ним был назначен не болгарин, а византийский стратег Кордил, находившийся на болгарской службе (Бешевлиев, 1981, с. 56). Часть аланских союзников мадьяр, которые помогали им завоевывать родину, была переселена для охраны территории между реками Labogozu и Ung (Kucharski, 1938, с. 8). Хорошо известна также практика переселения зависимого населения в Золотой Орде. Так, часть черных клобуков была в XIII—XIV вв. переселена из Поросья в степи Поволжья, где они из вассалов киевских князей превратились в вассалов золотоордынских ханов и царевичей (Федоров-Давыдов, 1973, с. 39).

Таким образом, мы приходим к выводу, что Подонье оказалось в хазарский период в сфере государственной жизни не в результате спонтанного, внутреннего развития. Государственность в этом регионе была насаждена сверху, принудительным путем. Такой путь распространения государственных форм на новые территории и на новые этнические группы отнюдь не является чем-то исключительным. В частности, хорошо известен он и у тюрко-монгольских кочевников. Например, Тюркский каганат (Кляшторный, 1964, с. 19; Ecsedy, 1972, р. 247, п. 3) и Монгольская империя уже на самых первых этапах своего существования силой оружия подчиняли себе различные кочевые и оседлые племена, нередко вызывая при этом существенные этнические перемещения.

Применительно к Подонью-Приазовью в хазарское время важно подчеркнуть еще одно обстоятельство. Его население, как говорилось выше, состояло из различных этнических компонентов, оказавшихся здесь в разное время и при различных исторических обстоятельствах. Эти компоненты не являлись целостными этносоциальными организмами. Они представляли собой лишь разрозненные части этнических общностей, формирование и функционирование которых до их включения в состав Хазарского каганата протекало в других политических, социальных и экономических условиях, а зачастую и на других территориях.

Объединяющими для этих различных тюркоязычных, ираноязычных, угроязычных и, возможно, славяноязычных компонентов, вместе составлявших довольно многочисленное население Среднего и Нижнего Подонья и Приазовья, послужили два фактора: существование в составе единого государства и восприятие одной и той же СМК, в создании которой, кроме того, многие из них принимали активное участие.

Вряд ли можно полностью согласиться с В. Минорским (Minorsky, 1958, p. 138), утверждавшим, что хазары были не способны создать «национальную» (то есть «государственную»)* культуру. Независимо от конкретного вклада в ее создание самих хазар, такой культурой как раз и была СМК — государственная культура Хазарского каганата.

Здесь любопытно задуматься над вопросом, почему этнонимы различных этнических групп, обитавших в Подонье-Приазовье в хазарское время, практически не нашли отражения в письменных источниках? Возможно потому, что этнодифференцирующие характеристики и процессы были у этих этнических групп ослаблены, с одной стороны, в силу их раздробленности, оторванности от других частей своих этносов, а с другой — благодаря определенным интегративным процессам, связанным с их пребыванием в составе единого государства.

Но возможно и иное объяснение, не исключаящее первое и не противоречащее ему. Более 20 лет назад С. А. Плетнева (1967, с. 186) высказала очень плодотворную мысль, отметив, что имя аланов лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры «скрыто в источниках под каким-то другим общим названием». Поддержавший эту идею Д. Т. Березовец (1970, с. 59—74) пытался обосновать положение, что население салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца, Нижнего Дона и Приазовья было известно у восточных авторов под именем русов. Эту точку зрения разделяет Д. Л. Талис (1974, с. 87—99), идентифицирующий, кроме того, русов восточных авторов с частью населения раннесредневековой Таврики. Однако носители этнонима «Русь» являлись одной из групп населения Восточной Европы, участвовавших в этногенезе древнерусского народа. Именно так рассматривается этот вопрос в современной историографии (Гадло, 1978; Русанова, 1976; Рыбаков, 1982; Седов, 1982; Третьяков, 1970). В последнее время новую точку зрения об имени носителей лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры высказал Г. Е. Афанасьев (1984, с. 28—41). Признавая этот вариант аланским, возникшим в результате миграции с Северного Кавказа асов, он связывает его с буртасами. Не разделяя эту точку зрения, отметим как более вероятное, что различные этнические группы носителей салтово-маяцкой куль-

туры скрываются в источниках под этнонимом «хазары», который использовался как собирательный. В качестве примера можно сослаться на Масуди, относившегося к хазарам буртасов несмотря на то, что ему было хорошо известно, что буртасы представляют собой отдельный народ — «большое турецкое племя» (Караулов, 1908, с. 34). Поэтому нет ничего удивительного в том, что хазары как господствующий этнос каганата в первую очередь попадали в поле зрения раннесредневековых авторов, в то время как остальные этнические группы оставались в тени и лишь во времена своей наибольшей активности могли попасть на страницы письменной истории. Так случилось, например, с предками венгров и их объединением Леведией, входившем в начале IX в. в состав каганата.

Итак, в хазарское время в Подонье-Приазовье обитало разнородное население, находившееся в зависимости от хазар и их правительства, причем сама колонизация Подонья, по крайней мере отчасти, явилась результатом сознательной государственной политики. В чем же заключалась суть тех отношений социально-политической зависимости, которые были характерны для рассматриваемой территории? Даже предварительные и гипотетические попытки ответить на этот вопрос неизбежно приводят нас к более широкой проблеме — характеру социально-политических отношений, господствовавших в Хазарском каганате.

Хазарский каганат нередко характеризуют как феодальное государство с самого начала его образования. Вместе с тем еще в начале 50-х годов Б. А. Рыбаков высказал предостережение против переоценки уровня социально-политического развития этого кочевнического образования (Рыбаков, 1952; 1953).

Проблема так называемого «кочевого феодализма» давно дебатруется в исторической и этнографической науке, но тем не менее она все еще не получила окончательного решения. В нашу задачу не входит сейчас оценка и исследование всего широкого круга вопросов, связанных с этой проблемой. Что же касается Хазарского каганата, то мы склонны характеризовать его как раннефеодальное государственное образование. При этом следует подчеркнуть, что раннефеодальные отношения в каганате были представлены в их кочевнической разновидности. Под раннефеодальным обществом, особенно таким, которое возникает спонтанно, непосредственно из недр разлагающегося первобытного, понимается общество, в котором уже появились эксплуататоры и эксплуатируемые и возникло государство. Именно поэтому мы относим его к числу классовых. Однако классовое членение его окончательно еще не оформилось, он отчасти прикрывается, отчасти переплетается с разделением общества на различные неравноправные социально-политические, этнические, про-

* Как и всегда, в аналогичных случаях английский термин «national» употребляется в смысле «государственный», а не «этнический».

фессионально-экономические, религиозные и прочие слои и группы. Более того, эти слои, в свою очередь, часто являются неоднородными, а их социально-политический, экономический и правовой статус далеко не всегда и не во всем совпадает. Собственно в раннефеодальном обществе имеются различные формы зависимости и эксплуатации, разумеется при преобладании феодальной тенденции развития. Раннефеодальное общество еще во многих отношениях стоит близко к первобытно-общинному строю. Это выражается, в частности, в наличии общины, не всегда сохраняющейся в зрелом феодализме, в существовании широких слоев юридически свободных производителей, а также слоев и лиц, занимающих промежуточное положение между свободными и феодально-зависимыми; специфическом характере функций господствующей прослойки и т. п. В то же время для раннефеодальных обществ характерно наличие довольно сильной центральной власти. При еще относительной незрелости и неразвитости аппарата насилия и принуждения только такая власть способна обеспечить новому феодальному классу его господствующие позиции. Наконец, по тем же причинам — из-за относительной неразвитости и несовершенства аппарата принуждения — для раннефеодального общества характерны различные формы коллективной, вассально-даннической зависимости. Достаточно напомнить знаменитое «полюдье», широко практиковавшееся первыми киевскими князьями. При этом группы, находившиеся в подобной зависимости, могли сохранять известную степень автономии, быть внутренне стратифицированными, иметь собственную социальную — и (или) экономическую привилегированную верхушку и т. п. Опять же напомним в этой связи древлян и их князя Мала.

Еще одной специфической чертой раннефеодальных обществ, особенно в их кочевническом варианте, было то, что нередко социальная дифференциация в них в значительной мере проходила по линии этнической дифференциации. Этнический фактор оказывал влияние и на формы и темпы развития социально-экономических процессов. От степени однородности состава населения зависело количество и характер внутренних конфликтов в конкретной социальной среде. В зависимости от него создавались разные условия для вызревания одних и тех же институтов, даже если они оформлялись в пределах одного региона. Это особенно характерно для раннефеодальных государств так называемого «завоевательного типа». К. Маркс прямо связывал данничество с завоеванием. Он писал, что данничество возникает тогда, когда народ-завоеватель «оставляет старый способ производства и довольствуется данью (например, турки и римляне)». (Из рукописного наследия К. Маркса, с. 723). И едва ли случайно, что к числу таких государств принадлежало большинство государственных образований, созданных кочевниками евразийских степей, от древ-

них скифов до средневековых монголов. Хазары и в этом отношении не представляли ничего исключительного. Они следовали традиционной линии развития, идущей от непосредственных предшественников их собственного государственного образования — Тюркских каганатов. Только в ходе дальнейшего развития раннефеодальных государств классовые противоречия в них приобретали более зрелый вид, теряли маскирующие их этнические и иные оболочки, а общество вступало в стадию зрелого феодализма.

Сейчас трудно окончательно решать вопрос о том, превратился ли Хазарский каганат в зрелое феодальное государство на заключительном этапе своего существования, когда возможности эксплуатации иноэтничных групп в нем сильно сократились, если не прекратились вовсе, и, следовательно, должна была усиливаться социальная и экономическая дифференциация в самой хазарской среде. Хотя нам трудно предположить, что Хазария времени кагана Иосифа была более развитым государством, чем Киевская Русь Святослава. Однако, на наш взгляд, имеются основания думать, что на ранних этапах своего существования Хазария представляла собой раннефеодальное государственное образование, в котором преобладала эксплуатация одних этносов другими и вассально-даннические формы зависимости. Об этом в числе прочего свидетельствует характер хазарского государства в Закавказье. Вообще о хазарском государстве в этом регионе можно говорить лишь условно. В отличие от арабов хазары отнюдь не стремились уничтожить местную государственность, и их вмешательство во внутренние дела и устройство стран Закавказья было минимальным. Хазары ограничивались главным образом взиманием дани, а подчас и еще более примитивными формами эксплуатации — грабежами и контрибуциями. Конечно, было бы неправомерно проводить прямые аналогии между тем периодом хазарской истории, когда главным центром эксплуататорских устремлений их правящего класса было Закавказье и племена Северного Кавказа, и последующим, когда этот центр переместился на юг Восточной Европы. За это время в Хазарии не могло не произойти определенное внутреннее развитие. В то же время едва ли есть основания полагать, что господствовавшие в Хазарии социально-экономические отношения претерпели очень существенные изменения. Письменные источники (Коковцов, 1932, с. 98) достаточно ясно свидетельствуют о преобладании все тех же вассально-даннических отношений. Помимо вятичей, северян и радимичей, а какое-то время, возможно, и полян, дань хазарам платили буртасы, эрзя, черемисы, волжские болгары. Поэтому едва ли будет чрезмерно смелым предположение, что и население Подонья-Приазовья по отношению к господствующему классу Хазарии преимущественно находилось в даннической зависимости.

Однако необходимо учитывать и другое обстоятельство. В отличие от государств За-

Кавказья в первый период хазарской истории или от славянских земель и Волжской Болгарии во второй период, население Подонья-Приазовья было инкорпорировано в состав Хазарского каганата. Этот факт, равно как и характер освоения и колонизации этого региона, связанный с более или менее определенной и целенаправленной государственной политикой, позволяет допустить, что сама данническая зависимость на рассматриваемой территории могла быть более жесткой и упорядоченной, возможно, в некоторых случаях, приближаясь даже к натуральному налогообложению. Следовательно, феодальные отношения в этот период истории Хазарии должны были получить стимул для дальнейшего развития. Важно подчеркнуть, что при всех обстоятельствах, если такое развитие действительно имело место, то едва ли оно выражалось в том, что отдельные лица или семьи платили налоги непосредственно конкретным феодалам или даже государству как выражению их корпоративных интересов. Скорее, они уплачивались сразу целыми группами населения, что собственно и позволяет характеризовать подобные отношения как вассально-даннические раннефеодального типа, поскольку одним из признаков последних является то, что они представляют собой не индивидуально-семейную, а коллективную форму зависимости. Даннические отношения оставляют простор, более того, обязательно подразумевают наряду с внешней наличие также и внутренней социальной дифференциации зависимых групп, территорий, этносов, частичное совпадение интересов господствующих и привилегированных слоев как завоевателей, так и завоеванных. Незрелый характер раннефеодальных государств не позволяет эксплуатировать завоеванное, подчиненное, зависимое население без какого-либо посредства местной социальной верхушки, потому что государство не располагает еще достаточно развитым и эффективным фискальным аппаратом, системой

контроля, средствами повседневного принуждения и т. п.

Суть положения, сложившегося в Подонье-Приазовье, очень точно выразила С. А. Плетнева: «Если в XIII в. монгольские ханы, придя в южнорусские степи, прежде всего уничтожили всю половецкую (команскую) аристократию и сами стали единственной знатью в половецкой степи, то хазары, наоборот, сохранили всю правящую верхушку побежденных народов, болгар и алан, связав ее с собой вассалитетом. По существу алано-болгарские аристократы ничего не потеряли, войдя в Хазарский каганат» (Плетнева, 1967, с. 57).

Вершину социальной пирамиды в каганате, очевидно, занимала феодальная аристократия хазарского происхождения. Она состояла из высших представителей хазарских родов, которые, согласно Иосифу, имели наследственные земельные владения, собственные поля и виноградники (Коковцов, 1932, с. 85—86, 102). Труднее определить социальный статус рядовых хазар. Ибн-Хаукаль упоминает о существовании «белых» и «черных» хазар, различающихся по своему физическому облику (Караулов, 1908, с. 34). Очевидно, в данном случае имеется в виду непонятая автором цветовая символика, использовавшаяся многими тюркскими народами для обозначения аристократии и рядовых свободных кочевников*. Трудно сказать, считались ли рядовые хазары по своему социальному статусу выше аристократии зависимого населения или нет. Впрочем, это и не суть важно, т. к. в ранних государствах фактическая социальная стратификация и ее юридическое оформление часто не совпадали или совпадали не полностью.

Предложенная реконструкция социально-политических отношений в Подонье-Приазовье в хазарское время опирается не только на письменные, но и на археологические источники. К подробному рассмотрению их мы перейдем во второй части статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М. И. История хазар. — Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
2. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. — М.: Наука, 1987.
3. Афанасьев Г. Е. О культуре населения Донского левобережья середины VIII—начала X в. // ИЭ. Вып. III. — Л., 1985.
4. Афанасьев Г. Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII—начале X в. // СЭ. 1984. № 4.
5. Березовец Д. Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. 1970. Т. 24.
6. Берестнев С. И. Работы Левобережной лесостепной экспедиции // АО, — 1978. — М., 1979.
7. Бешевлиев В. Първоболгарите. Бит и култура. — София, 1981.
8. Винников А. З. Белогорский курганный могильник I тыс. н. э. на р. Воронеж // Археология Восточно-Европейской лесостепи. — Воронеж, 1979.
9. Вяткин М. П. Батыр Срым. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
10. Гадло А. В. Восточные славяне. Русь и неславянские племена Восточной Европы // Советская историография Киевской Руси. — Л., 1978.
11. Гадло А. В. Этносоциальные процессы на Северном Кавказе в свете археологических источников VIII—X вв. // ИЭ. Вып. III. — Л., 1985.
12. Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. — Л.: Наука, 1981.
13. Давыдова А. Д. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. — Л., 1975.
14. Давыдова А. Д. Основные вопросы изучения культуры хунну // Проблемы археологии и этнографии. Вып. I. — Л., 1977.
15. Димитров Д. И. За числеността на дунавските прабългари в края на VII—IX в. // Сб. в памет на проф. Станчо Ваклинов. — София, 1984.
16. Дьяченко А. Г. Исследование славянских памятников в бассейне Северского Донца // АО—1977. — М., 1978.
17. Дьяченко А. Г. Славянские памятники VII—середины XIII вв. в бассейне Северского Донца: Дис. . . канд. ист. наук. — Харьков, 1983.

* Ср. сословия «белой» и «черной» кости у казахов (Вяткин, 1947, с. 84 и сл.).

18. Из рукописного наследства К. Маркса // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 12.
19. Из Тарих-ал-Камиль (Полного свода истории) Ибн ал-Асира // Материалы по истории Азербайджана. — Баку, 1940.
20. Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Вып. 38. — Тифлис, 1908.
21. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М.: Наука, 1964.
22. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. — Л.: Изд-во АН СССР, 1932.
23. Кузнецов В. А. // СА. — 1969. № 3. — Рец. на кн.: Плетнева С. А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура.
24. Литаврин Г. Г. Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII — первая четверть X в.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
25. Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. — 1958а. № 62.
26. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // МИА. — 1958б. № 74.
27. Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 годов // ИАК. — 1911. Вып. 43.
28. Михеев В. К., Дяченко О. Г. Дослідження ранньосередньовічного поселення поблизу с. Суха Гомільша // АДУ. — 1969. Вып. IV. К., 1972.
29. Михеев В. К., Приходнюк О. М. Пенківське поселення Суха Гомільша // Археологія. 1986. № 54.
30. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985.
31. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // СА. — 1986. № 3.
32. Мольнар Эрик. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа // SHASH. 13. Budapest. 1955.
33. Москаленко А. Н. Славяне на Дону. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981.
34. Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска—Преслав. Т. 2. София, 1981.
35. Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. М., 1972.
36. Плетнева С. А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура // МИА. — 1967. № 142.
37. Плетнева С. А. Сведения русских летописей о восточноевропейских кочевниках эпохи раннего средневековья (VII—начала X в.) // Археология Восточно-Европейской лесостепи. — Воронеж, 1979.
38. Плетнева С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца // КСИИМК. — 1960. Вып. 79.
39. Плетнева С. А. Хазары. М.: Наука, 1976.
40. Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М.: Наука, 1976.
41. Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. — 1953. Т. 18.
42. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.: Наука, 1982.
43. Рыбаков Б. А. Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии) // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.
44. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982.
45. Талис Д. Л. Росы в Крыму // СА. — 1973. № 3.
46. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, 1973.
47. Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970.
48. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973.
49. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Текст, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980.
50. Чичуров И. С. Эскурсы Феофана о протоболгарах // Древнейшие государства на территории СССР. М. Наука, 1976.
51. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во ХГУ, 1962.
52. Шрамко Б. А. Дослідження пам'яток в басейнах Сіверського Дінця і Ворскли // АДУ. — 1969. Вып. IV. К., 1972.
53. Ecsedy H. Tribe and Trihal Societ in Eth century Turk Empire // АОН. — 1972. Т. 25. Fasc. 3.
54. Golden P. B. Khazar Studies. V. 1. Budapest, 1980.
55. Kucharski E. Zywiol alanski (jaski) w Karpatach wschodnich. Warszawa, 1938.
56. Minorsky V. A New Book on the Khazars // Oriens. 1958. V. 11.
57. Zrodla arabskie do dziejow slowianszczyzny. T. 1. Wydal i opracowal Tadeucz Lewicki, Wroclaw-Krakow, 1956.

Б. А. ШРАМКО

ХОРОШЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Хорошевское городище относится к числу давно известных, но в то же время малонизученных археологических памятников лесостепной части бассейна Северского Донца.

В письменных источниках сведения об этом крупном городище появляются еще в XVI веке (Филарет, 1852, с. 81). В 1627 г. оно фигурирует на карте Московского государства в той его части, которая относится к «полю» (КБЧ, 1950, с. 71). В 1654 г. Хорошево уже было заселено черкассами (Филарет, 1857, с. 98). Вскоре древнему городищу наносятся первые серьезные повреждения: на северо-западном мысу около 1665 г. был сооружен Хорошевский монастырь (Филарет, 1852, с. 84). Известно, что при одном из нападений в 1721 г. монастырь был ограблен, а в 1746 г. все постройки Хорошевского монастыря сгорели (Филарет, 1852, с. 88—89; Щелков,

1882). К 1841 г. вместо деревянной ограды вокруг монастыря была построена кирпичная, имевшая протяженность 872 м. (Филарет, 1852, с. 95). В настоящее время при постройке нового дома для инвалидов эта кирпичная ограда разрушена вместе со старыми зданиями монастыря и площадка мыса выровнена, заасфальтирована и почти недоступна для изучения.

Впервые обратил внимание на Хорошевское городище, как на важный археологический памятник, В. В. Пассек. Он осмотрел в 1838 г. его и ряд других памятников Харьковской губернии и опубликовал о них краткие сообщения (Пассек, 1839, с. 201). Филарет (Гумилевский) в своем обзоре дает топографическое описание Хорошевского городища (Филарет, 1857, с. 97—98). С. И. Кованько также ограничивается этими данными

(Кованько, 1857, с. 32). В конце XIX в. на Хорошевском городище неоднократно производились разведки. Ю. И. Морозов собрал здесь подъемный материал, позволивший отнести это поселение к числу славяно-русских памятников Харьковщины (Морозов, 1901, 1902, 1905). В. Е. Данилевич справедливо считал, что Хорошевское городище по своему историческому значению не уступает известному Донецкому городищу (Данилевич, 1902, с. 227—229). Д. И. Багалей отметил Хорошевское городище в своем очерке древностей и на археологической карте Харьковской губернии (Багалей, 1890, с. 76; 1905, с. 9—10). В. А. Городцов учитывал краткие сведения о Хорошевском городище при своих исследованиях юго-восточных границ Руси, но небольшие раскопки произвел только на соседнем Донецком городище (Городцов, 1905, с. 110; 1908, с. 141).

В 1926—1931 гг. группа харьковских археологов во главе с А. С. Федоровским предприняла широкие обследования древних поселений на территории Харьковщины (Рудинский, 1927, с. 12). Сведения о тех из них, которые содержат отложения скифской эпохи раннего железного века, опубликовал Н. К. Фукс (Фукс, 1931, с. 91—112), но Хорошевское городище не попало в их число.

Тщательные археологические разведки в бассейне Северского Донца производил И. И. Ляпушкин. Он обследовал в 1948 г. Хорошевское городище и впервые совершенно определенно отметил существование на этом многослойном поселении не только отложений роменской культуры и культуры великокняжеской поры, но и остатков скифского времени (Ляпушкин, 1952, с. 10; 1961, с. 138—141). В ходе работы Северо-донецкой экспедиции ИИМК Б. А. Рыбаков осмотрел Хорошевское городище и снял его план (Рыбаков, 1951, с. 63—65).

В 1951—1952 гг. исследования Хорошевского городища начала Северо-донецкая экспедиция Харьковского университета под руководством автора. В ходе этих работ были впервые осуществлены небольшие раскопки, подтвердившие многослойность памятника и давшие конкретные материалы для определения начальной даты возникновения поселения. В 1983 и 1987 гг. мы совместно с В. Е. Радзневской провели охранные раскопки Хорошевского городища на территории останца Гуляй-Горка, давшие богатый материал, относящийся к периоду средневековья. В данной статье делается попытка ввести в научный оборот все материалы, полученные в ходе разведок и раскопок за много лет.

Хорошевское городище представляет собой многослойный памятник, в основе которого лежит укрепленное поселение скифской эпохи раннего железного века. В период раннего средневековья это городище было одним из важных звеньев цепи славяно-русских укреплений на берегах реки Уды, которая называлась в те времена Малым Донцом (Рыбаков, 1958; 1984, с. 120, рис. 34, карта). Эти горо-

дища прикрывали юго-восточную границу славянских земель от набегов кочевников на одном из наиболее опасных участков. Поэтому располагались они близко друг от друга, на расстоянии зрительной связи. К северу от Хорошевского городища, в 8 км от него по прямой на том же правом берегу р. Уды, находится Донецкое городище, а на расстоянии около 11 км к юго-востоку — городище у с. Водяное. Все они с напольной стороны были прикрыты от внезапных нападений массивом лесов, которые были труднопреодолимыми для конных отрядов кочевников. Дороги в них в опасное время легко перекрывались засеками, которые лишали кочевников их главного преимущества — внезапности нападения (Багалей, 1890, с. 47—49). Со стороны реки Хорошевское городище также имело хорошую естественную защиту. Правый берег р. Уды в этом месте возвышается над поймой на 40—50 м и сильно изрезан глубокими оврагами. Низкий, покрытый лугами левый берег позволял иметь хороший обзор.

Древнейшее городище, возникшее здесь еще в раннескифское время, было самым большим. Оно охватывало мыс сложной конфигурации (рис. 1), который с севера был ограничен береговым обрывом, а с запада и востока — большими оврагами. С напольной южной стороны городище было защищено местами еще хорошо сохранившимся дугообразным валом и рвом, концы которых упирались в овраги. Протяженность этой линии укреплений около 520 м. Высота валов местами доходит до 4—5 м. Кроме того, следует учитывать, что земляные сооружения в виде вала и рва были лишь частью оборонительных сооружений, которые дополнялись деревянной стеной. Сгоревшие остатки ее в виде прослоек древесного угля, иногда довольно мощных, зафиксированы во многих разрезах. По словам местных жителей, они часто использовали древесный уголь из вала для хозяйственных целей и даже продавали его (Ляпушкин, 1961, с. 141). Общая площадь городища скифского времени превышала 33 га. На этой территории при раскопках и при сборе подъемного материала найдены фрагменты лепных горшков, украшенных по венчику проколами и пальцевыми вдавлениями или насечками и проколами (рис. 4, 1, 3—4). Иногда у края венчика сосуда имеется небольшой валик (рис. 4, 2). Все это — типичные образцы керамики лесостепной культуры раннего железного века. По существующей классификации они относятся к типам Б-2, Б-10, В-2 (Шрамко, 1983, с. 129, табл. 55) и характерны для V—III вв. до н. э. Кроме обломков глиняных сосудов найдены глиняные пряслица шаровидной или усеченно-конической формы (рис. 4, 22, 24) и бронзовый трехгранный наконечник стрелы, типичный для IV—III вв. до н. э. (рис. 4, 13).

Проведенные в 1952 г. небольшие раскопки позволили уточнить время сооружения южного вала. Для исследования был выбран западный участок вала. В этом месте он имел

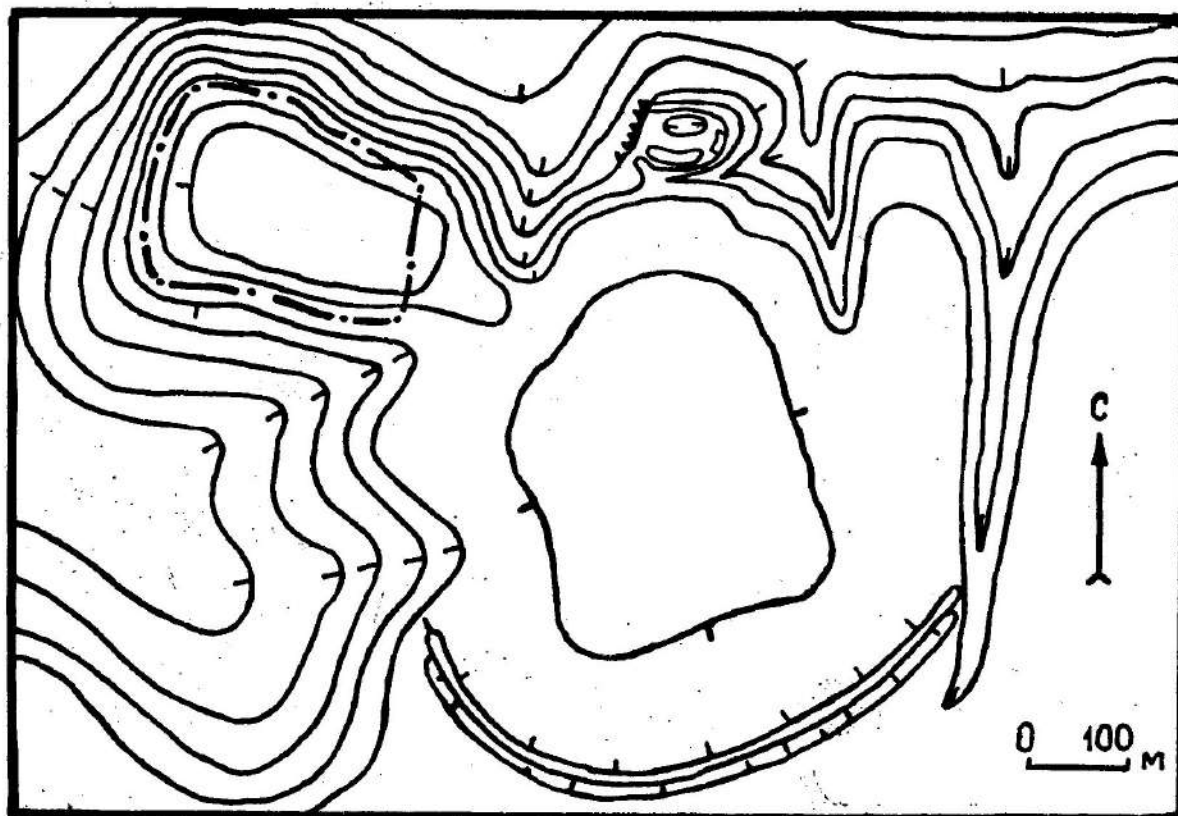

Рис. 1. План Хорошевского городища

высоту 2 м при ширине основания 15 м. Глубина расположенного перед ним рва достигала 1,6 м, а ширина — 16,5 м. В нескольких местах на этом участке вал перерезается современными дорогами и в зачистках разрезов было видно, что вал насыпан из смешанной почвы (глина с примесью земли), выброшенной из лежащего перед ним рва. В некоторых зачистках были заметны крупные остатки обуглившегося дерева от деревянных конструкций, общий характер которых пока неясен.

У внутренней стороны вала, в 135 м от его западного конца, там, где вал загибается на север, был заложен шурф размером 2×2 м. Шурф захватывал самый край вала и небольшой участок внутренней площади городища (рис. 2). Раскопки показали, что здесь мы имеем дело с оборонительными сооружениями, относящимися только к раннему железно-

му веку и не использовавшимися в средневековье. На исследованном участке насыпь вала состоит из плотно утрамбованной глины с примесью земли и золы и перекрывающей ее черноземной части, которая с внутренней стороны сливается с культурным слоем городища. Высота глиняного слоя в пределах шурфа 0,6 м, а черноземного — от 40 до 70 см. Так как при первоначальном строительстве вала почва бралась из рва, то черноземная досыпка с внутренней стороны, видимо, относится к второму строительному периоду, когда вал усиливался за счет земли, взятой с внутренней площадки городища. Ниже подошвы вала шел двадцатипятисантиметровый слой погребенной почвы в виде чернозема сероватого оттенка с вкраплениями древесного угля. Под погребенной почвой начинается слой серо-желтого песка без культурных остатков. Он был прокопан на 35 см.

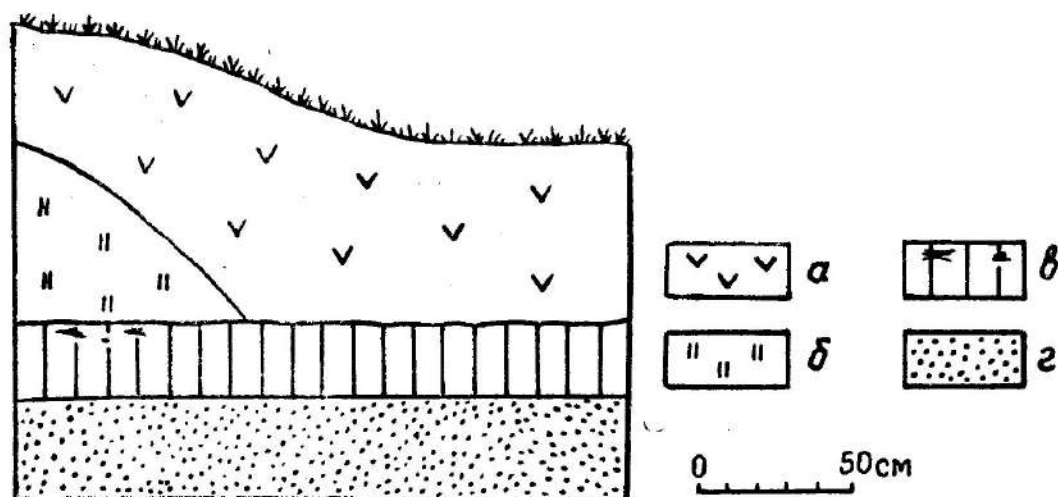

Рис. 2. Профиль шурфа у края вала скифского времени

а — чернозем; б — глина с примесью земли; в — погребенная почва с угольками в верхней части; г — песок

В насыпи вала, в культурном слое, перекрывавшим его основание, и в верхней части погребенной почвы найдены остатки, относящиеся только к скифской эпохе: фрагменты лепных горшков (рис. 4, 1—3), куски глиняной обмазки, обломки костей животных из пищевых отходов, отщепы кварцита. Особенно важна находка на глубине 1,2 м, в верхней части погребенной почвы под насыпью вала обломка античной амфоры, которая, по определению И. Б. Зеест, относится к V в. до н. э. Это определяет вместе с лепной керамикой типа В-2 время возникновения этого городища лесостепной культуры скифской эпохи.

Пока еще не совсем ясен общий план укреплений городища в скифское время. Есть основания полагать, что оно состояло не из одного, а из двух укреплений (главный двор и предградье), как это часто наблюдается на лесостепных городищах скифской эпохи (Моруженко, 1985). Видимо, отдельной укрепленной частью был небольшой северо-западный выступ мыса, имеющий площадь 5,28 га. Он представлял собой главный двор, а остальная территория — обширное предградье площадью около 28 га. Исследование территории главного двора сильно затруднено, так как именно здесь вначале находились постройки Хорошевского монастыря, а затем был сооружен большой современный дом для инвалидов. Некоторые наблюдения все же удалось сделать в 1951 г., когда внутренние постройки монастыря и его кирпичная ограда еще сохранялись на своих местах и стратиграфия напластований не была осложнена перепланировкой территории при помощи современной землеройной техники. В 1951 г. был осмотрен этот выступ мыса, имеющиеся обнажения культурного слоя и проведена шурфовка в западной его части около кирпичной ограды монастыря. Это позволило выявить слой большого пожара 1746 года, а под ним остатки древнего деревоземляного укрепления, на котором была построена сначала деревянная монастырская ограда, а затем ограда из кирпича. Детали устройства древнего деревоземляного укрепления в шурфе рассмотреть было невозможно, но тем не менее было ясно, что северо-западный мыс также имел домонастырские укрепления. В чистом слое под остатками древнейшего укрепления не найдено никаких остатков, а перекрывающий смешанный мусорный слой толщиной до 1,5 м содержал самые разнообразные отложения от фрагментов керамики скифской эпохи, керамики роменской культуры, древнерусской керамики эпохи Киевской Руси и остатки XVII—XX вв. При осмотре поверхности мыса перед входом в монастырь были замечены остатки сильно разрушенного, расплывшегося вала. К сожалению, произвести его раскопки в 1951 г. нам не разрешили, а сейчас это уже невозможно. Таким образом, вопрос о времени возникновения и характера укреплений на северо-западном выступе мыса остается открытым.

Следующий этап в жизни городища связан с возникновением здесь раннеславянского поселения роменской культуры VIII—X вв. Относящиеся к этой культуре отложения встречаются главным образом на северо-западном выступе мыса, который сейчас почти полностью застроен. Небольшие участки хорошо насыщенного культурного слоя сохранились на северном краю мыса и на склоне, ведущем к останцу Гуляй-Горка, а также на самом этом останце.

Останец — это небольшой выступ берегового мыса, отделенный от основного массива правого берега небольшой седловиной. В скифское время он, очевидно, не был заселен. В VIII—X вв. останец не только был обжит, но и специально укреплен, превратившись в небольшой детинец площадью около 0,5 га. Таким образом, общая площадь, занятая поселением роменской культуры, достигала 5,78 га. Со стороны реки и глубоких оврагов детинец был хорошо защищен естественно, а с напольной стороны седловина была усилена искусственно созданным рвом и валом. Вход на детинец располагался не посередине, а у боковой части вала, как и на соседнем Донецком городище (Шрамко, 1962). В настоящее время останец сохранился не полностью. В ходе недавнего строительства водоканала у его подножья часть останца была превращена в карьер и уничтожена. В обращенной к реке части поверхности останца имеется большая воронкообразная яма неизвестного происхождения. Глубина ее задернованной части около 3 м. У местных жителей существует легенда, что здесь когда-то стояла часовня, которая впоследствии провалилась под землю. Попытка при помощи траншеи определить происхождение этой ямы не дала ощутимых результатов. Траншея шириной в 1 м, заложенная поперек северной части ямы, показала, что край ее уходит под углом ок. 30° вниз и не кончается на глубине более 2 м. Заполнение состоит в основном из различного мусора современного происхождения. Встречаются обломки сгнившего дерева. Возможно здесь была действительно какая-то постройка с глубоким подвалом.

Отложения, относящиеся к древнерусской культуре X—XIII вв., обнаружены на Хорошевском городище на той же территории, где и остатки раннеславянской роменской культуры VIII—X вв. Вне этой территории находки редки. Это отличает Хорошевское городище от Донецкого, где древнерусский посад города Донца во много раз превышает площадь, которую занимало поселение роменской культуры.

Сообщения о разрушении Хорошевского городища заставило Харьковское областное общество охраны памятников истории и культуры организовать в 1983 и в 1987 гг. охраняемые раскопки на останце Гуляй-Горка. Как уже отмечалось, древние отложения на детинце Гуляй-Горки относятся к роменской и древнерусской культурам, но четкого страти-

графического раздела в виде стерильной прослойки или заметного изменения цвета культурного слоя не наблюдается. Перерыв во времени был, очевидно, столь незначительным, что древнерусские остатки откладывались прямо на роменские и частично смешивались с ними. Тем более вызывает удивление резкое изменение в керамическом комплексе, в строительстве и в других элементах культуры местного населения. Это удивляло нас еще при раскопках Донецкого городища, где еще свежие, сохранившие на стенках остатки деревянной облицовки роменские землянки были засыпаны глиной новыми поселенцами с древнерусской культурой. Надо думать, что здесь не произошла эволюция роменской культуры в древнерусскую и жителей роменских городищ сменило совсем другое

население, с другими культурными традициями, которые не могли выработаться за небольшой промежуток времени.

Территория останца, который имеет значительный, около 20° наклон в сторону реки почти вся задернована. В нескольких местах зафиксированы свежие ямы кладонскателей. Одна из таких ям находилась на юго-восточном краю останца. Здесь и был заложен раскоп, охвативший после прирезок площадь около 89 кв. м (рис. 3). Культурный слой в пределах раскопа вне ям оказался сравнительно небольшим, в основном 40 см. Только у вала толщина его возрастала за счет оплывшей почвы. В пределах раскопа обнаружено полуземляночное жилище, остатки хозяйственного помещения и ряд ям.

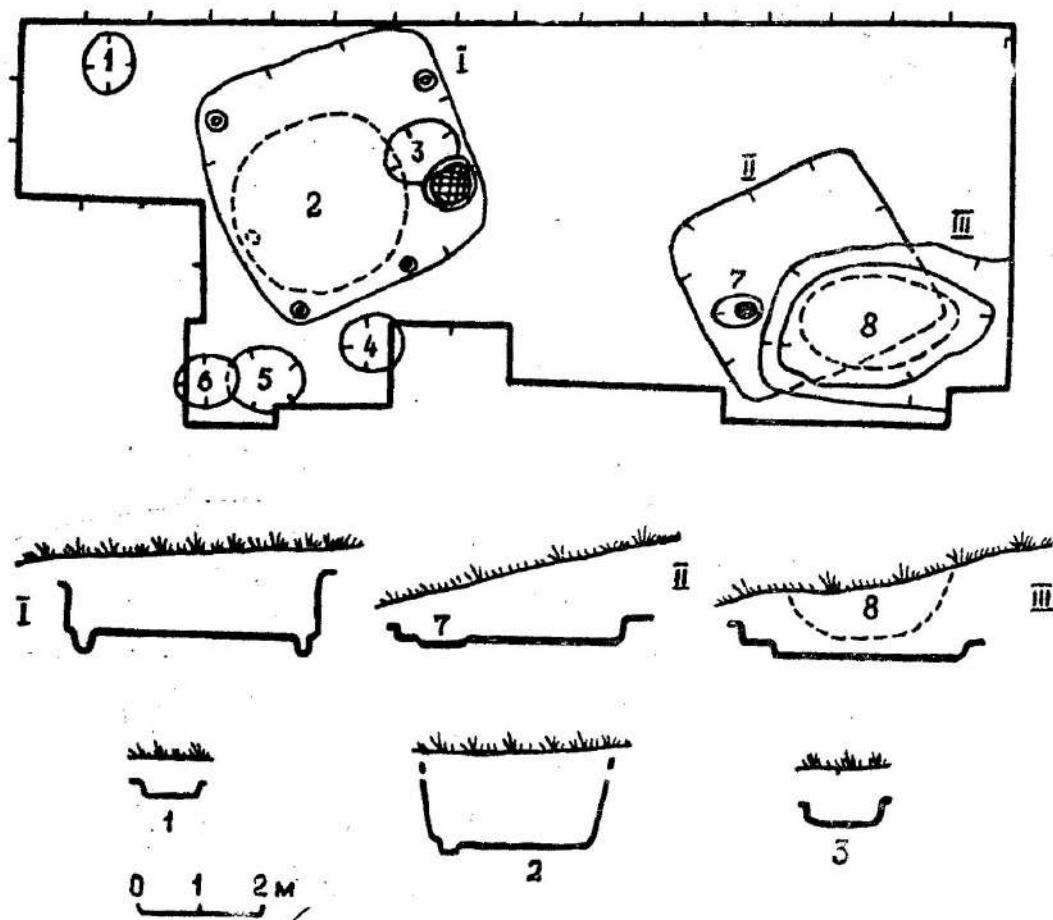

Рис. 3. План раскопа № 1 на останце Хорошевского городища
1—2, 7—8 — планы и профили различных ям; 3 — предпечная яма; 4—6 — ямы на участке любительских раскопок; I — план и профиль жилища № 1;
II — план и профиль хозяйственной постройки (овин); III — план и профиль хозяйственной постройки у вала

Яма № 1 показалась на глубине 40 см. В плане она овальная с диаметрами 80×100 см, глубина 60 см. Верхняя часть ямы была частично повреждена кладонскателями, которые передали нам небольшой (высота 5,7 см) сосуд, найденный здесь (рис. 4, 30). Это вылепленная от руки чаша. Глина имеет характерную для роменских сосудов примесь шамота. Орнамента нет. При расчистке ямы в черной гумусированной супесчаной почве заполнения найден кусок песчаника, кусочки глиняной обмазки, фрагменты стенок лепных шамотированных роменских сосудов и несколько мел-

ких обломков костей животных из пищевых отходов.

Помещение № I, расположенное к юго-западу от описанной ямы, оказалось полуземляночным жилищем. Пятно ее было замечено уже в первом штыке после снятия дерна, но четко контур был выявлен на глубине 40 см. Жилище имело в плане форму неправильного четырехугольника размером 4×4 м (рис. 3). Пол находился на глубине 130 см от современной поверхности. Около северо-восточного и северо-западного углов, а также у юго-западной и юго-восточной сторон

Рис. 4. Находки на Хорошевском городище

1—4 — керамика скифского времени, 5 — серьга, 6—7 — бубенчики, 8 — бляшка для ремня, 9—10, 12, 16 — пластинки, 11 — слиток, 13 — наконечник стрелы, 14, 17 — бусы, 15 — кресало, 18 — массивное кольцо, 19—22, 24—25 — пряслища, 23 — обломок тигля, 26 — рыболовное грузило, 27—33 — керамика роменской культуры; 1—4, 21—33 — глина, 5—13, 16, 18 — бронза, 14, 17 — стекло, 15 — кремень, 19—20 — шифер.

жилища обнаружены остатки небольших столбовых ям с древесной трухой. Столбовые ямы углублялись ниже уровня пола на 40 см и служили, видимо, для удержания облицовки стен. Вблизи юго-западного угла, но не в самом углу, обнаружены остатки глинобитной печки размером 70×75 см, на своде которой была неподвижно закреплена глиняная массивная жаровня для сушки зерна. Перед печкой была устроена предпечная яма (№ 3)

размером 100×60 см, дно которой находилось на глубине 190 см. К сожалению, это полуземляночное жилище роменской культуры не сохранилось в полной неприкосновенности. Сверху в заполнение полуземлянки врезалась большая яма № 2, относящаяся к древнерусской культуре эпохи Киевской Руси. Диаметры этой ямы 290×270 см, а глубина до 160 см.

Непосредственно в полуземляночном жилище, кроме типичной для роменской куль-

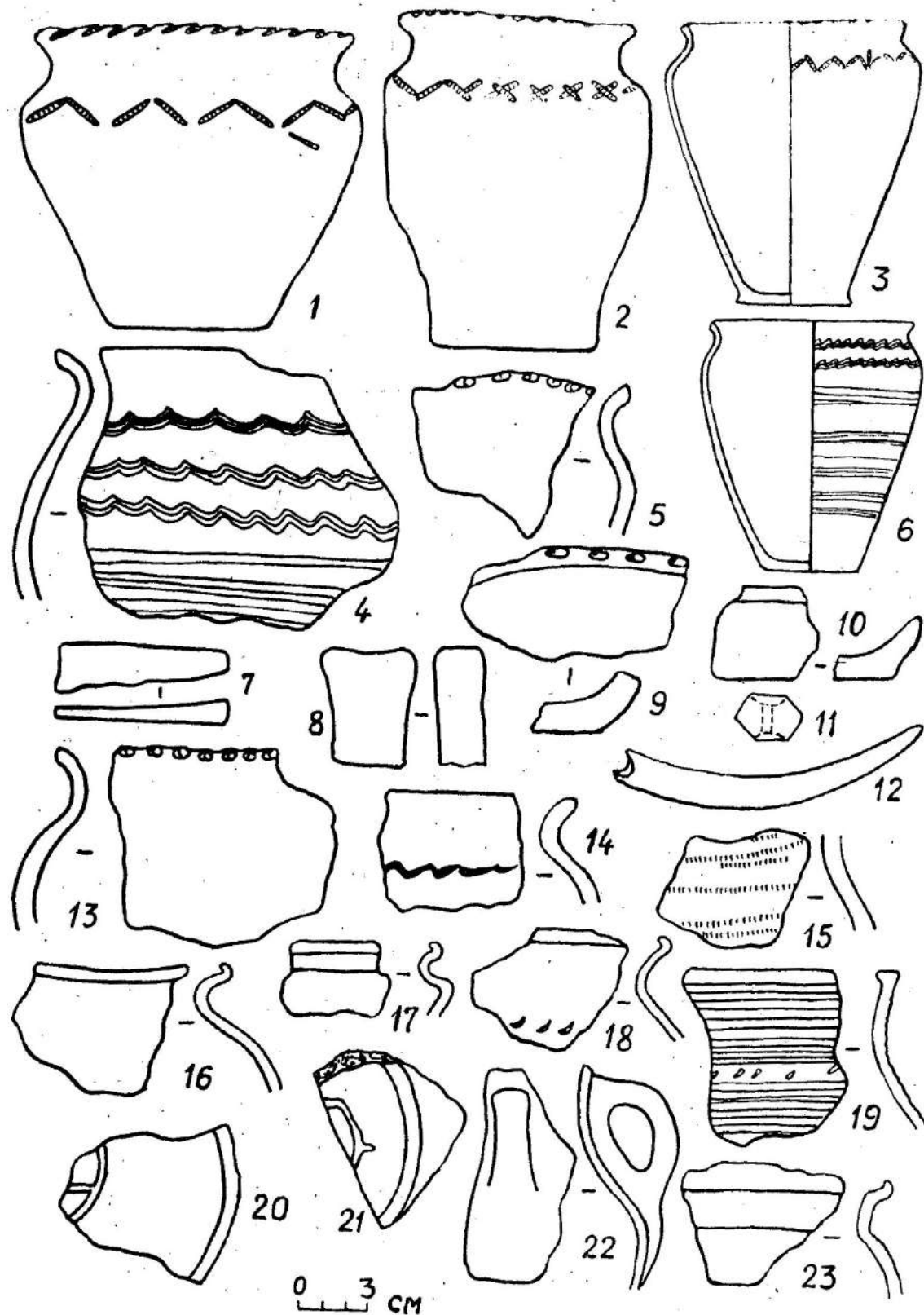
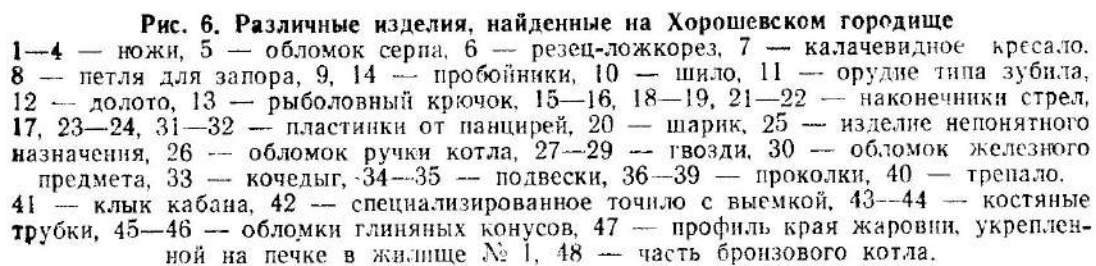

Рис. 5. Различные находки на Хорошевском городище

1, 3, 6 — сосуды из помещения № III, 2 — горшок из помещения № II, 4—5, 13—19, 23 — фрагменты горшков, 7—8 — обломки точильных камней; 9—10 — фрагменты глиняных сковородок, 11 — шиферное пряслице, 12 — роговой кочедыг, 20—21 — фрагменты доньев с клеймами, 22 — обломок сосуда с ручкой; 1—15 — находки роменской культуры, 16—23 — находки древнерусского времени

туры керамики (рис. 5, 9, 13), найден железный нож с черенковой рукояточной частью (рис. 6, 1), железное долото (рис. 6, 12), резец-ложкорез (рис. 6, 6), обломок дужки от котла (рис. 6, 26), костяные проколки (рис. 6, 36), тонкие бронзовые пластинки (рис. 4, 12, 16), железное калачевидное кресало (рис. 6, 7), бронзовый колокольчик (рис. 4, 6), два залощенных костяных цилиндра, вырезанных из трубчатой кости, служив-

ших, видимо, для какой-то игры (рис. 6, 43, 44). Один из них украшен кольцевыми нарезками. Вырезанный из кости предмет (рис. 6, 33) представляет собой, очевидно, рукояточную часть кочедыга. Кроме того, найдены: обресток рога оленя, клык кабана, обломок биконического глиняного пряслица, сланцевая заготовка для точильного камня (рис. 5, 7), обломки железных предметов (рис. 6, 24, 30), обломки жерновов (в том числе один в стол-

Материал заполнения ямы № 2 смешанный. В ней встретились фрагменты роменской

К юго-западу от жилища обнаружено помещение № II. Сохранилась его нижняя часть в виде полуземлянки (рис. 3) размером $3,65 \times 3,45$ м. Ввиду наклона почвы, глубина дна от поверхности неодинакова: у южной

стенки до 1,4 м, а у северной — 0,5 м. В 30 см от северной стенки пол на 5 см углубляется, образуя овальную ямку № 7 с диаметрами 1,1×0,7 м. Южная часть ямки обожжена. Последнее, возможно, объясняется тем, что помещение использовалось в качестве овина, в котором применяли огневой метод сушки снопов. Так или иначе, но помещение № II сгорело еще до прекращения существования поселка роменской культуры. В заполняющей почве с примесью золы и угольков найден целый сосуд (рис. 5, 2), рыболовный крючок (рис. 6, 13), клык кабана (рис. 6, 41), обломок глиняной жаровни, кремневое кресало (у очага) и два больших камня из песчаника, лежавших у восточной стенки помещения.

Вместо сгоревшего овина еще в роменское время было устроено помещение № III. Своей северной частью оно задело и разрушило южный угол помещения № II, а своей южной частью примыкало к валу оборонительного сооружения (рис. 3). Остатки помещения № III сохранились хуже, так как оно было повреждено сравнительно недавним перекопом (яма № 8). По своему устройству помещение № III представляло собой типичную хозяйственную постройку с углубленным полом. Длина помещения около 4 м, ширина — 3,8 м. Ввиду наклона поверхности останца глубина расположенного горизонтально пола неодинакова: до 1,75 у южной стенки и до 0,8 м в северной части. Кроме того, в центре имелось еще неправильной формы углубление, опускающееся на 25—30 м ниже краев помещения. В результате вдоль краев хозяйственной постройки образовалась как бы земляная полка шириной от 25 до 75 см. Именно на этой полке в южной части помещения № III были найдены три сосуда роменской культуры, из которых два целых (рис. 5, 1, 3), сохранившихся хорошо благодаря тому, что они были присыпаны почвой оплывшего вала. В северной части помещения на полке найден еще развал роменского сосуда (рис. 5, 6). Кроме того, в заполнении найдено еще несколько фрагментов роменской керамики (рис. 5, 4), в том числе обломок глиняной сковородки с невысоким бортиком.

Сверху культурный слой перерезала более поздняя яма № 8 неправильной в плане формы. Размер ее 2,3×1,7 м. Неровное за-

кругленное дно доходит до глубины 1,5 м. В рыхлой почве заполнения встречались вкрапления золы, угли, известь, куски глины и мелкие фрагменты керамики, в том числе древнерусской (рис. 5, 22—23).

Нами были учтены и находки, сделанные в грабительском шурфе, который расположен западнее землянки № 1. Изучение стратиграфии по стенкам шурфа и ознакомление с находками показывает, что здесь в значительной мере были разрушены три ямы (№№ 4, 5, 6). Размеры и формы этих ям можно определить лишь ориентировочно, руководствуясь их остатками, заметными на стенках шурфа, и фотографиями, которые сделал кладопискатель. Ям он, к сожалению, не увидел и размеры их поэтому не фиксировал. По нашим промерам яма № 4 имеет диаметр около 1,2 м и глубину 0,95 м. Яма № 5 имеет диаметр около 1,35 м и глубину около 95 см. Яма № 6 частично перерезает яму № 5. Диаметр ямы № 6 около 1,15 м, а глубина около 80 см. Таким образом, яма № 6 более поздняя, чем яма № 5, но обе относятся к роменской культуре. Начинаются эти ямы с глубины 40—60 см. В отличие от них яма № 4 начинается прямо от поверхности и относится к древнерусской культуре. В ней, наряду с обломками керамики роменской культуры, найдены фрагменты древнерусской круговой керамики. Кроме керамики в шурфе обнаружены два железных черешковых наконечника стрел (рис. 6, 21—22), остатки железного ножа (рис. 6, 3), относящиеся к роменскому слою.

В ямах №№ 1, 5 и 6 найдены обуглившиеся зерна растений (рис. 7). По определению З. В. Янушевич, среди них имеются остатки таких культурных растений, как пшеница-двухзернянка, пшеница мягкая-карликовая, ячмень пленчатый, рожь, горох. Преобладает пшеница-двухзернянка.

Кроме того, в слое и на распахиваемых участках Хорошевского городища встречено много находок, к числу которых относятся фрагменты роменской (рис. 4, 27—33; 5, 14—15) и древнерусской (рис. 5, 16, 18—19) керамики, последняя иногда с клеймами на доньях (рис. 5, 20—21), железные ножи (рис. 6, 2, 4), пробойники (рис. 6, 9, 14), шило (рис. 6, 10), петля (рис. 6, 8), наконечники стрел (рис. 6, 15—16, 18—19), панцирные

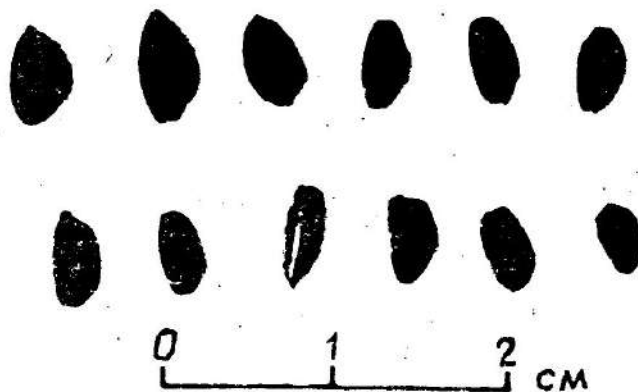

Рис. 7. Обуглившиеся зерна из ямы роменской культуры на Хорошевском городище

пластинки (рис. 6, 23, 31—32), обломок бронзового котла (рис. 6, 48), поясная бляшка с кольцом (рис. 4, 8), бубенчик (рис. 4, 7), спиральная серьга (рис. 4, 5), черная пастовая бусина с желтыми зигзагами (рис. 4, 14), бусина из прозрачного синего стекла (рис. 4, 17), куски железного шлака, обломок плавленого тигля (рис. 4, 23), бронзовый слиток (рис. 4, 11), шиферные пряслица (рис. 4, 19—20; 5, 11), пряслица, вылепленные из глины (рис. 4, 22, 24), пряслице, выточенное из стенки средневековой амфоры (рис. 4, 25), костяное кольцо, костяные проколки (рис. 6, 37—39), точильные камни (рис. 5, 8; 6, 42), подвеска из когтя крупной хищной птицы (рис. 6, 35), подвеска из кости бобра (рис. 6, 34), трепало из рога оленя (рис. 6, 40), непонятный железный предмет (рис. 6, 25), рыбо-

ловное грузило из глины (рис. 4, 26). Не всегда можно уверенно разделить эти находки по их культурной принадлежности, но все же явно заметно преобладают остатки, относящиеся к роменской культуре VIII—X вв. Остатков древнерусской культуры гораздо меньше. При этом, в отличие от Донецкого городища, черты городской жизни на Хорошевском городище в X—XIII вв. по существу четко не выражены: не видно следов энергичной деятельности ремесленников и торговцев, нет типичных для горожанок украшений в виде стеклянных браслетов и многого другого. Создается впечатление, что в древнерусское время в этом регионе городом было только Донецкое городище (летописный Донец). Хорошевское же городище представляло собой в это время поселение сельского типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Харьков, 1890, Т. 2.
- Багалей Д. И. Общий очерк древностей Харьковской губернии // Харьковский сборник. Харьков, 1890, Вып. 4.
- Багалей Д. И. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии // Труды 12 АС. М., 1905, Т. 1.
- Городцов В. А. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII Археологического съезда. Донецкое городище // Труды 12 АС. М., 1905, Т. 1.
- Городцов В. А. Определение юго-восточных границ домонгольской Руси начала XIII в. // Труды 13 АС. М., 1908, Т. 2.
- Данилевич В. Е. Донецкое и Хорошевское городища // Сб. ХИФО. Харьков, 1902, т. 13.
- Книга Большому Чертежу. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Кованько С. И. Описание Харьковской губернии. Харьков, 1857.
- Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья // СА. 1952. Т. 16.
- Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 1961, № 104.
- Морозов Ю. И. О городищах Харьковской губернии // Записки Харьковского университета. 1901, Кн. 3.
- Морозов Ю. И. О городищах Харьковской губернии // Труды Харьковского предварительного комитета по устройству 12 АС. Харьков, 1902. Т. 1.
- Морозов Ю. И. Заметки и материалы по археологии // Сб. ХИФО. Харьков, 1902. Т. 13.
- Моруженко А. А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э. // СА. 1985. № 1.
- Пассек В. В. Курганы и городища Харьковско-го, Валковского и Полтавского уездов // РИС. 1839. Т. 3. Кн. 3.
- Рудинський М. Я. Археологічні дослідження року 1926 // КЗ ВУАК. Київ, 1927.
- Рыбаков Б. А. Северодонецкая экспедиция ИИМК: К проблеме изучения славянского юго-востока // ТД СОИФ и ПИИМК. М., 1951.
- Рыбаков Б. А. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве» // Научные доклады высшей школы / Исторические науки. 1958. № 1.
- Рыбаков Б. А. Кто же автор «Слова о полку Игореве» // Из истории культуры древней Руси. М., 1984.
- Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 2. М., 1857; Отд. 1. Харьков, 1852.
- Фукс М. К. Про городища скитської доби на Харківщині // ЗВУАК. 1931. Т. 1.
- Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- Шрамко Б. А., Целкин Е. А. Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII—XIII вв. // СА. 1963. № 2.
- Шрамко Б. А. Археология раннего железного века Восточной Европы. Харьков, 1983.
- Щелков К. П. Историческая хронология Харьковской губернии. Харьков, 1882.

В. П. КОВАЛЕНКО, Ю. Н. СЫТЫЙ

ЛЕТОПИСНАЯ БЕЛАВЕЖА

(К вопросу о локализации)

В 1117 г., под давлением половцев население Саркела — Белой Вежи вынуждено было оставить город, и «...придоша Беловежцы в Русь» (ПСРЛ. т. II, стб. 285). В историографии с XIX в. принято было считать, что переселенцы основали на юго-восточной окраине Черниговской земли Белавежу-новую, (Барсов, 1885, с. 308; Ляскоронский, 1903, с. 94; и др.), упомянутую в Ипатьевской летописи под 1147 г. (ПСРЛ. Т. II, стб. 358).

Локализация черниговской Белавежи спорна у специалистов практически не вызывала. Такое редкое единодушие объясняется тем, что белавежское городище известно было еще по «Книге Большому Чертежу», причем с довольно точной привязкой: вблизи него брали начало реки Остер, Ромен и Удай — «...А на верху Удая, и р. Острия и р. Рамона городище Белая Вежа от Путивля верст с 80...» (КБЧ. 1950, с. 108). В середине XVIII в. ин-

тересное описание городища оставил А. Ф. Шафонский: «Лежит ...на открытой и ровной степи. Городовое земляное укрепление довольно еще по сие время видно. Оно состоит из главной крепости и особливаго небольшого замка или цитадели, мимо которых река Остер от северо-западной стороны к югу течет. Река Остер в сем месте необширна и больше вид болота имеет. По валу и внутри оного видны каменные остатки бывших ворот, башен и погребов» (Шафонский 1851, с. 400).

Во второй половине XVIII в. (ок. 1767 г.) на территории т. н. Беловежской степи, принадлежавшей тогда Малороссийской Генеральной артиллерии, появились 6 поселений, основанных колонистами из Германии и Австро-Венгрии (Памятная книжка..., 1861). Центром общественной жизни немцев-лютеранцев, поселившихся вдоль р. Остер, была колония Белемеш (Белая Вежа). Здесь находился их евангельский дом, основанный в 1789 г., трижды в год собирались ярмарки. Очень скоро нехватка земель побудила колонистов заняться осушением заболоченных верховий р. Остер.

В 1810 г., в ходе поездки по России для ознакомления с памятниками истории почетного члена Академии наук К. М. Бороздина, художника Д. И. Иванова и архитектора А. И. Ермолаева, наряду с другими древними городами Черниговской губернии (Чернигов, Любеч, Остер, Нежин), были осмотрены и описанные А. Ф. Шафонским объекты у с. Белемеш (Поленов, 1871, с. 72—73). Был даже снят их план (рис. 1), опубликованный,

правда, лишь в 1871 г. М. П. Погодиным (Погодин, 1871, л. 86); после чего у историков исчезли всякие сомнения относительно его местонахождения. И если Н. М. Карамзин (Карамзин, 1816, стб. 213), М. Е. Марков (Марков, 1815, с. 193—195), Н. Надеждин (Надеждин, 1837 с. 63—64) и К. А. Неволин (Неволин, 1844, с. 408—409) еще просто ссылались на «Книгу Большому Чертежу», то последующие обычно приводили в той или иной форме описание обследованного К. М. Бороздиным пункта (Арцыбашев, 1839, с. 210; Погодин, 1848, с. 443; 1850, с. 229—239; Барсов, 1865, с. 18; 1885, с. 163, 308; Багалей, 1882, с. 148; Голубовский, 1903, с. 123; Самоквасов, 1908, с. 117; и др.). Эту традицию в целом восприняли и современные исследователи исторической географии Черниговской земли (Насонов, 1951, с. 221; Зайцев, 1975, с. 57, 78; **Етимологічний словник**, 1985, с. 26). В то же время за прошедшие после поездки К. М. Бороздина почти 2 века осмотренные им объекты не только ни разу не подвергались каким-либо археологическим исследованиям, но даже не были вторично обследованы.

Лишь в 1981 г. указанное на схеме К. М. Бороздина городище было обследовано экспедицией Черниговского исторического музея (Коваленко, 1981, с. 1—7; 1983, с. 269). Оно находится в 1,5 км к юго-востоку от с. Беловежи-Первые, или в 300 м к северо-востоку от с. Беловежи-Вторые Бахмацкого района Черниговской обл., в ур. Городок, на правом берегу р. Остер. Вследствие интенсивных

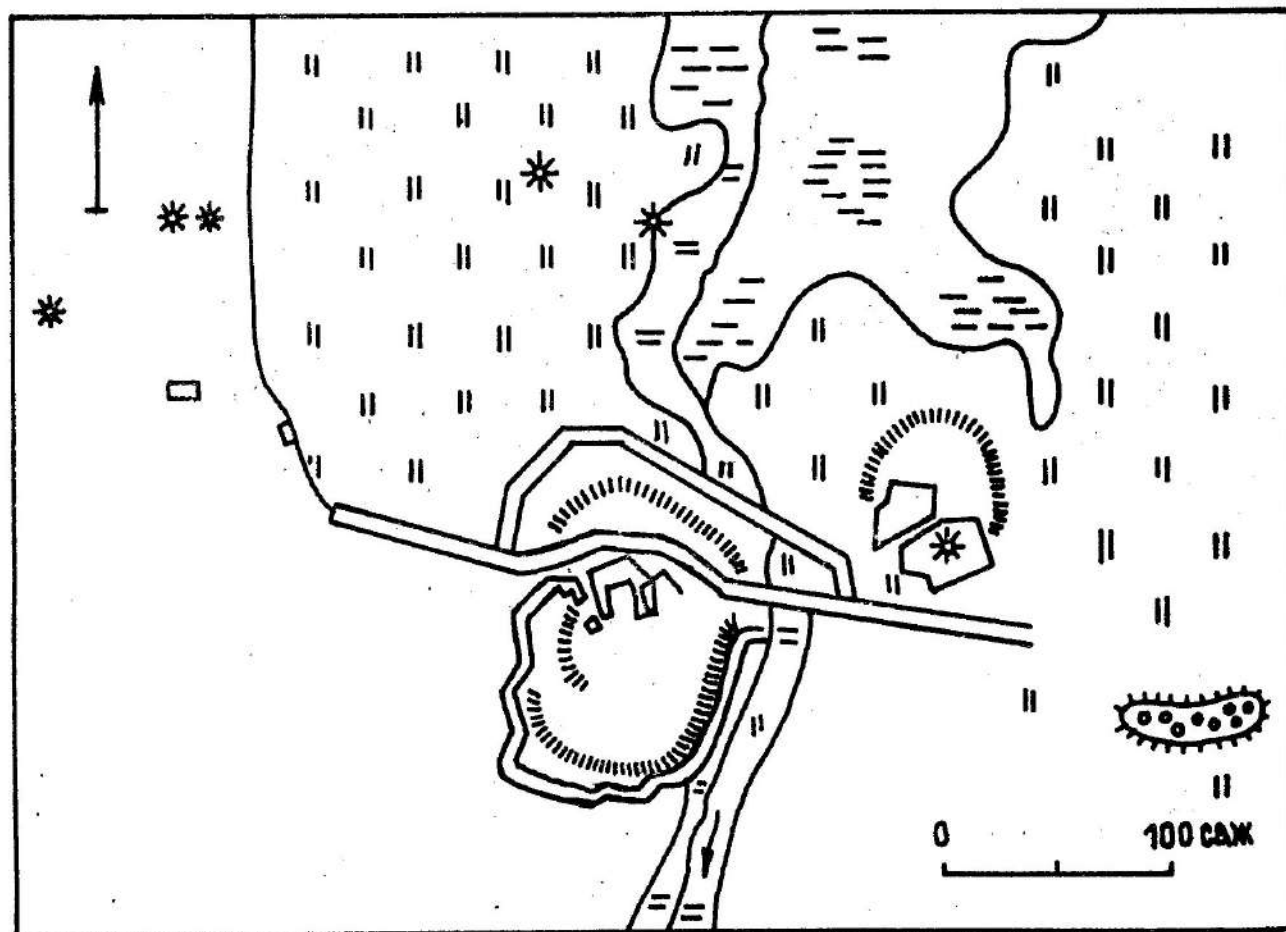

Рис. 1. «Городок Беловежской» (схемплан К. М. Бороздина)

мелиоративных работ река на данном участке пересохла, даже русло ее запахано и почти не читается. Существенно изменилась и местность в целом. Однако ошибки быть не могло: К. М. Бороздиным описан именно этот пункт — сохранились все обозначенные на его схеме (рис. 1) курганы II—I тыс. до н. э. (правда, все они ныне распаханы, вследствие чего стали значительно ниже). К северо-западу от городка находятся 2 кургана со слившимися полами, между их вершинами проходит ныне полевая дорога, соединяющая сс. Беловежи I и II. Курганы к юго-западу от них в настоящее время едва читаются. В 400—500 м к востоку от сдвоенных курганов находится еще два. Первый из них (самый большой во всей группе) сильно поврежден селитренным производством. Еще две группы распаханных курганов фиксируются на южной окраине с. Беловежи I и у лесополосы вдоль железной дороги.

Значительно пострадало и само городище: многолетняя распашка уничтожила до основания изображенные на схеме 1810 г. «крылья», подходящие к правобережному объекту, а также восточную (левобережную) часть «городка» и находившуюся к юго-востоку от него оваловидную насыпь (рис. 1). Сохранившаяся правобережная, западная часть «городка» окружена по периметру неглубокой канавой с почти вертикальными стенками (ширина до 2-х м). За ней находится невысокая (1,5—2 м) плотно задернованная валообразная насыпь, за которой на большинстве участков сохранилась вторая такая же, имеющая несколько разрывов. В северной части «городка» находится большая округлая в плане насыпь, с разрывом с южной стороны и глубокой ямой в центре (на схеме К. М. Бороздина изображена в виде буквы «П»). Это типичный крупный курган, уничтоженный селитренным производством. Его первоначальная высота составляла 6—8 м, диаметр 40—60 м. Справа и слева от него высятся отвалы селитренного производства. По-видимому, из подобных отвалов насыпана и часть валов. Южная часть площадки занята кладбищем, функционирующим и ныне.

В центре площадки «городка» заложен шурф (1×1 м), который показал полную однородность стратиграфии (болотный чернозем без каких-либо культурных остатков) до самого материка (светлый суглинок), выявленного на глубине 1,10 м. Разрез второго, внутреннего вала, произведенный в северо-западной части «городка» (рис. 1), показал, что он насыпан целиком из болотного чернозема и отвалов селитренного производства. Его высота от уровня погребенного дерна — 1,8 м. Культурные остатки (кроме двух мелких обломков костей животных) отсутствуют. Не выявлены они и при тщательном обследовании окрестностей «городка» (как ближайших, так и в радиусе 1—2 км), подвергшихся многолетней интенсивной распашке.

Результаты работ 1981 г. уже тогда позво-

лили утверждать, что т. н. «городище» в ур. Городок, отождествляемое в литературе с летописной Белой Вежей, представляет собой уничтоженный селитренным производством крупный курган II—I тыс. до н. э., вокруг которого громоздятся отвалы этого производства. С юга к отвалам примыкает старое кладбище, которое обнесено земляным валом и рвом. Изображенные на схеме К. М. Бороздина «крылья» являются, по-видимому, каким-то мелиоративным сооружением. Левобережная часть объекта, вероятно, представляла собой такой же отвал. Полное отсутствие каких-либо культурных отложений не позволяло связывать этот пункт с летописной Белой Вежей (Коваленко, 1983, с. 269).

Последующее детальное изучение картографических материалов показало, что ранее р. Остер начиналась в двух километрах к юго-востоку от ур. Городок, у небольшой железнодорожной станции Городок. Сюда же подходит и приток р. Ромена — р. Торговица. Обе они брали начало из болота Вировка, и в половодье весь этот район представлял собой один сплошной водный массив (Остер — Торговица — Ромен — Сула — Днепр). Невдалеке, к юго-западу, находились истоки р. Удая. Здесь же проходил сухопутный путь из Посулья на Всеволож и Чернигов, причем в районе ст. Городок находился единственный проход между сильно заболоченными бассейнами рек Остра, Ромна и Удая. Все это заставляло искать городище летописной Белой Вежи именно здесь, в точке пересечения сухопутного и водного путей, у ст. Городок (Коваленко, 1984, с. 53—54; 1987, с. 78—80), (рис. 2).

Оно было открыто в 1985 г. экспедицией Черниговского исторического музея и Черниговского пединститута им. Т. Г. Шевченко в 0,7 км к юго-западу от ст. Городок, на небольшом возвышении среди болот, в 1 км к юго-востоку от с. Беловежи-II (Сытый, 1985, с. 98—99) (рис. 2). Городище имеет округлую форму (200×190 м) и с трех сторон окружено сильно распаханной (высота со стороны площадки 0,8—1,0 м, с напольной 1,2—1,6 м; ширина основания 30—40 м, по гребню — 8—10 м) валом, полностью уничтоженным в северо-восточной части площадки. С юга, юго-востока и юго-запада заметны следы заплывшего рва (глубина 0,5 м, ширина 20—25 м). Непосредственно у подножия городища, огибая его с запада, проходит и ныне дорога на юг, некогда единственная в верховьях Остра (рис. 3). Расположение древнего въезда сейчас не прослеживается. С запада и частично с юга к городищу примыкает селище-посад (150×50—75 м), с трех сторон ограниченное болотом (тоже распаханное). Вал и культурный слой городища в западной части его площадки, а также в восточной части посада I значительно повреждены строениями поселка немецких колонистов, существовавшим здесь в XVIII—XIX вв. Вероятно, вдоль дороги проходила его центральная улица.

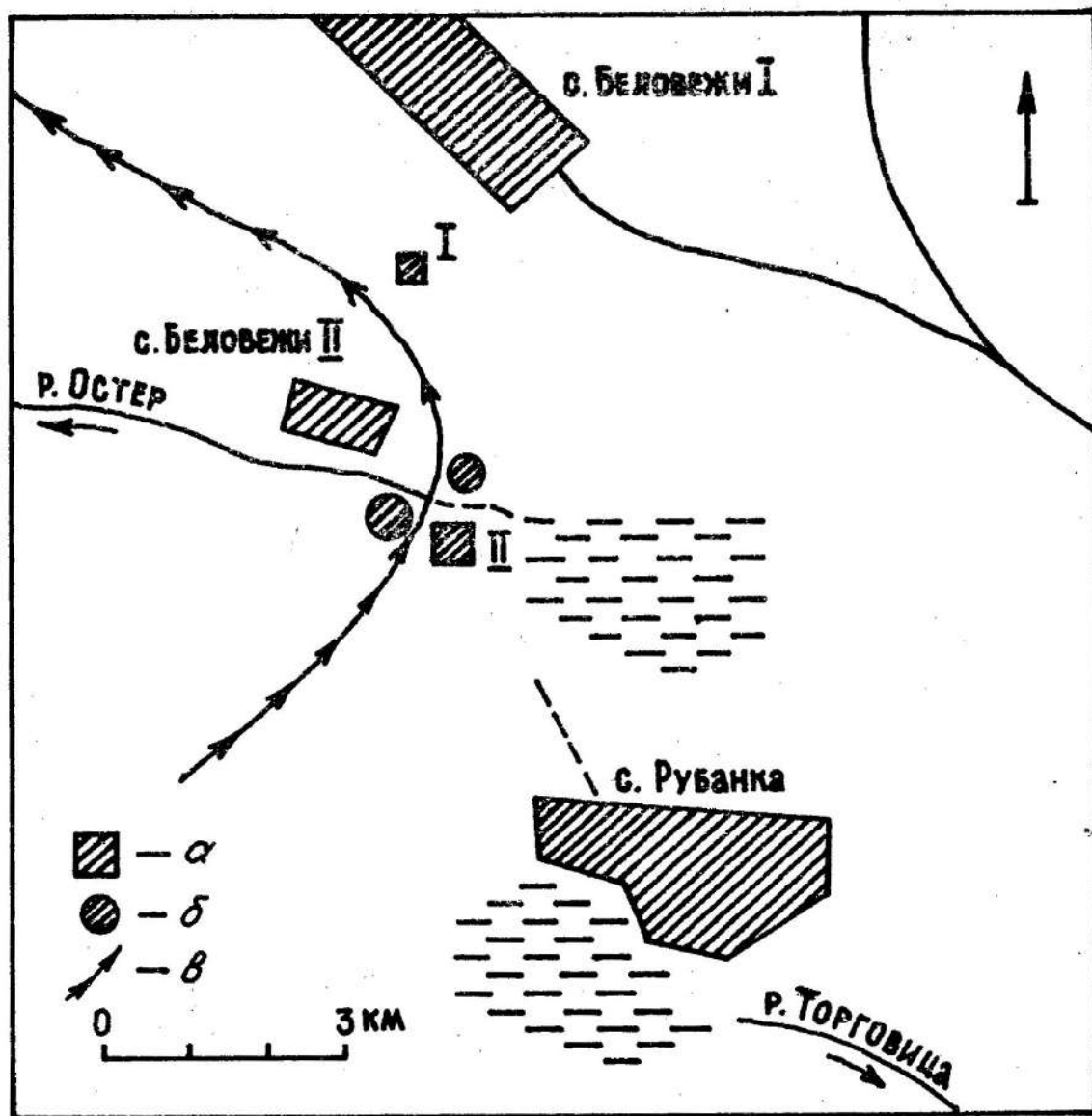

Рис. 2. Схемплан расположения памятников у с. Беловежи-ІІ
І — «Городок» К. М. Бороздина. ІІ — городище летописной Беловежи:
а) — городище, б) — посады, в) — древний путь из Посулья на Чернигов.

Второе селище-посад (300×200 м) расположено к северо-востоку от городища, на противоположном (правом) берегу р. Остер (рис. 3).

На городище и посадах собраны многочисленные обломки керамики XI—XIII вв. (в том числе — фрагменты амфор) и XVIII—XIX вв., а также строительных материалов (кирпич, черепица, куски изразцов, гвозди и т. д.). Кроме того, на городище найдены куски жерновов из вулканического туфа, половника бронзового ювелирного пинцета-тисочков (рис. 4, 30), шлаки и выплески цветных металлов; фрагмент бронзового витого (из трех проволок) браслета (рис. 4, 29), 2 железных черешковых ножа (рис. 4, 34), шиферное пряслице и обломок оселка из мелкозернистого песчаника, бронзовая шестигранная пуговица с обломанным ушком, инкрустированная пастой (рис. 4, 28). Из находок на посадах отметим фрагмент костяного двустороннего гребня (рис. 4, 27), обломок круглого гладкого зеленого стеклянного браслета, сильно

сточенный шиферный оселок и овальное короткое кресало, датируемое по новгородским аналогиям XIII—нач. XV вв. (рис. 4, 26) (Колчин, 1982, с. 163).

В юго-восточной части городища (рис. 3) заложена траншея 10×1 м, частично разрезающая вал (Коваленко, Сытый, 1987, с. 342—343). Она показала, что он насыпан из материкового болотного чернозема, перемешанного с культурным слоем (рис. 4, 39). Вероятно, грунт для насыпки вала был взят из рвов и непосредственно с площадки городища. Вследствие этого при разборе заполнения траншеи собрано значительное количество обломков круговых горшков XI—XII вв. (рис. 5, 1—15) и вещевых находок. Керамика беловежского городища в целом идентична посуде других древнерусских населенных пунктов Чернигово-Северской земли. Единственная визуально заметная особенность керамического комплекса городища — относительно высокий процент (до 10—15%) сосудов с орнаментацией ногтевыми насечками по внутреннему краю венчика. Из вещевых находок от-

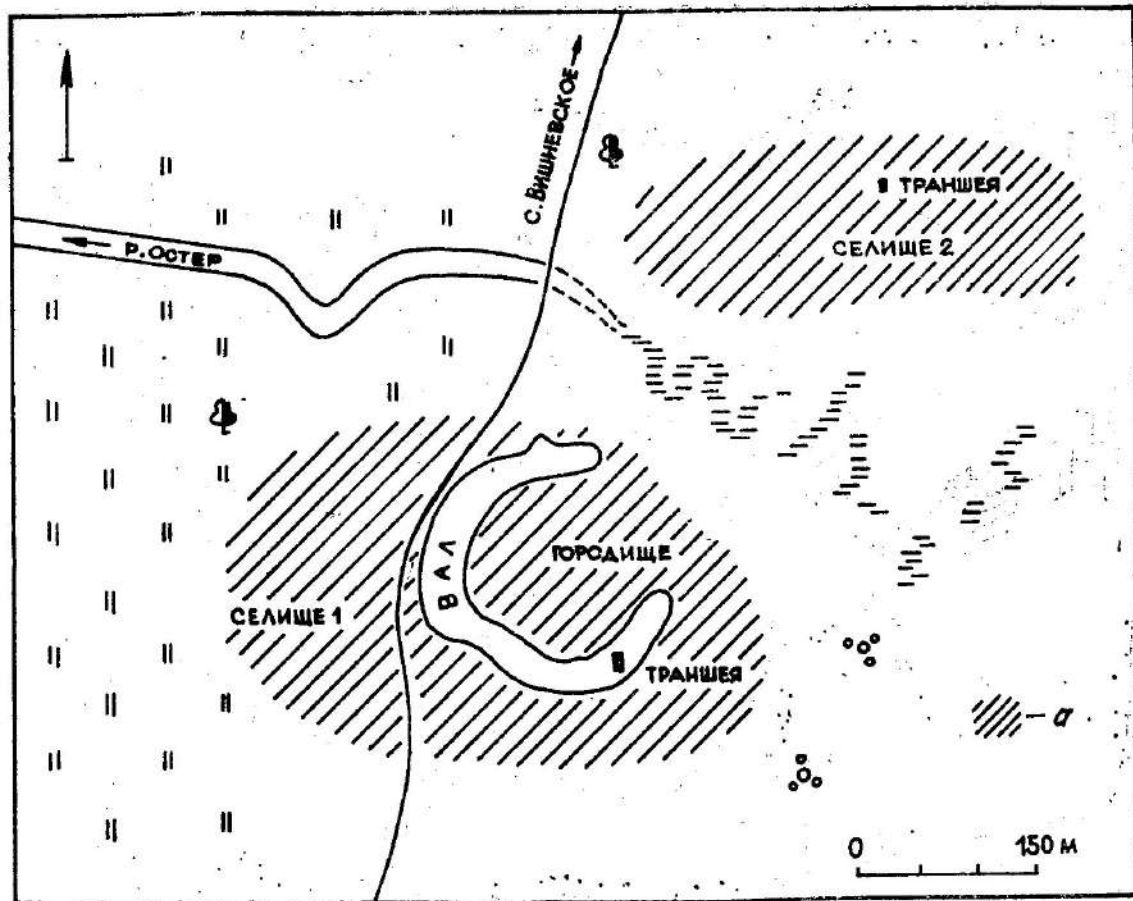

Рис. 3. Схемплан городища летописной Белавежи
а — площадь распространения культурного слоя

метим небольшой фрагмент тонкой (2,5 мм) свинцовой пластинки с загнутым краем, круглый в сечении перстень светло-синего стекла с уплощенным внутренним краем (рис. 4, 32), миниатюрная бронзовая копоушка с тремя рельефными поясками на стерженьке (рис. 4, 31), фрагмент витого круглого темно-зеленого стеклянного браслета, ключ от нутряного замка для ларцов — тип III по Б. А. Колчину (Колчин, 1982, с. 161), XII—XIV вв. (рис. 4, 36), 2 обломка оселков из мелкозернистого песчаника, обломок железного гвоздя, обломок бракованного, литого из бронзы изделия и свинцовая пуговица — грузик усеченно-конусовидной формы со сквозным отверстием, орнаментированная семью рельефными поясками (рис. 4, 33), датируемая М. В. Седовой X—XV вв. (Седова, 1981, с. 156—158). Особо выделим находку наконечника стрелы (тупоугольный срезень, тип 67 по А. Ф. Медведеву), характерного для вооружения монголов XIII—XIV вв. (рис. 4, 38). Подобные наконечники стрел в большом количестве встречаются на всех русских поселениях, разрушенных монголо-татарами в XIII—XIV вв. (Медведев, 1966, с. 75—76).

Ниже под слоем чернозема, залегает небольшая (до 0,35 м) прослойка светлой супеси, прослеженная по всей площадке (рис. 4, 39). Из нее происходит керамика первой половины XII в. (рис. 5, 16—19), двусторонний костяной гребень, тип Л по Б. А. Колчину (Колчин, 1982, с. 166), XI—нач. XIII вв. (рис. 4, 35) и небольшой железный топорик-чекан

с узким продолговатым лезвием и короткой (подквадратной в сечении) молоточковидной приставкой обуха, округлыми щекавицами, тип I по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966, с. 33—34), XI—XII вв. (рис. 4, 37). Под этой прослойкой на большей части траншеи залегает материк — болотный чернозем. II лишь в центральной части траншеи прослойка перекрывает котлован сгоревшего жилища (исследовано лишь частично), заполненный перемешанным черным пятнистым слоем с включениями пещины, углей, золы, линз светлой супеси и песка (рис. 4, 39). К сожалению, в жилище не выявлены датирующие вещи. Здесь найдены лишь невыразительные мелкие фрагменты древнерусских кружальных сосудов и ведерное железное ушко.

Другая траншея (6×2 м) была заложена в северной части селища 2, на противоположном, правом берегу Остра. Мощность культурного слоя достигает здесь 1,0—1,2 м. Стратиграфически он разделяется на 3 горизонта, из которых максимальная концентрация находок отмечена в среднем (серо-коричневый слой с включениями угольков). Он содержал обломки круговых сосудов XI—XIII вв. и биконическое шиферное пряслице. Северным углом траншеи прорезан частично котлован сгоревшей углубленной постройки (полностью не вскрывалась). В его заполнении найдены свыше 20 мелких цилиндрических черных гагатовых бусин (рис. 4, 1—22), 2 шиферных пряслица, обломок гладкого полукруглого в сечении браслета из зеленого стекла, инкрусти-

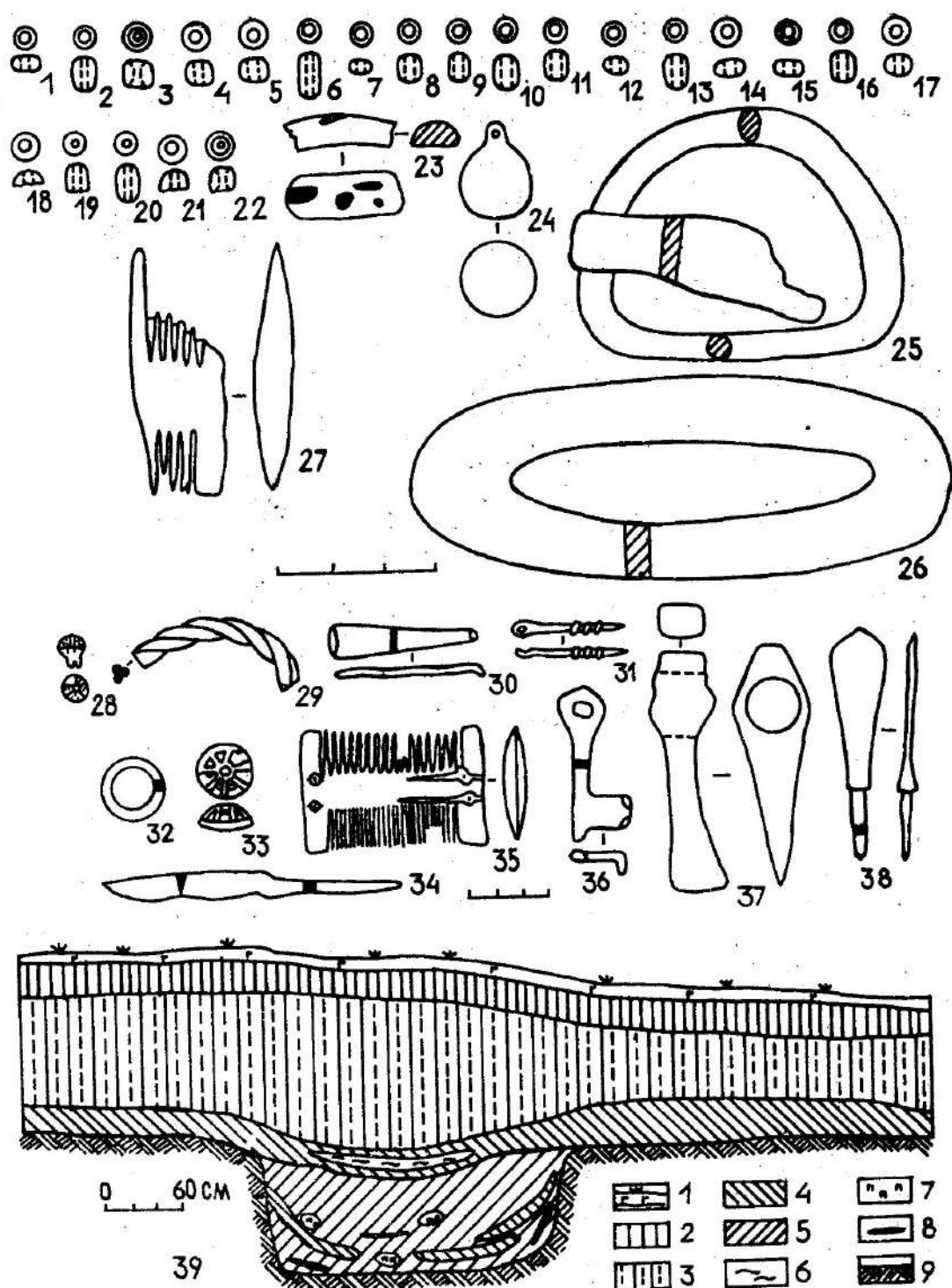

Рис. 4. Бела Вежа. Материалы из поселков (1—27) и городища (28—39)
 1—25 — траншея; 26, 27 — подъемный материал (1—22 — галат; 23 — стекло; 24 — бронза; 25, 26 — железо; 27 — кость) 28—31, 34 — подъемный материал; 32—38 — траншея 1 (28 — бронза, паста; 29, 30, 31 — бронза; 32 — стекло; 33 — свинец; 34, 36—38 — железо; 35 — кость) 39 — западный профиль траншеи 1. Условные обозначения: 1 — растительный слой; 2 — пахотный слой; 3 — болотный чернозем; 4 — светлая супесь; 5 — черный латунный слой; 6 — обожженный глей; 7 — пещина; 8 — горелый слой; 9 — материк

рованного вставками из желтой и белой пасты (рис. 4, 23), обломок железной оковки ведра, сильно коррозированный бронзовый шаровидный бубенчик (рис. 4, 24) и железная подпружная пряжка из оваловидного в сечении прута, с обломанным язычком, тип 5 по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1973, с. 77), XII—XIII вв. (рис. 4, 25).

Таким образом, результаты проведенных разведочных исследований хотя и не дали ответов на все поставленные вопросы, но позволили в целом наметить основные этапы развития летописной Белой Вежи.

Населенный пункт у пересечения двух важных путей (водного по Остру и сухопутного из Посулья в Чернигов) возникает, судя по керамике, не позднее середины XI в. При этом практически одновременно были заселены участки по обоим берегам Остра (рис. 3). Возможно, в конце XI в. он был уже укреплен. Во всяком случае, в «Получении» Владимира Мономаха при описании событий середины 80-х годов XI в. пункт упоминается уже среди городов Левобережья: «около 1085 г. после сражения у Прилук, «...заутра...иде хом к Беле Вежи. И...избиша 900 половцев»

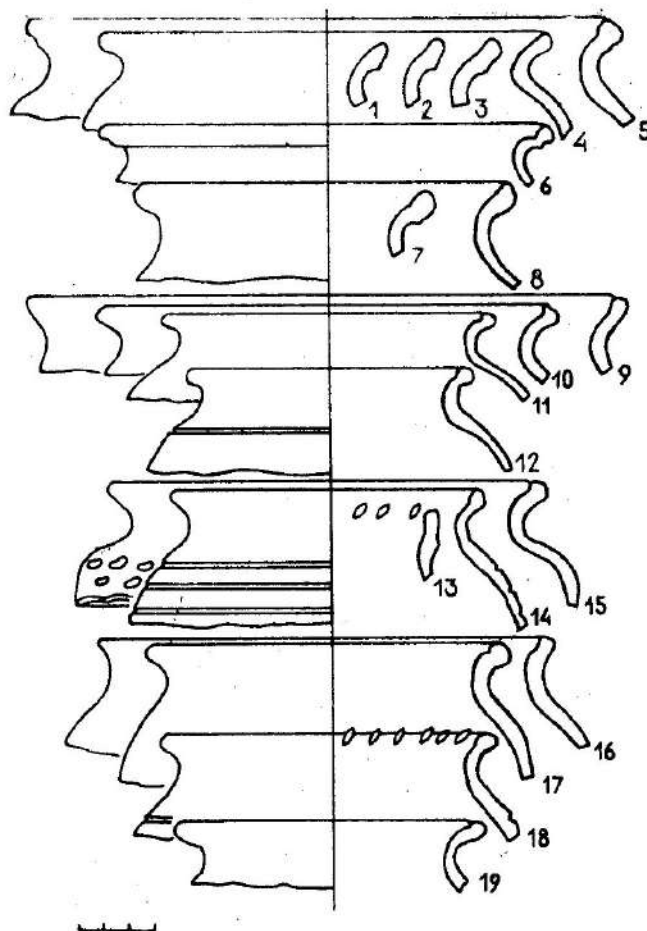

Рис. 5. Белавежа. Керамика из траншеи I на городище
1—15 — из слоя болотного чернозема; 16—19 — из слоя светлой супеси

и два князя яша: Багубарсова брата Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста. И потомъ на Святославль гонихом по Половцях. И потомъ на Торческий городъ. И потомъ на Гюргевъ во Половцях...» (ПСРЛ. Т. 1, стб. 248—249). В таком случае, в качестве следов первоначального вала следует рассматривать прослойку светлой супеси в траншее на городище (рис. 4, 39), перекрывающую остатки сгоревшего жилища. Несомненно одно: к моменту возвращения белавежцев (из Саркела) «в Русь» в 1117 г. черниговская Белавежа уже существовала, и, таким образом, нет причин связывать ее основание с этим событием. Впрочем, это, вероятно, было уже не первое такое переселение, иначе трудно было бы объяснить появление этого топонима на Остре (Нерознак, 1983, с. 32—34). Но и связывать первое перемещение сюда саркельцев с политикой Святослава Игоревича, как это делали некоторые исследователи XIX в. (Филарет, 1874, с. 481—482), тоже нельзя: материалы X в. на городище отсутствуют. Возможно, причиной прибытия первой партии переселенцев, основавших черниговскую (или новую) Белавежу, было появление в Подонье половцев, начавших блокаду Саркела.

В XII в., с обострением на Руси междоусобиц, значение Белавежи как важного стратегического пункта на южных рубежах Черниговской земли должно было возрасти. Здесь, вероятно, размещался постоянный воинский гарнизон, что подтверждается находками предметов вооружения и снаряжения верхового коня. Какая-то часть населения занималась ремесленным производством (в частности, ювелирным делом).

В 1147 г. Белавежа в числе других городов Черниговского Задесенья (Всеволож, Бохмач, Оуненеж, и «инии гради мнози...») была сожжена войсками Изяслава Мстиславича (ПСРЛ. Т. II, стб. 358), после чего, видимо, происходит реконструкция укреплений (остатки насыпи вала из болотного чернозема — (рис. 4, 39).

Погиб городок, как и большинство подобных пунктов Южной Руси, в пожарах Батыевого нашествия, о чем свидетельствует находка татарского наконечника стрелы. Жизнь на нем в дальнейшем не возобновлялась и в документах XV—XVI вв. оно упоминается уже как «...городище литовское Белая Вежа» (КБЧ. 1950, с. 107).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арцыбашев Н. С. Повествование о России. М., 1839. Т. II.
2. Багалей Д. И. История Северной земли до половины XIV ст. К., 1882.

- 3.—4. Барсов Н. П. Материалы для историко-географического словаря России. // Географический словарь Русской земли (IX—XIV вв.). Вильно, 1865. Т. 1.

5. Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885.
6. Голубовский П. В. Где находились существовавшие в домонгольский период города: Воргол, Глебль, Зартый, Оргошь, Сновск, Уненеж, Хоробор? // ЖМНП. 1903. Вып. 5.
7. Етимологічний словник літописних географічних назв. Південної Русі. Київ: Наук. думка, 1985.
8. Зайцев А. К. Черниговское княжество. // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975.
9. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб. 1816. Кн. 1. Т. 11.
10. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. // САИ. 1966. Вып. Е1-36. Т. 2.
11. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. 1973. Вып. Е1-36.
12. Книга Большому Чертежу. М., Л., 1950.
13. Коваленко В. П. Отчет об исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1981 г. // Архив ИА АН УССР. 1981/31.
14. Коваленко В. П. Исследования летописных городов на Черниговщине. // АО—1981. М., 1983.
15. Коваленко В. П. Новые исследования летописных городов Чернигово-Северской земли. // Древнерусский город. /Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. К., 1984.
16. Коваленко В. П. Палеоландшафты Черниговского Задесенья и проблема локализации летописных городов. // Социально-экономические функции ландшафтов и состояние экосистемы. /Тезисы докладов областной научно-практической конференции/. Чернигов, 1987.
17. Коваленко В. П., Сытый Ю. П. Работы в Черниговском Задесенье. // АО—1985. М., 1987.
18. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. // Новгородский сборник. М., 1982.
19. Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. Киев, 1903.
20. Марков М. Е. О городах и селениях в Черниговской губ., упоминаемых в Несторовой летописи, как они в оной следуют по порядку годов. // Периодические сочинения о успехах народного просвещения. СПб 1815. Т. 40.
21. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие Лук и стрелы. Самострел. VIII—XIV вв // САИ 1966. Вып. Е1—36.
22. Надеждин Н. Опыт исторической географии русского мира. // Библиотека для чтения. СПб 1837. Т. XXII.
23. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
24. Неволлин К. А. Исследования о городах русских. Общий список русских городов. // ЖМВД. 1844. Т. XII.
25. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983.
26. Памятная книжка Черниговской губернии на 1862 г. Чернигов, 1861.
27. Погодин М. П. Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств, с 1054 по 1240 г. Княжество Черниговское. // ЖМВД. 1848. Т. IX.
28. Погодин М. П. Исследования, замечания, лекции о русской истории. Период удельный, 1054—1240. М., 1850. Т. IV.
29. Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. Атлас исторический, географический, археологический с объяснениями. М., 1871. Т. III. Ч. 1.
30. Поленов Д. В. Описание бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с гг. Ермолаевым и Ивановым в 1809—1810 гг. // Труды 1 АС. М., 1871. Т. I.
31. ПСРЛ. М.; Л.: Вост. литература, 1961. Т. I.
32. ПСРЛ. М.; Л.: Вост. литература, 1962. Т. II.
33. Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.
34. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.
35. Ситий Ю. М. Відкриття літописної Білої Вежі. // Перша Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства, присвячена XXVII з'їзду КНРС. (Тези доповідей). Чернігів, 1985.
36. Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1874. Кн. 6.
37. Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1831.

О. В. СУХОБОКОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПУТИВЛЕ

Путивль является вторым по значению городом Северской земли, обособление которой от Черниговского княжества началось на рубеже XI и XII вв. В это время на Днепровском Левобережье княжили внуки Ярослава Мудрого — Давыд и Олег Святославичи. Братья разделили между собой территорию Деснянско-Сеймского поречья: Чернигов и земли в среднем течении Десны стали наследным владением Давыда и его потомков, а Новгород-Северский с Посеймьем отошли к Олегу и его «племени» (Рыбаков, 1971, с. 123).

Окончательно выделяется Новгород-Северское княжество в 1140—1150 гг. (Рыбаков, 1982, с. 498), что связано с событиями междоусобной борьбы Ольговичей и Давыдовичей. Святослав Ольгович находился в дружественных отношениях с противниками великого князя. Опираясь на поддержку князя Изяслава Мстиславича киевского, Давыдовичи попытались восстановить единство Черниговского княжества, потребовав у Святослава Ольго-

вича отказаться от Новгорода-Северского: «пони из Новгорода (к) Путивлю, а брата ся Игоря лиши» (ПСРЛ, 1962, стб. 329). После этого они осадили Новгород-Северский, но безуспешно, и, ограбив принадлежавшие Ольговичам пригородные села, сняли осаду. Осенью 1146 г. Давыдовичи осадили Путивль, но не смогли его взять до подхода войск великого киевского князя Изяслава: «И тако присту-пиша къ граду не вдашася имъ Путивлечи, дондеже приде Изяславъ с силою Киевскою. Онемъ же крьпко бующимся съ града». Лишь получив от Изяслава Мстиславича обещание не трогать имущества горожан, «путивлечи» открыли ворота города. Победители разграбили княжий двор и разделили между собой имущество Святослава Ольговича, вынужденного бежать в далекий Корачев: «И ту дворъ Святославль раздели... и скотнице и бретьянице и товаръ, иже бе не мочно двигнути, и в погребех 500 берковьсков меду, а вина 80 корчагъ; и церковь Святого Възнесения всю

облупиша, съсуды серебряныя, и индитьбе и платы служебныя, а все шито золотомъ, и каделниц, две, и кацы, и уангелие ковано, и книги, и колоколы; и не оставиша ничтоже княже, но все разделиша, и челяди 7 сот» (ПСРЛ, 1962, стб. 334).

Содержание летописного рассказа не оставляет сомнения, что двор Святослава находился именно в Путивле, а не в его окрестностях, как считал Б. Д. Греков, основываясь на названии урочища «Княжий двор», расположенного выше по течению Сейма (Греков, 1953, с. 167).

После описанных выше событий в Путивле был посажен киевский посадник, а затем город был передан во владение черниговским князьям. Но уже в 1149 г. после восстановления мирных отношений город переходит к Святославу Ольговичу, возвратившемуся в Новгород-Северский. Со второй половины XII в. Путивль становится стольным городом одной из линий черниговских Ольговичей. В год похода Игоря Святославича на половцев в Путивле княжил его сын Владимир, и город стал местом сбора русских дружин: «Трубы трубят в Новгороде — стоят стяги в Путивле».

«Слово о полку Игореве» упоминает и укрепления города, повествуя о плаче Ефросиньи Ярославны на «забороле» крепостной стены («Слово...», 1965, стб. 400).

О сожжении деревянных стен посада Путивля сообщает летопись под 1185 г., когда после разгрома войск Игоря половцы вторглись в Северскую и Черниговскую земли и дошли до Чернигова.

В Ипатьевской летописи есть сообщение об участии путивльской дружины в битве на Калке в 1223 г., но нет никаких свидетельств о судьбе этого города во время нашествия орд Батыя.

Первые археологические исследования в

Путивле были осуществлены Д. Т. Березовцом, который в 1947 г. произвел осмотр и шурфовку в урочищах Городок и Никольская Горка, а также зачистку склонов на площадке мыса, ныне занятого постройками молокозавода (Березовец, 1952, с. 242—250). В 1959—1961 гг. в уроч. Городок производил раскопки В. А. Богусевич. Исследовалась центральная часть городища, в результате чего был открыт фундамент прямоугольного в плане каменного сооружения размерами 18×20 м с двумя полукруглыми выступами с меридиональных сторон, которое являлось дворцовой церковью (Богусевич, 1963, с. 165—174).

В 1965 г. северо-западная часть фундамента дворцовой церкви была вновь раскрыта силами экспедиции Б. А. Рыбакова, который особое внимание уделил изучению строительных остатков в слое, залегавшем непосредственно под пожарищем, датированным 30-ми годами XIII в. Строительство ее не было завершено, на что, в частности, указывает отсутствие штукатурки и фресковой живописи (Рыбаков, 1966, с. 154—156).

Новые раскопки Путивля осуществлены в 1979—1982 гг. Левобережной славяно-русской экспедицией Института археологии АН УССР.

Уроч. Городок. По своему топографическому положению (в центре широкой излучины правого берега р. Сейм, прикрываемый с восточного и западного флангов возвышенностями, отделенными от него широкими и глубокими балками) Городок является естественным центром высот коренного берега (рис. 1). Площадка городища возвышается над уровнем реки на 90 м. Она имеет форму неправильной трапеции, несколько вытянутой по оси северо-запад — юго-восток. Размеры площадки по длинной оси 110, а по короткой

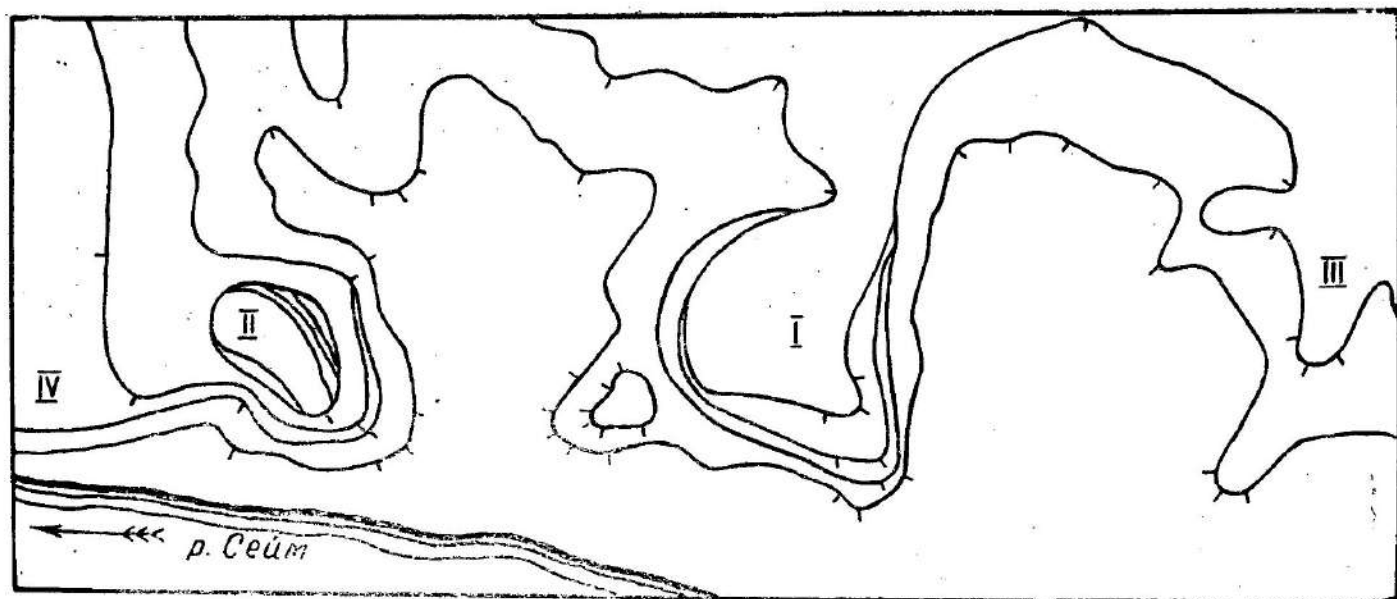

Рис. 1. Топографическая ситуация центральной части древнего Путивля
I — урочище Городок; II — урочище Никольская горка; III — Подмонастырская Слобода; IV — урочище «Молокозавод».

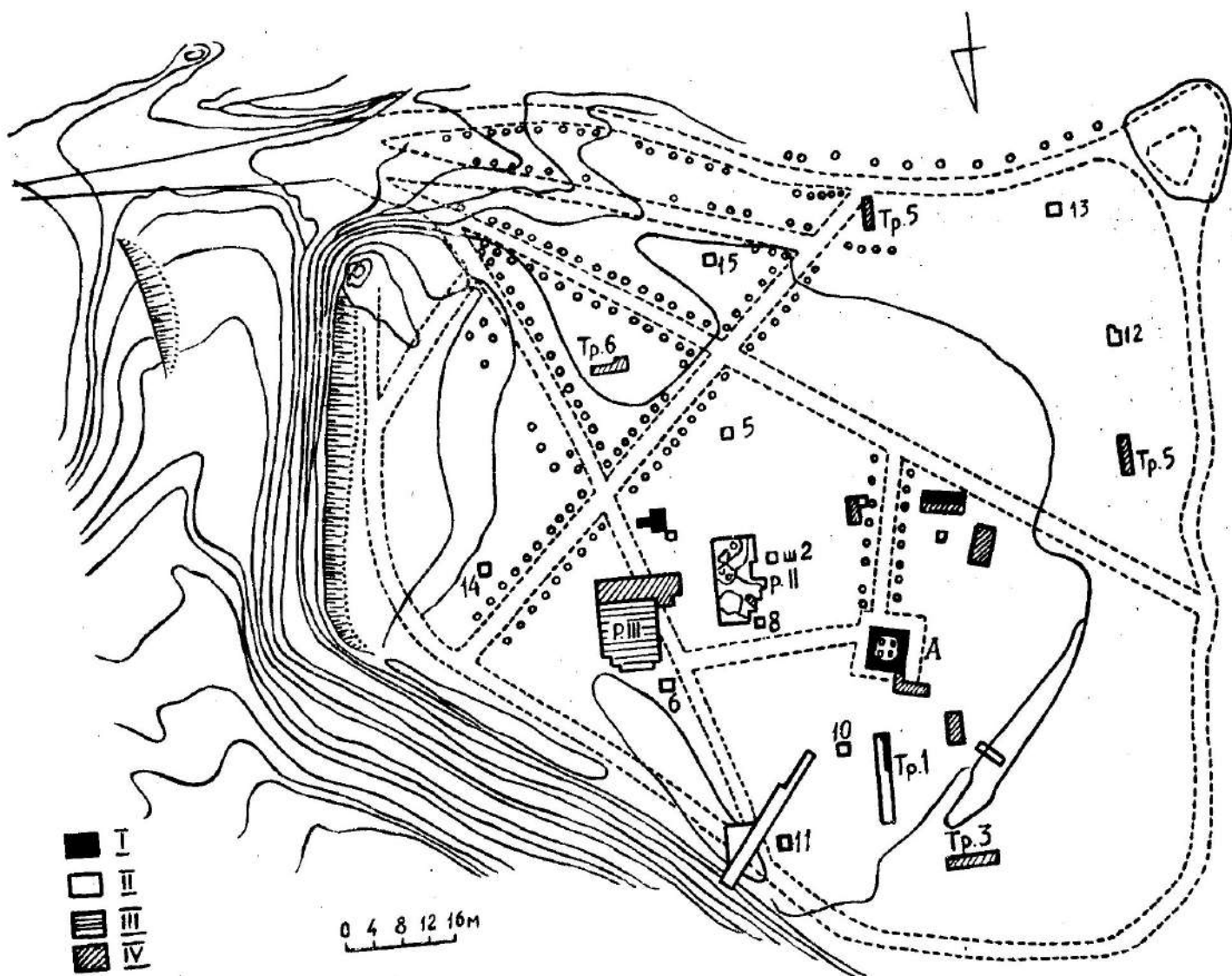

Рис. 2. Путивль. План городища в урочище Городок
I — раскопки В. А. Богусевича (1959—1961 гг.); II — раскопки Б. А. Рыбакова (1965 г.); III — раскопки 1979—1982 гг. Римские цифры — раскопы, арабские — шурфы; А — храм XIII в.

90 м, т.е. составляют около 10 тыс. кв. м*. С юга площадка городища обрывается к реке тремя крутыми террасами, с севера — отделяется от плато широким оврагом. Вал относительно хорошо сохранился в северо-восточной части: здесь четко просматривается въезд на городище, соединявшийся с плато узким (до 10 м) перешейком (рис. 2). В древности на нем был выкопан ров, зафиксированный на плане Путивля, снятом до 1784 г. Судя по этому плану, отражающему застройку Путивля, сложившуюся еще в древнерусское время, улицы в городе располагались радиально: от детинца к внешней линии укреплений.

Шурфовка в северо-восточной части площадки Городка показала, что мощность культурного слоя здесь составляет от 1,7 до 3 м. Высота насыпи вала от уровня предматерикового суглинка достигает 5,1 м, ширина его основания 15 м. На внутренней стороне вала имеются следы позднейшей нивелировки. В полученном профиле его прослежено несколько строительных горизонтов (рис. 3-А).

* В отчете Б. А. Рыбакова площадь городища в уроч. Городок определяется в 700 м². По данным Д. Т. Березовца площадь городища составляет 170×130 м (Березовец Д. Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області. — АП. 1952. Т. 3, с.

После снятия насыпи на 0,6 м от дневной поверхности в центральной части раскопа было выявлено длинное пятно светло-желтой глины шириной 2,3—2,5 м, представляющее собой цепь квадратов со стороной 2,2 м, в которых можно усматривать следы клетей, расположенных по линии восток—запад. Наиболее четко остатки срубов были прослежены на глубине 1,2—1,5 м. Они хорошо просматривались в северной части раскопа в виде клетей со светло-желтым заполнением и характерными перемычками между длинными сторонами. На этом уровне размер их меньше: 1,6—1,8 м. В некоторых случаях прослежены связи между срубами в виде крестообразных сочленений, образованных пересекающимися прослойками тлена или золы.

Здесь же, вдоль северного края раскопа, были расчищены веерообразно расположенные обгоревшие бревна. Их порядок позволяет предполагать, что они принадлежат конструкциям первого горизонта (рис. 3-Б).

242). Неточность в определении его площади имеется и в очерке о Путивле, основанном на данных В. А. Богусевича. — 2,25 га. (См.: Археологія Української РСР. — Київ, 1975. Т. 3. С. 242—246). К тому же в этом очерке неверно указана его ориентировка.

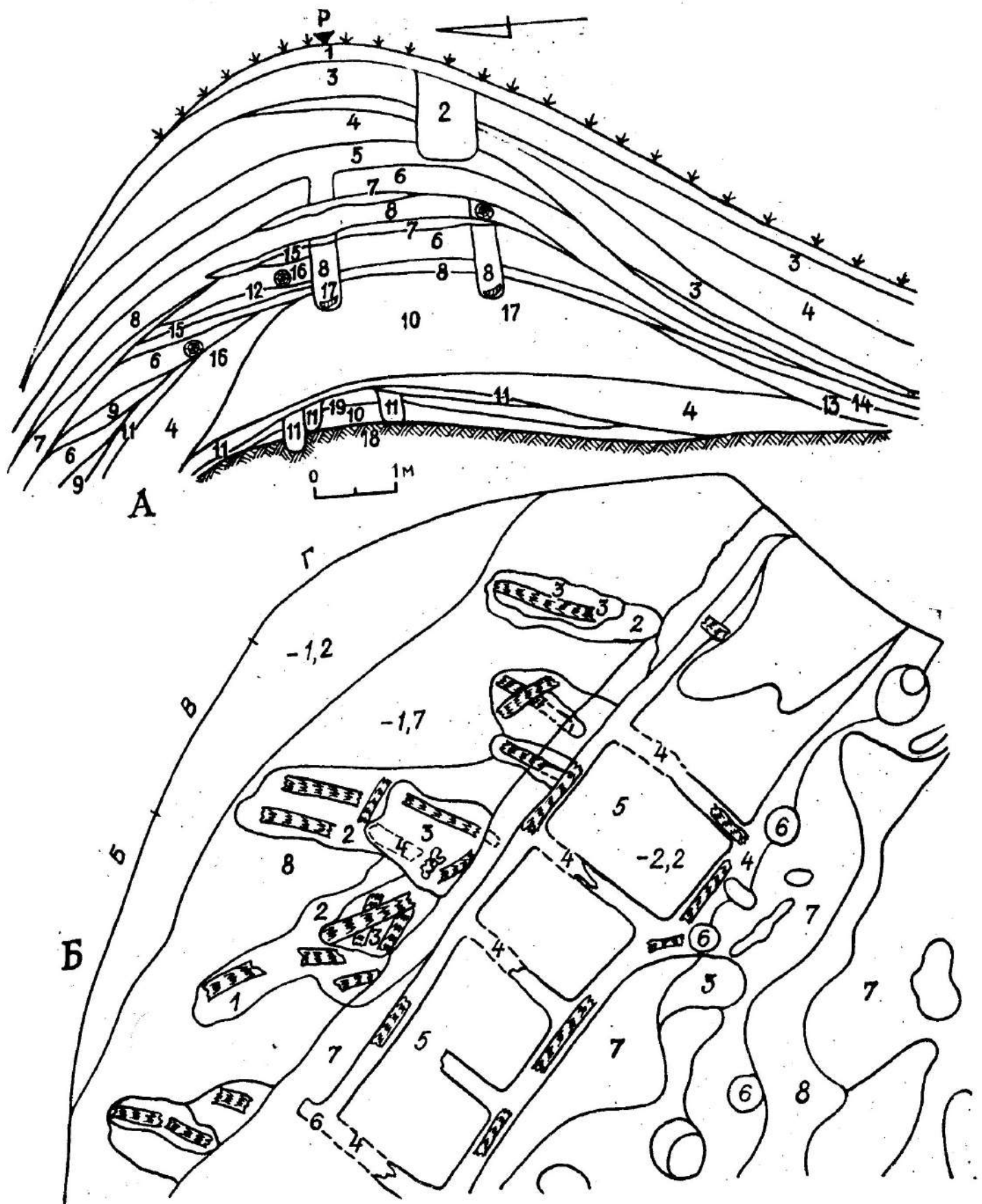

Рис. 3. Урочище Городок

А — профиль разреза вала

- 1 — дерновой слой; 2 — поздняя яма; 3 — светло-серая почва; 4 — бурая глина;
 5 — темно-серая почва; 6 — бурая комковая глина; 7 — чернозем; 8 — светлая
 лессовидная глина; 9 — обожженная глина; 10 — бурая глина; 11 — вперемешку
 с черноземом; 12 — обожженная глина с вкраплениями золы и угля;
 13 — золисто-угольные прослойки; 14 — уголь; 15 — полусгнившее дерево;
 16 — обгоревшие бревна; 17 — древесный тлен; 18 — материк;
 19 — погребенный чернозем

Б — план разреза вала

- 1 — обгоревшее (сгнившее) дерево; 2 — золные пятна; 3 — обожженная глина;
 4 — древесный тлен; 5 — заполнение срубов (светло-желтая глина);
 6 — ямки от стояков

На глубине 1,7—2,0 м линия квадратов оказалась сдвинутой от площадки городища к обрыву на 0,5 м. Конфигурация клетей отчетливо фиксируется благодаря угольным прослойкам и слоям обожженной глины. Размеры срубов этого строительного горизонта 2,0×2,2 м. В их заполнении, состоявшем из светло-желтой глины, присутствуют включения темно-бурой комковатой глины и чернозема с редкими находками раннегончарных древнерусских сосудов с рифленой поверхностью. Клетки-городни прослежены до уровня 2,6 м, причем здесь же отмечается смещение их на 0,2 м вовнутрь городища.

Ниже этого горизонта на фоне темно-серой почвы открыты длинные и узкие пятна светло-желтой глины, представляющие собой заполнение сгнивших бревен. Скопление хорошо сохранившихся обгорелых дубовых бревен расчищено на северном краю раскопа в тех же квадратах, что и веерообразно расположенные бревна верхнего горизонта. Здесь же вдоль линии срубов по ее обеим сторонам находились круглые в плане ямки диаметром 0,3—0,5 м. Их контуры прослежены с глубины 2,4 м от современной дневной поверхности и до уровня черноземной подсыпки (0,55 м от предматерикового суглинка). Они также фиксировались и при зачистке материкового лесса в профильной траншее; на дне их имеется древесный тлен. Последнее позволяет предположить, что в данном случае мы имеем дело с остатками частокола из расположенных двумя рядами бревен. Пространство между ними было заполнено темно-бурой гумусированной глиной вперемешку с черноземом, который брался с площадки городища, о чем свидетельствует наличие обломков лепной и гончарной посуды в перекрывающем ямки слое подсыпки.

По-видимому, этот строительный горизонт является наиболее древним и представляет собой следы ранней оборонительной конструкции, которая типологически близка к укреплениям раннероменских городищ (Опошня, роменский слой оборонительных сооружений Донецкого городища) (Сухобоков, Иценская, Юренко, 1976, с. 395—396; Шрамко, 1962, с. 299).

На время сооружения первоначальной оборонительной стены может указывать найденный в слое черноземной подсыпки, частично перекрывающей ямки от частокола, наконечник стрелы IX в., прямая аналогия которому имеется в материалах Новотроицкого поселения (Ляпушкин, 1958, табл. 13; Медведев, 1966).

Судя по находкам роменской керамики в слое, непосредственно перекрывающем описанный выше, можно предположить, что в конце X в. укрепления на Городке перестраивались, и в таком виде просуществовали до середины XI в. Этим временем может датироваться второй строительный период, на что указывают как находки гончарной керамики, так и наконечник стрелы X—XI вв., найденный в насыпи вала на отметке 2,8 м от уров-

ня современной поверхности. Кроме того, по своим конструктивным особенностям остатки этого строительного горизонта близки сооружениям следующего — третьего — этапа реконструкции (срубы—городни). Третий строительный горизонт хорошо датируется гончарной древнерусской посудой, общая хронология которой обычно определяется концом XI — серединой XII вв., когда вновь были реконструированы оборонительные сооружения.

Строительные остатки последнего горизонта перекрыты слоем гумусированной почвы, содержащей керамику первой половины XIII—XV вв., что, как будто, предполагает наличие еще одного строительного периода. Однако каких-либо конструкций в насыпи не обнаружено.

Следы рва не сохранились, поскольку он был засыпан при перепланировке Путивля в конце XVIII в.

Заложенные на площадке Городка шурфы и раскопы показали, что культурные отложения в значительной степени переотложены и перемешаны. Сказанное в первую очередь относится к южной части городища. Несколько лучше сохранился культурный слой в северной и северо-восточной частях. При этом в профиле раскопов четко фиксируется прослойка светлой глины, разграничивающая средневековые и древнерусские слои. Так, если в верхних горизонтах преимущественно представлена керамика XVI—XIX вв., то в нижних, начиная с глубины 2,2—2,6 м, большинство обломков принадлежит древнерусской посуде XI — первой половины XIII вв. с небольшими включениями лепной роменской керамики, а также единичными фрагментами сосудов второй половины XIII—XV вв.

В раскопках в нижних горизонтах культурного слоя нами были открыты объекты четырех строительных периодов: роменского и трех древнерусских. Это — девять жилищ, в том числе жилище-мастерская художника, четыре помещения хозяйственного назначения, несколько десятков хозяйственных ям.

К роменскому времени относится одна полуземлянка с характерной, вырезанной в материке кубовидной глиняной печью, свод которой выкладывался из специально приготовленных и обожженных глиняных вальков различной формы. Размеры ее 3,9×4,1 м. Пол из хорошо утрамбованного лесса находился на глубине 3,2 м от уровня современной поверхности. При расчистке полуземлянки на полу и в заполнении жилища обнаружена лепная роменская керамика, орнаментированная специфическими приемами при помощи палочки, перевитой шнурком, оттиски которой образуют различные комбинации («елочка», «косой крест», «птичья лапа», «зигзаг» и т. п.). Кроме того, найдены два железных ножа и половинки биконического пряслица, а также косящие проколки.

Выше этого жилища в древнерусском слое на глубине 2,6—2,8 м были расчищены две по-

луземлянки прямоугольной в плане формы площадью около 12 м². В них открыты остатки глинобитных печей купольной каркасной конструкции с овальным подом; стенки были обложены камнями. По углам прослежены ямки от толстых столбов, что может указывать на плетнево-каркасную конструкцию стен. В заполнении этих жилищ и составлявших с ними, вероятно, единый комплекс хозяйственных помещений, найдено значительное количество лепной роменской и древнерусской гончарной посуды. Для сосудов последней культуры характерны манжетовидное оформление венчиков и сплошное рифление поверхности горизонтальной линией. На этом основании жилища этого строительного горизонта могут быть датированы концом X—XI вв. Кроме керамики обнаружены ножи, шиферные пряслица с отверстием большого (до 12 мм) диаметра, изготовленные из черного сланца, гвозди с широкими кованными шляпками. В одном из хозяйственных помещений обнаружена пара жерновов, находившихся в конструктивном порядке (мельница?).

Следующий строительный период представлен остатками трех жилищ и двух хозяйственных помещений, выявленных в раскопе на восточной части площади городища. Два жилища раскопаны полностью, третье — частично. Все они по своим конструктивным особенностям не отличались от описанных выше и представляли собой полуземлянки квадратной в плане формы (со стороной 3,8—4 м) с купольной каркасной печью. Необходимо отметить наличие входных прямков, а также значительные скопления обгорелого дерева в их заполнении вдоль стен и возле печки. При расчистке этих жилищ, а также хозяйственных помещений, в одном из которых найдены две пары жерновов с порхлицами, а в другом — скопление железного шлака и известняковых камней, также обнаружено большое количество древнерусской гончарной керамики. Судя по моделировке венчиков и скупой линейно-волнистой орнаментации она датируется концом XI — серединой XII вв. Среди находок присутствуют обломки стеклянных ложновитых браслетов разного цвета, имеются и плоские в сечении браслеты из фиолетового и черного стекла, а также обломки амфорной тары.

К последующему древнерусскому горизонту относятся два раскопанных полностью и угол третьего жилища, обнаруженные в центральной части Городка, в 50 м к востоку от исследовавшегося В. А. Богусевичем и Б. А. Рыбаковым храма. Оба жилища погибли от огня, но в отличие от описанных выше в них найдены скелеты погибших людей. По своим конструктивным особенностям и размерам (16—18 м²) эти жилища не отличаются от других древнерусских. В одном из них ниже завала горелого дерева расчищен погреб, дно которого опущено ниже пола жилища на 2 м. Здесь найден обгоревший скелет ребенка 9—12 лет в скорченном состоянии (рис. 4-А). По-

видимому, ребенок спрятался в погреб и погиб там, заваленный сгоревшим перекрытием. Как в погребе, так и в самом жилище в ходе расчистки обнаружены несколько развалов гончарных сосудов, обломки стеклянных браслетов зеленого цвета, цилиндрический замок, обломок скобеля, орудия труда и т. п. предметы, бытование которых не выходит за рамки XII — первых десятилетий XIII вв. (рис. 5—7).

Очевидно, в данном случае мы имеем дело с материальным свидетельством о судьбе Путивля в 1239 г. Сказанное подтверждается и раскопанным неподалеку жилищем-мастерской художника. В расчищенной части разрушенной поздней перестройкой жилища на полу обнаружен скелет мужчины с пробитым черепом. В самом жилище найдены миниатюрные сосудики, а в яме около длинного материкового останца — запас охры. Назначение сосудиков (высота 3—7 см) в данном случае не вызывает сомнений — это емкости для растирания красок.

Находки скелетов (нередко со следами прижизненных ранений) обнаружены и в других объектах этого горизонта.

Кроме вышеописанных полуземлянок-помещений и жилищ, нами открыто массовое захоронение, состоявшее из двух горизонтов человеческих скелетов. Их расположение с явными признаками насильственной смерти и нарушением христианской погребальной обрядности свидетельствует о поспешности погребения трупов. Всего в раскопе расчищено 23 скелета на глубинах от 0,6 до 0,9—1,2 м, расположенных без всякой системы, обычно свойственной рядовому могильнику древнерусского времени (рис. 4-Б). Выделение этих горизонтов затруднительно, но, по-видимому, первый не опускался ниже 0,8 м, т. е. трупы погибших были кое-как присыпаны землей. Непосредственно под ними обнаружен нижний слой погребенных.

Не вызывает сомнения, что здесь находилась братская могила защитников Путивля, захваченного в 1239 г. одним из отрядов Менгу-хана. О судьбе города в это время говорит также факт выявления беспорядочного скопления человеческих скелетов, обнаруженного в 1947—1949 гг. при прокладке траншеи водопровода на месте засыпанного в конце XVIII в. рва на узком перешейке, соединявшем уроч. Городок с плато, где располагается современный город.*

В пользу датировки этим временем разгрома Путивля может говорить находка двух половинок крестов-энколпионов с выполненной зеркально надписью «господи помози», которое Б. А. Рыбаков датирует 30-ми годами XIII в.

Среди индивидуальных находок отметим натурную бронзовую иконку со сценой крещения, найденную при расчистке одной из построек третьего строительного горизонта.

* Сообщение И. Т. Чернякова.

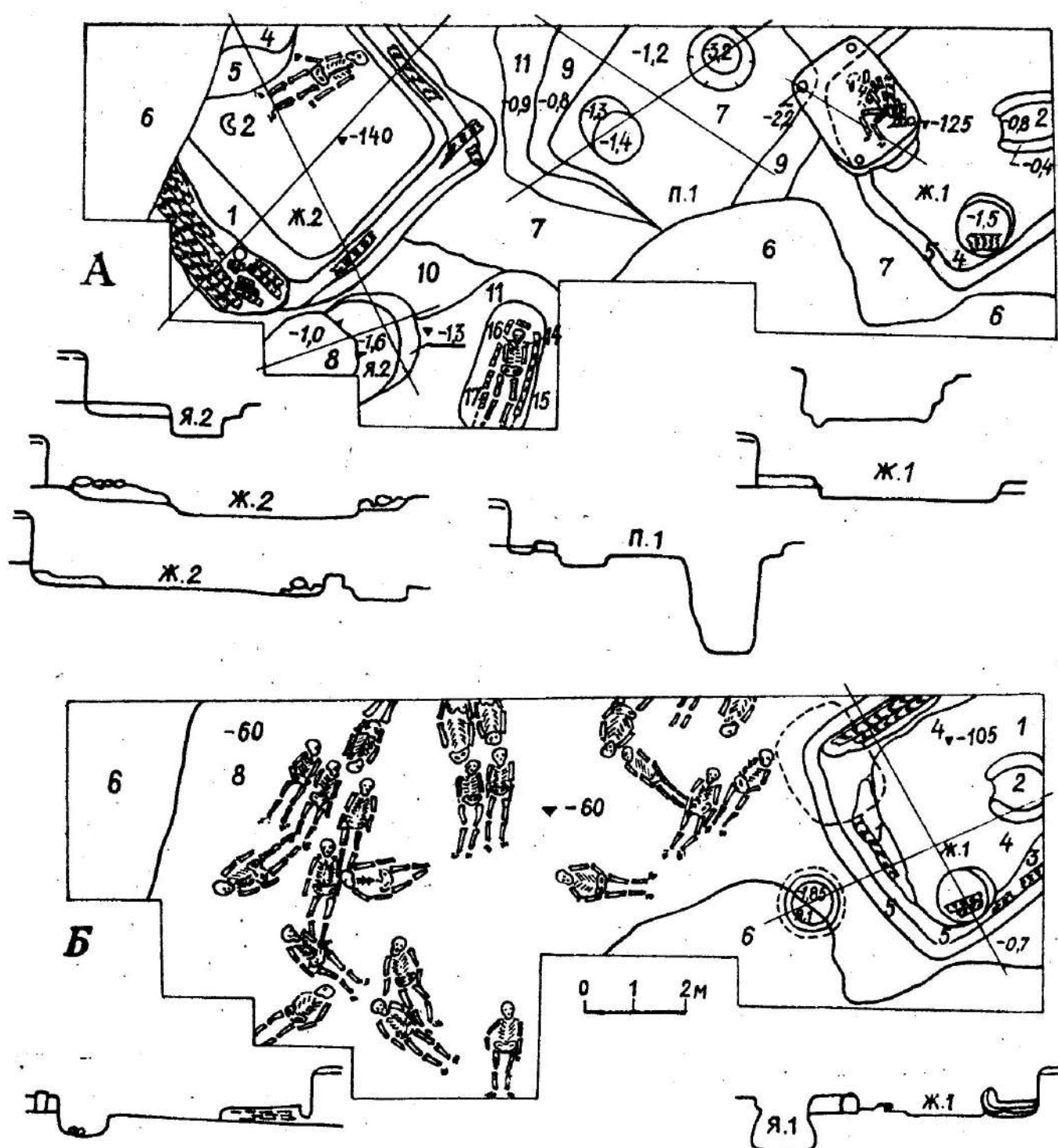

Рис. 4. Урочище Городок. Раскоп II

А — план нижнего горизонта:

- 1 — обожженная глина; 2 — под печи; 3 — зола, уголь; 4 — обгоревшее дерево;
- 5 — глина белого цвета; 6 — строительный мусор; 7 — гумусированная почва;
- 8 — охра; 9 — желтая глина; 10 — гумусированная почва с вкраплениями золы и угля; 11 — суглинок; 12 — жернов; 13 — материк; 14 — костяной крест;
- 15 — костяные четки; 16 — медный крест; 17 — гроб.

Б — план верхнего горизонта: 1 — обожженная глина; 2 — под печи в жилище № 1;

- 3 — зола, угольки; 4 — обгоревшие плахи; 5 — лессовое заполнение;
- 6 — разновременный строительный мусор; 7 — гумусированная темная почва;
- 8 — отдельно лежащий череп; 9 — материковый грунт (лесс).

Она полностью аналогична иконке, ранее обнаруженной нами при раскопках городища близ с. Каменное (бассейн р. Псел). Существенно, что и названные выше энколпионы также аналогичны по стилю исполнения и размерам найденным на упомянутом городище (Сухобоков, Юренко, 1977, с. 376—377; Кучера, Сухобоков, Беляева и др., с. 157, 159, рис. 26 осн.). К числу редких находок относятся ланцетовидные и ромбические наконечники стрел, конские подковы (жилище № 5, 6; рис. 6); часть цилиндрического замка, кольчатые уди-

ла, подковки для сапог (помещение № 1); жернова южного типа, оковка от заступа (помещение № 3); пробой от запора двери, фигурное кольцо, костяные иглы для плетения сетей, рыболовный крючок (жилище № 1, 2); костяное навершие нагайки (жилище № 7); ножи с костяными ручками, гребень (помещение № 5; рис. 5); простые удила (жилище № 3; рис. 6) и тому под. (рис. 7).

Посад древнего Путивля ранее не подвергался исследованиям. Однако во время раз-

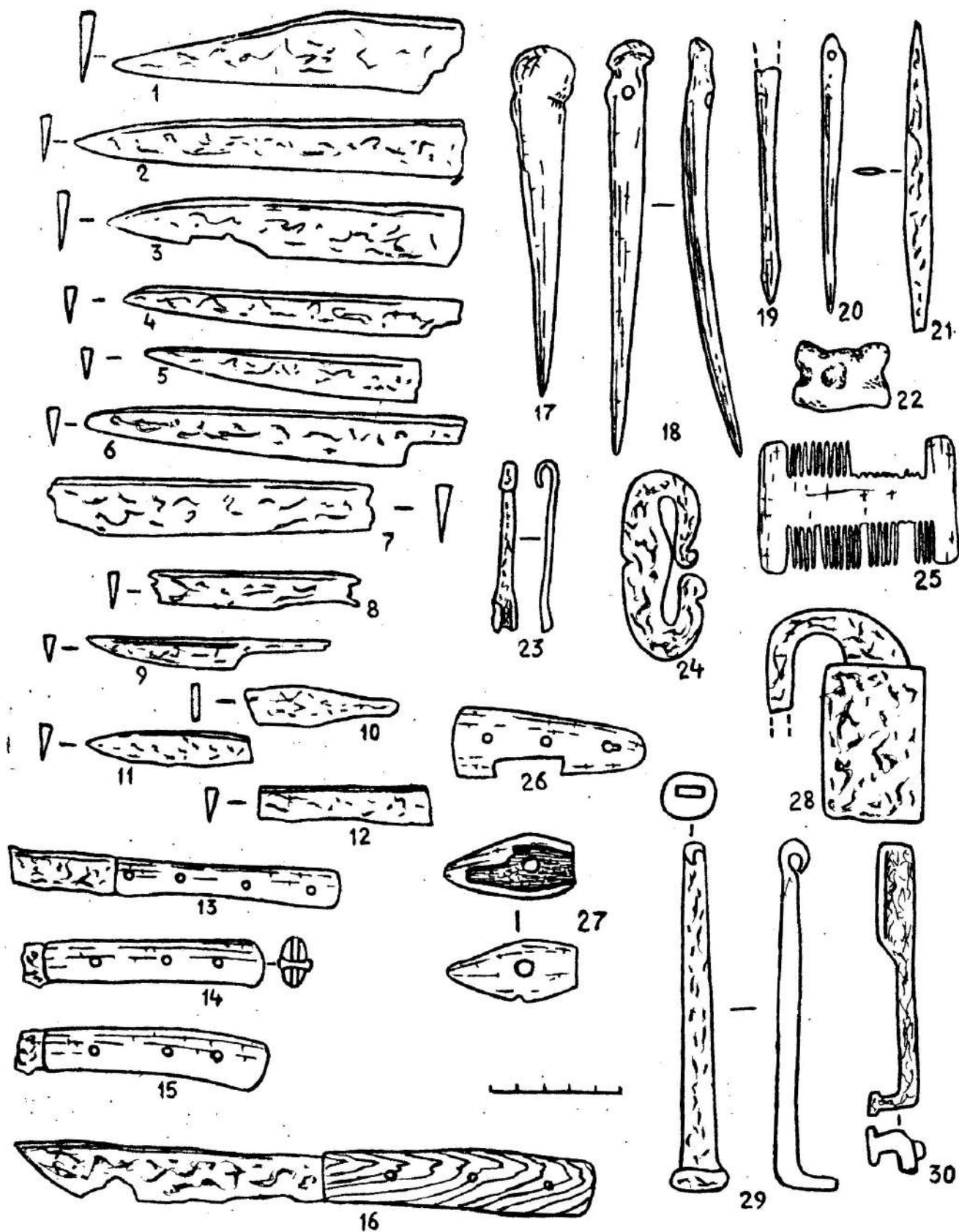

Рис. 5. Предметы быта из раскопок городищ на территории Путивля
1—16 — ножи; 17—20, 22, 25—27 — костяные изделия; 21 — шило; 28 — замок;
29, 30 — ключи (1—7, 13—16, 23—30 — уроч. Городок; 8—12, 17, 20, 21 — уроч.
Никольская Горка; 22, 23 — уроч. Коптева Гора)

личных земляных работ здесь в большом количестве была обнаружена древнерусская и позднесредневековая керамика, обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, дуэлевый меч, кольчуга, наконечники копий и стрел, которые экспонируются в местном краеведческом музее. Обилие находок орудий сельского хозяйства, ремесла и быта позволя-

ют предполагать, что посад Путивля в древнерусское время был густо заселен. По-видимому, торгово-ремесленное население играло определенную роль во внутриполитической жизни города. Об этом, думается, может свидетельствовать тот факт, что «путивльцы» во время длительной осады города в 1146 г. открыли ворота только после крестоцелования

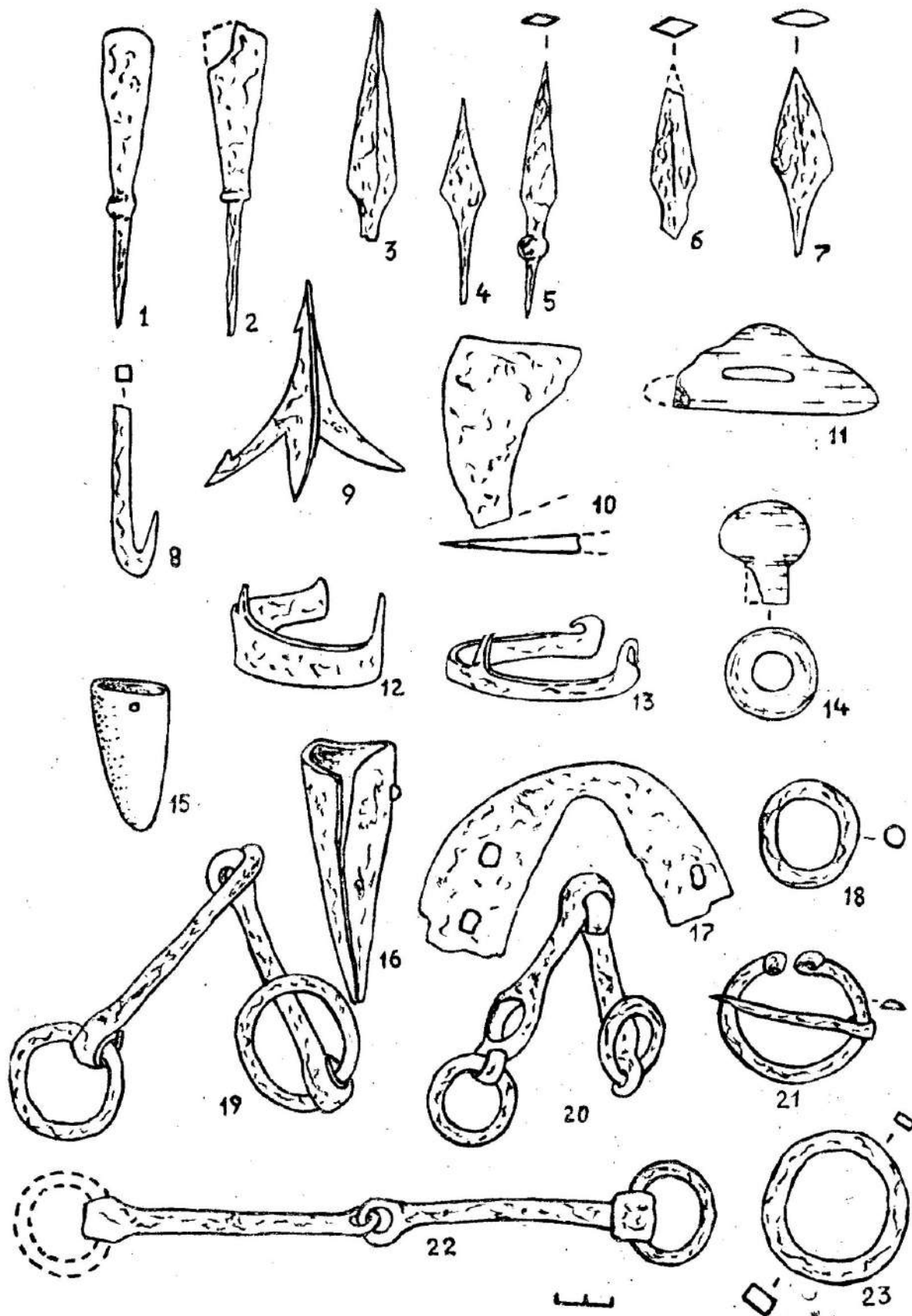

Рис. 6. Предметы вооружения и снаряжения из раскопок городищ в уроч. Городок 1—29), Контева Гора (21—23), (1979—1982 гг.)

противников Святослава Ольговича не давать на разграбление их дома.

Раскопки на городище в уроч. Городок показали наличие по крайней мере четырех строительных горизонтов, что подтверждается не только исследованием насыпи вала, но и работами на площадке городища. Первый из них относится к догосударственному периоду (VIII—IX вв.), а остальные — к древнерусскому времени. При этом второй строительный

горизонт, очевидно, следует связывать с деятельностью Владимира Святославича, который в последней четверти X в. начал строительство крепостей на границах своего государства.

Прямых летописных свидетельств о сооружении крепости в Путивле мы не имеем: в известном сообщении летописца, помещенном сразу же за рассказом о «крещении Руси», речь идет о строительстве городов по Десне,

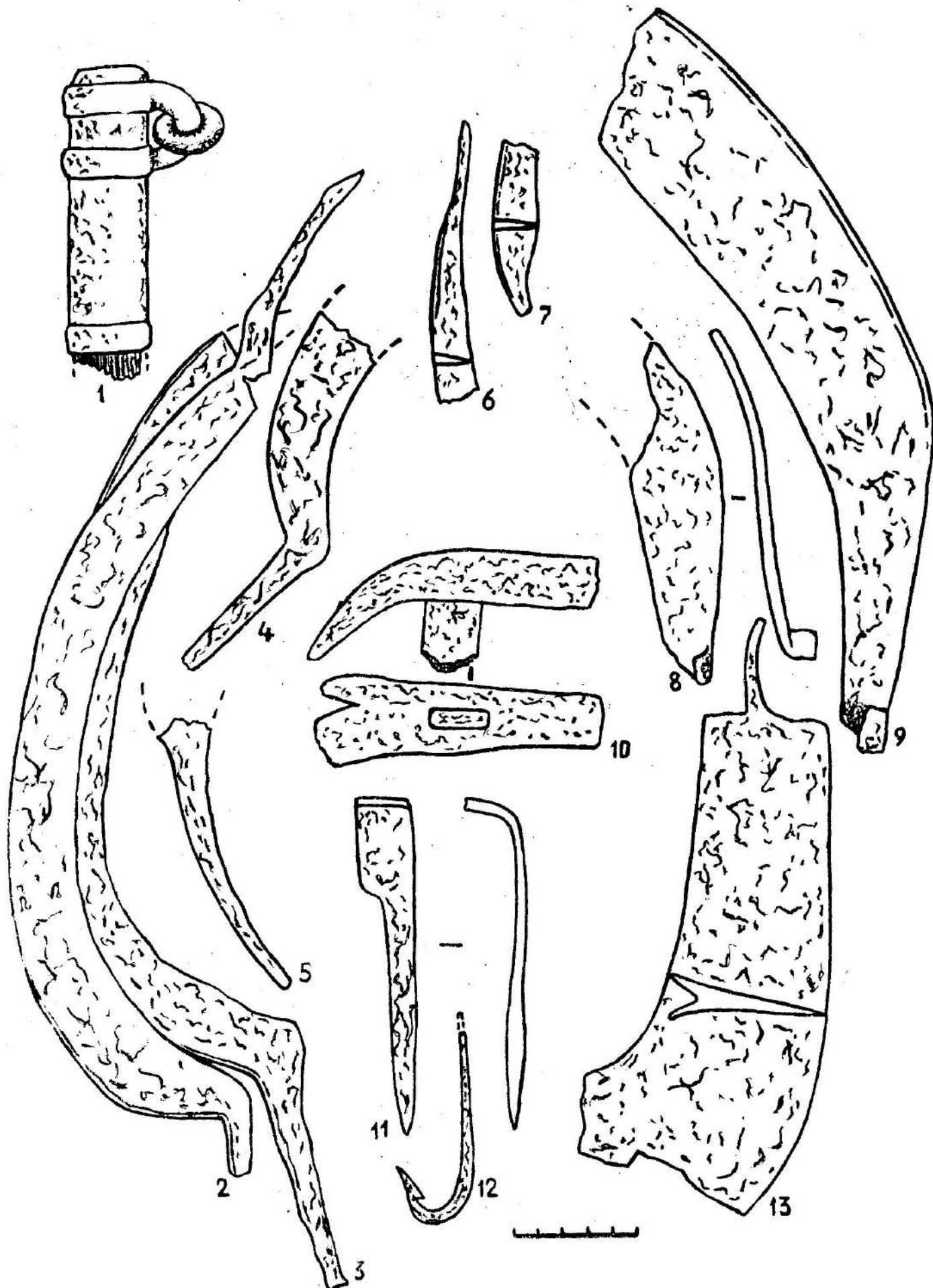

Рис. 7. Орудия труда из раскопок на Городке

1 — огеловые цепи; 2—5 — серпы; 6—7 — ножи специального назначения;
8—9 — косы-горбуши; 10 — молоток-гвоздодер; 11 — скобель; 12 — рыболовный
крючок; 13 — оковка заступа.

Остру, Стугне, Трубежу (ПВЛ, 1950, с. 154). Сейм в этом месте не упоминается, однако важное стратегическое положение Посеймья, его непосредственная близость к Посульской оборонительной линии позволяют предполагать, что и здесь в конце X в. строились «грады». В противном случае оголялся бы северо-восточный фланг посульского оборонительного района по водоразделу между Сулой и Сеймом. Этого не мог не понимать Владимир, во время правления которого угроза нападения со стороны степи резко возрастает и набеги кочевников учащаются (992, 996, 997 гг.) (история УРСР, 1977, с. 318). Поэтому вполне естественно было бы позаботиться не только о ближних подступах к Киеву, но и о дальних рубежах государства, тем более на землях, еще при Святославе вошедших в состав Киевской Руси. По нашему мнению, сказанное подтверждается последовательным перечислением названий рек Левобережья с северо-запада к востоку, в глубь лесостепи.

Как известно, Посеймье было племенной территорией северян, археологическим эквивалентом которых выступает роменская культура (VIII—X вв.). Гнезда роменских городищ протянулись цепочками по шесть-десять поселений вдоль всех основных левых притоков Днепра, образовав уже в это время систему обороны, приспособленную к условиям жизни под угрозой набегов кочевников. С образованием государства и с включением в него территории северян вполне естественным было использование племенной обороны в целях общегосударственной оборонительной системы, что требовало реконструкции уже имевшихся укрепленных поселений и строительства новых. Поэтому мы считаем, что имеются все основания связывать второй строительный горизонт укреплений Путивля с временем правления Владимира.

В дальнейшем, с появлением в степях половцев, стратегическое значение посеймских городов-крепостей возрастает, поскольку в XI в. были разорены города посульской оборонительной линии и кочевники смогли проникнуть в глубь Руси. В это время Путивль и Вырь, по высказыванию Б. А. Рыбакова, были «воротами», через которые половцы проходили в русские земли. Закрыты эти ворота были силами Северского княжества...» (Рыбаков, 1971, с. 164). Очевидно, к этому времени относится перестройка укреплений Путивля, о чем свидетельствует третий строительный горизонт, датируемый серединой XI — серединой XII вв. Возможно, реконструкция оборонительных сооружений в Путивле связана с деятельностью Владимира Мономаха, успешно боровшегося с половцами и восстановившего посульские укрепления. Не исключено, что в это же время производилась и реконструкция порубежных крепостей и в Посеймье.

Последний древнерусский строительный горизонт, видимо, следует связывать с событиями междоусобной борьбы Давыдовичей и Ольговичей. Необходимость перестройки была вызвана разграблением двора Святослава

Ольговича с сожжением укреплений, особенно пострадавших после неудачного похода Игоря в 1185 г., когда хан Гза пришел под Путивль «в силах тяжких и повоеваша волости ихъ и села пожгоша же и острогъ...» (ПСРЛ, 1962, стб. 647). Больше сведений об этом эпизоде имеется у В. Н. Татищева, согласно которому хан Гза потерял под Путивлем много воинов. Посланный им для грабежа Посеймья пятитысячный отряд где-то под городом был разбит наголову силами Олега Святославича и воеводы Тудора. При этом было убито более 2000 человек, в том числе сын и зять Гзы, а более 500 знатных воинов взято в плен (Татищев, 1963, с. 138).

Укрепления древнерусского Путивля, видимо, просуществовали до 30-х годов XIII в., когда горожане оказали сопротивление одному из отрядов посланного Батыем в южнорусские земли Менгу-хана.

Уроч. Никольская горка. Городище расположено на высоком мысу, полого опускающемся к реке, текущей в юго-восточном направлении. Оно находится в 350 м западнее уроч. Городок, ниже по течению реки. Площадь поселения по форме напоминает сильно вытянутый по линии восток-запад треугольник, площадью около 2 га. Его высота над Сеймом не менее 50 м. Следов оборонительных сооружений не обнаружено.

Шурфовка городища показала, что культурный слой в отдельных частях площадки составляет от 0,6 до 1,8 м. Он в значительной мере разрушен позднейшими застройками, особенно на западном и северном участках городища. Переотложенные слои встречаются и в центральной части. Здесь на глубинах от 0,7 до 1,5 м при снятии грунта открыто более 20 погребений древнерусского времени. Большинство из них безынвентарные, но, судя по уголькам в засыпке, относятся к XII—XIII вв. На глубине 1,1 м расчищено три захоронения со скелетами, на которых есть следы действия огня. Последнее обстоятельство может свидетельствовать об относительно ранней датировке, предположительно в рамках XI в.

Как правило, глубина большинства погребений не превышает 1,5 м. Исключениями являются перезахоронения с нарушением анатомического порядка скелетов или вторичное погребение отдельных черепов, обнаруженных на глубинах свыше 2,4 м.

Под горизонтом древнерусских погребений на глубине 0,7—1 м расчищены четыре жилища, два хозяйственных помещения и несколько зерновых ям. Жилища площадью от 12 до 18—20 м² имели в плане прямоугольную форму и углублены от уровня древнего горизонта на 1—1,25 м. Можно составить представление об их конструкции: все они являются сооружениями полуземляночного типа, имевшими столбово-закладную систему крепления стен.

В жилищах открыты печи кубовидной формы, сооруженные в лессовых останцах. Их верхняя часть сложена из глиняных вальков, которые встречаются при расчистке топочной полости.

Одно из жилищ имело ступенчатый вход в виде приямка, вырезанного в восточной стенке. Жилище погребено в огне, тогда как перерезанное им жилище нижнего горизонта разрушилось естественным путем. В целом создается впечатление, что оба жилища одновременны.

Расчищенные в восточном раскопе помещения относятся к сооружениям полуземляночного типа, углубленным соответственно на 2,1—2,4 м. Судя по сохранившимся частям, они были более обширными. В заполнениях этих помещений найдено большое количество лепной керамики, костей со следами обработки, роговых спилов, несколько железных ножей.

Зерновые ямы имели круглую в плане форму (диаметр по верхнему срезу от 1,2 до 1,5 м) и были углублены на 1,8—3 м. В стенках ям со следами действия огня имеются подбой по периметру, имевшие колоколовидный в разрезе профиль.

В заполнениях жилых и хозяйственных сооружений обнаружено большое количество крупных обломков роменской лепной керамики. Помимо нее встречается гончарная посуда с манжетовидными венчиками, характерная для конца X — первой половины XI вв. Среди находок: костяные проколки, кочедыки, железные ножи, лепные глиняные биконические и шаровидные пряслица, шилья, точильные камни и тому подобный бытовой инвентарь (рис. 5—7).

Керамический комплекс представлен лепной роменской посудой. Это — горшки средних размеров со стройными стенками, образующими конический корпус. Венчики плавно отгибаются и нередко украшены пальцевыми отпечатками, а иногда оттисками палочки, перевитой веревочкой, которыми в различных комбинациях украшались плечики. Вместе с тем встречены формы с округло-выпуклым корпусом, а также конические с высоким вертикальным венчиком. К роменскому комплексу относятся и многочисленные обломки сковородок и мисок.

В определенном хронологическом единстве с роменской керамикой находятся некоторые раннегончарные сосуды, аналогичные роменским по форме и по составу теста, а также изготовленные из такого же замеса горшки с намечающимися манжетовидными венчиками и сплошным рифлением поверхности. Обычно такая керамика датируется концом X — началом XI вв.

Собственно роменский горизонт культурного слоя на данном поселении датируется импортной амфоркой VIII—IX вв.

Таким образом, имеются основания говорить, что роменское поселение на Никольской Горке существовало в VIII—X вв.

Вероятно, в начале XI и в XII—XIII вв. площадка поселения начинает использоваться в качестве могильника. Вновь городище обживается в XVII—XVIII вв.

Уроч. Подмонастырская Слобода. Расположено в 500 м к востоку по прямой линии от

уроч. Городок, выше по течению р. Сейм. Находится на выступающем в пойму останце, возвышающемся над зеркалом реки на 45 м. Площадка имеет в плане форму неправильной трапеции, размерами по длинной оси (юго-запад — северо-восток) 115 м, а в наиболее широкой части 65 м.

В ходе наших работ был уточнен план городища и проведена его основательная шурфовка, показавшая полное уничтожение культурного слоя современной застройкой. Не подтвердилась и датировка памятника: не было найдено ни единого обломка лепной керамики. Между тем по материалам работ экспедиции 1965 г. здесь было расчищено несколько древнерусских погребений и открыты остатки роменской полуземлянки. В заложенных нами шурфах и траншеях найдены только немногочисленные обломки древнерусской гончарной посуды, а в переотложенных слоях — глиняные подсвечник и подлампадница. Большинство культурных остатков принадлежит к эпохе позднего средневековья: более ранние культурные отложения полностью разрушены. Не обнаружены и остатки оборонительных сооружений.

Уроч. Коптева Гора. Городище расположено на восточной окраине города, занимая западную часть длинного (до 350 м) и узкого останца коренного берега, в 300 м к северо-востоку от Молчановского монастыря, отделенного от плато широким и глубоким оврагом. Высота мыса над уровнем реки не менее 50 м. Здесь Сейм далеко отступает от берега, образуя широкую заливную пойму.

Площадка городища вытянута по оси восток-запад (44 м). Западный край его резко обрывается отвесной стеной и интенсивно разрушается. Восточная часть отгорожена от остального мыса валообразной насыпью (высота 1—1,5 м), длиной 24 м, при ширине основания 7,5 м. Общая площадь сохранившейся части городища составляет около 770 м². Вдоль северной и южной сторон городища заметны следы эскарпирования склонов в виде крутых откосов (высота 2,0—2,5 м) и характерных горизонтальных площадок у их подножий шириной от 3 до 5 м.

В заложенных на площадке городища двух раскопах открыты два жилых и три хозяйственных помещения, а также около десятка ям различного назначения (рис. 8.). Оба жилых и два хозяйственных помещения являются постройками полуземляночного типа, углубленными на 1,0—1,2 м. Одно помещение было наземным. Пол его расчищен на глубину 0,2—0,3 м от уровня древнего горизонта.

Жилища каркасно-столбовой конструкции в плане имеют форму прямоугольника со сторонами 4,2—4,4 м, ровные отвесные стенки, утрамбованные в лессе полы. Прослежены также ступенчатые входы и печи, вырезанные в материковых останцах, своды печей выкладывались из глиняных вальков. В одном из жилищ помимо обычной печи обнаружено блюдцеобразное пятно обожженной глины (очаг?). В обоих жилищах вдоль стен по полу выявлены

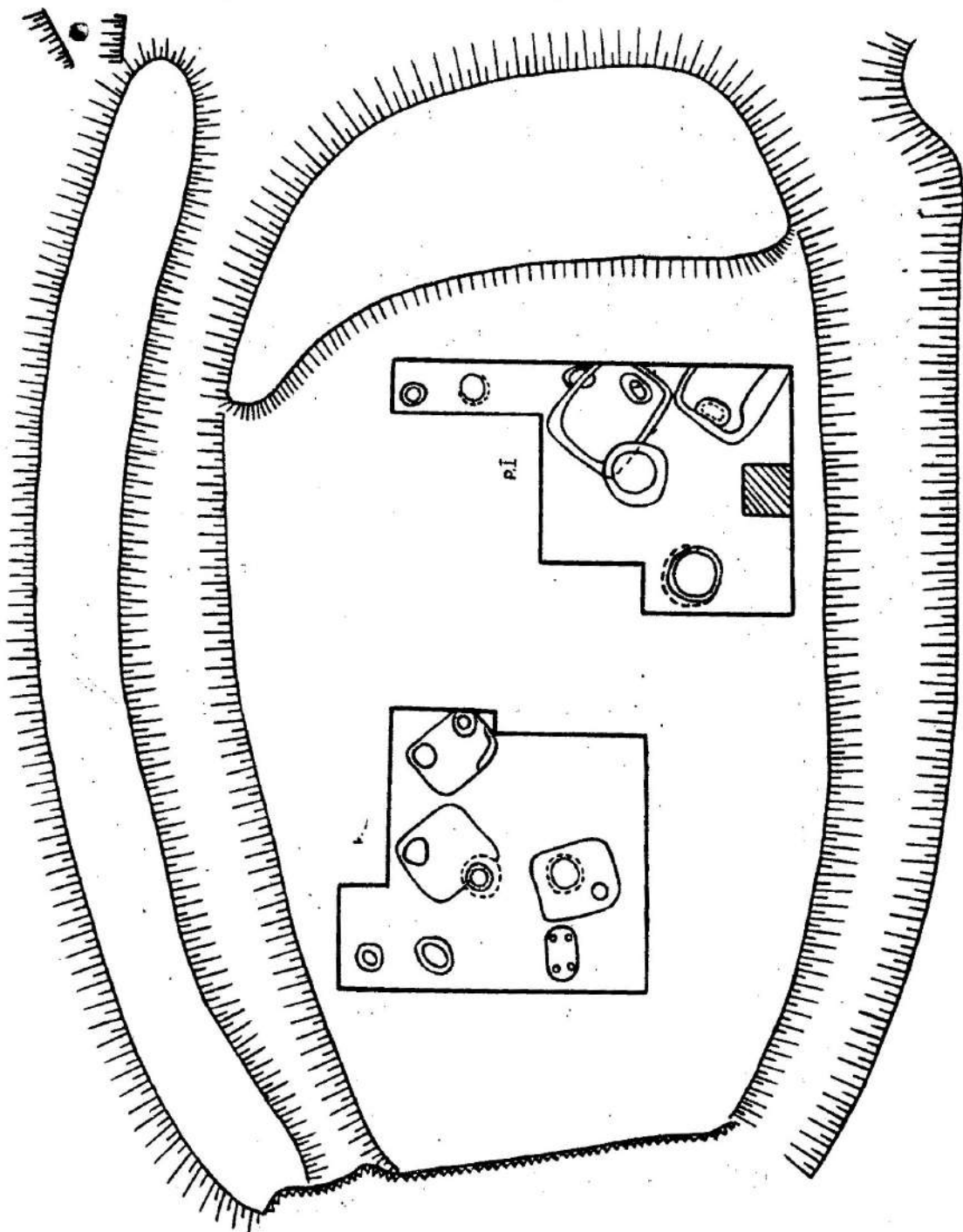

Рис. 8. Путивль. Урочище Коптева Гора. План городища и раскопов

следы сгнившего дерева в виде тлена.

В развалах печей и в заполнении жилищ найдено большое количество фрагментов роменской лепной посуды, а в устье печи (жилище № 2) обнаружен целый фрагментированный роменский горшок асимметричных пропорций с характерным «гусеничным» орнаментом на плечиках.

Кроме массового керамического материала, найдены «конусы», рыболовные грузила, просверленные астрагалы мелких животных, костяные проколки, ножи, глиняные биконические пряслица и т. п. К индивидуальным находкам относятся железная с волютообразно загнутыми концами пряжка-фибула с длинной иглой, обломок медной обоймы, простая круглая по форме железная пряжка от конской сбруи (жилище № 2; рис. 6, 21—23). В северной части жилища № 1 найден больших раз-

меров лепной сосуд — зерновик, лежавший вверх дном.

В открытых хозяйственных ямах чрезвычайно мало находок. Роменская керамика встречается в небольшом количестве совместно с единичными находками обломков толстостенной посуды с манжетовидным венчиком. Аналогичные материалы встречены в заполнении жилищ при расчистке развалов печей. Некоторые ямы (с заплечиками), очевидно, имели конусовидные перекрытия.

Углубленные хозяйственные постройки, вероятно, служили хранилищами, о чем свидетельствуют большие ямы в полу и отсутствие следов отопительных устройств. Наземная постройка имела плетнево-столбовую конструкцию стен с последующей глиняной обмазкой, что подтверждается наличием ямок от столбов по углам помещения, а также ямок мень-

шего диаметра под завалами обожженной глины вдоль стен. О производственном назначении этого наземного сооружения говорят найденные в заполнении многочисленные проколки, спилы рогов, расщепленные трубчатые кости и т. п.

Ниже мы попытаемся определить место данного городища среди исследованных памятников на территории Путивля.

Городище окружает крайне невыразительная валообразная насыпь с нешироким и неглубоким рвом, отделяющая его от остальной части мыса на наиболее пологом и легко доступном с внешней стороны участке плато. Подобная система при таких условиях рельефа напоминает укрепления раннероменского городища близ Опошны в бассейне р. Ворсклы, где культурный слой и жилища датируются второй половиной VIII в. и не содержат более поздних материалов. Здесь наблюдается сочетание типично роменской лепной и раннегончарной посуды, хронология которой определяется на данной территории в одних и тех же объектах X — началом XI вв.

Это, на наш взгляд, дает основания говорить об определенном периоде вращивания роменской культуры в общерусскую в X—XI вв. Последняя дата не совпадает с принятыми в настоящее время хронологическими рамками роменской культуры, суммарно определяемыми VIII—X вв. или более узко — VIII—рубежом IX и X вв. (Ляпушкин, 1958, с. 181—188; Ляпушкин, 1968, с. 56—57). Между тем, новые данные, полученные в ходе полевых исследований, свидетельствуют о существовании роменской культуры в XI в. Так, на Горбовском городище в заполнении печи одной из полуземлянок (закрытый комплекс) обнаружены лепные роменские сосуды совместно с гончарными горшками общерусского типа, датируемыми первой половиной XI в. (Григорьев, 1983, с. 254—255). То же отмечалось и при раскопках Н. Е. Макаренко городища Монастырище, Б. А. Рыбаковым на Гочевском поселении (Рыбаков, 1948, с. 76). Что же касается городища в урочище Коптева Гора, то датировка его, кроме керамики, подтвержда-

ется находкой упомянутой выше пряжки-фибулы с длинным язычком и расплюснутыми волутообразными концами, бытование которых в конце X—XI вв. является общепризнанным.

Таким образом, мы вправе относить данное городище к позднеуроменскому, возникновение которых датируется рубежом IX—X вв. По своему топографическому положению оно являлось фланговым укреплением, прикрывавшим урочище Городок с востока. Подобно жителям городища в урочище Никольская Горка население городища в урочище Коптева Гора оставило его и переселилось под защиту более укрепленного зарождающегося городка-крепости в конце X — начале XI вв.

Подводя итоги изложенному выше, можно утверждать, что благодаря своему центральному положению среди возвышенностей, окружавших городище в урочище Городок, последнее являлось естественным средоточием группы раннеславянских городищ VIII — начала XI вв., что при наличии оборонительных сооружений роменского времени в сочетании с отсутствием четко выраженного роменского культурного слоя выделяет данный памятник из числа обычных укрепленных поселений. Это позволяет предполагать, что в VIII—X вв. в урочище Городок находился культурный центр, вероятно, выполнявший и какие-то административные функции.

К моменту первого упоминания Путивля в письменных источниках он был значительным поселением городского типа, торгово-ремесленным центром Посеймья, входившим в состав Черниговского княжества, а затем Северской земли. Город возник на путях, связывающих северо-западные и северные области древнерусского государства с южно-русскими землями. Вместе с тем Путивль, находившийся на крайнем левом фланге левобережной оборонительной системы, сложившейся еще в догосударственный период и впоследствии развитой Владимиром Святославовичем, Ярославом Мудрым и Владимиром Мономахом, являлся стратегически важным пунктом общегосударственной обороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму: Локальный вариант салтово-маяцкой культуры: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: Киев, 1977.
2. Березовец Д. Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області // АП УРСР. 1952. Т. 3.
3. Богусевич В. А. Раскопки в Путивльском кремле // Археология. 1963. Т. 15.
4. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., Л.: Гос. изд-во полит. лит., 1953.
5. Григорьев А. В. Раскопки у с. Горбова // АО — 1981. М., 1983.
6. Історія Української РСР. Київ: Наук. думка, 1977. Т. 1. Кн. 1.
7. Кучера М. П., Сухобоков О. В., Беляева С. А. и др. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1984.
8. Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. 1968. № 152.
9. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // МИА. 1958. № 74.
10. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие VIII—XIV вв. // САИ. 1966. Вып. Е-1-36.
11. ПСРЛ. М.: Восточная литература, 1962. Т. 1.
12. «Повесть временных лет» // М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Ч. 1—2.
13. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.: Наука, 1948.
14. Рыбаков Б. А. Раскопки в Путивле // АО — 1965. М., 1966.
15. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971.
16. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества М.: Наука, 1982.
17. «Слово о полку Игореве». Древнерусский текст и перевод под редакцией В. И. Стеллецкого. М.: Просвещение, 1965.

18. Сухобоков О. В., Иченская О. В., Юренко С. П. Новые исследования раннеславянского поселения близ Опошны // АО — 1975. М., 1976.
 19. Сухобоков О. В., Юренко С. П. Работы Левобережной славяно-русской экспедиции // АО — 1976. М., 1977.

20. Татищев В. Н. История Российская. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 3.
 21. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во ХГУ, 1962.

Приложение

Г. А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЛЛЕКЦИИ КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАСКОПОК 1979—1980 гг. В ПУТИВЛЕ

Микроструктурному исследованию (с целью установления технологии изготовления) были подвергнуты 55 кузнечных изделий из раскопок на территории древнего Путивля. Были изучены: ножи хозяйственные — 29 экз., серпы — 5 экз., мотыги — 1 экз., косы — 2 экз., топоры — 2 экз., тесло — 2 экз., скобель — 1 экз., молоток-гвоздодер — 1 экз. Из предметов вооружения — меч и 4 наконечника стрел. Кроме того, несколько мелких поковок — шилья и проколки, стрелка от весов, рыболовный крючок (рис. 9).

В результате изучения получена технологическая характеристика кузнечной продукции. Однако, отсутствие четкой стратиграфии в раскопе не позволяет проследить динамику развития технологии кузнечного производства на данном памятнике. Возможно только сравнительное сопоставление полученных дан-

ных с аналогичными из других древнерусских памятников.

Исследование серии хозяйственных ножей показало, что они изготовлены по четырем технологическим схемам.

7 клинков откованы целиком из кричного железа, иногда слабо и неравномерно науглерожено. Большинство из них типологически древнерусские, одни — более позднего времени (определение О. В. Сухобокова). Микроструктура поперечного сечения этих клинков — феррит, феррит с небольшим количеством перлита, шлаковые включения. Возможно, что некоторые из этих ножей могли иметь наварные стальные лезвия, сточенные в процессе употребления. Но большинство цельножелезных древнерусских изделий представляет собой дешевую кузнечную продукцию простейшей конструкции.

11 ножей имеют цельностальные закаленные

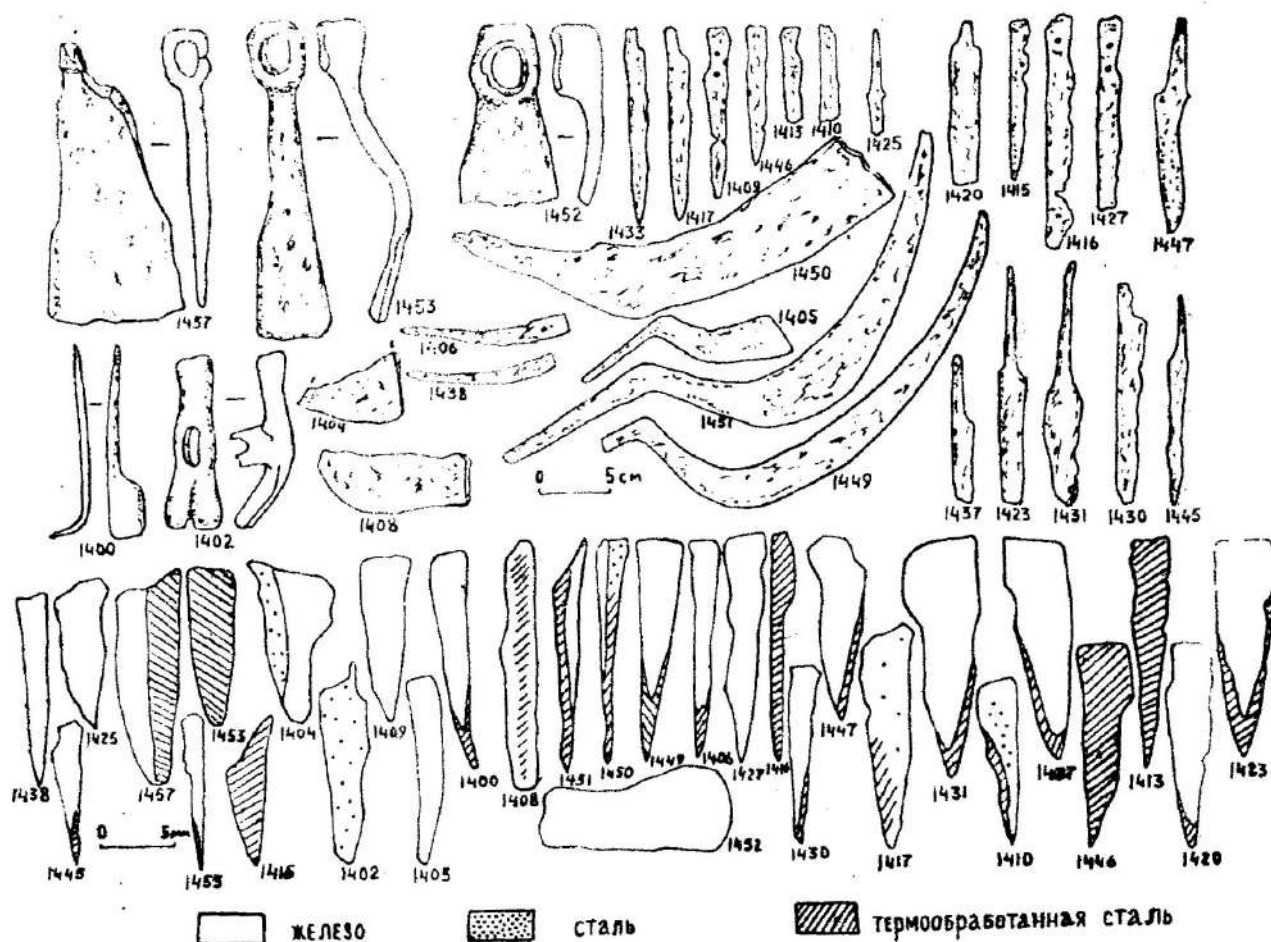

Рис. 1. Технологические схемы кузнечных изделий из раскопок на территории Путивля

клинки, среди них как древнерусские, так и более позднего времени. Большинство клинков откованы из неравномерно науглероженной стали и закалены на мартенсит. Микроструктура поперечного сечения клинков — мартенсит, иногда наблюдаются зоны феррито-перлитной структуры с небольшим (до 0,3%) содержанием углерода, не принявшие закалки. Микротвердость мартенсита на разных образцах колеблется от 383 до 724 кг/мм². Три ножа из этой группы откованы из стали лучшего качества: высокоуглеродистой, равномерно науглероженной, вероятно, специально цементированной. Они также закалены: микроструктура мартенсита, микротвердость 624—824 кг/мм².

6 ножей, по форме древнерусских, изготовлены в технике торцевой наварки стального лезвия на железную основу с последующей закалкой клинка. Три клинка из них имеют V-образную форму стальной наварки лезвия. Все ножи закалены на мартенсит, микротвердость 383—420, 514—572, 642—724 кг/мм². Сварка железа со сталью произведена на высоком профессиональном уровне. В древнерусском кузнечном производстве технология торцевой наварки стального лезвия использовалась, как правило в XII—XIII вв., хотя встречается в кузнечной продукции и более позднего времени.

Во второй половине XIII в. в кузнечном ремесле появляется технология косой боковой наварки стального лезвия на железную основу инструмента. Такая технологическая схема известна по материалам XIII—XIV вв. В такой технике отковано 5 ножей из данной коллекции. Все клинки закалены на мартенсит, микротвердость мартенситной структуры 514—572 кг/мм².

Из сельскохозяйственных орудий труда исследовано 5 серпов и 2 косы. Два серпа откованы целиком из кричного железа. Два имеют наваренные в торец стальные лезвия: оба закалены (микроструктура стального лезвия — мартенсит, микротвердость 464, 572 кг/мм²). Один серп имеет клинок, сваренный из двух полос металла — железной и стальной, с выходом полосы на лезвие. Эта технологическая схема довольно архаична: нередко встречается в восточнославянской кузнечной технике, а также и в более раннее время у племен лесостепной полосы Восточной Европы. Данный экземпляр серпа имеет закаленный клинок: микроструктура стальной полосы — мартенсит, микротвердость 514 кг/мм².

Исследованы два обломка кос-горбуш. Одна оказалась откованной из заготовки неравномерно науглероженной стали и закалена

(возможно закалка с отпуском). Микроструктура поперечного сечения клинка косы — феррито-перлитная с сорбитообразной формой перлита. Местами (в зонах с повышенным содержанием углерода) — мартенситные участки, микротвердость 514 кг/мм².

Клинок другой косы сварен из двух полос металла — железной и стальной, с выходом стальной полосы на лезвие. Клинок закален — микроструктура стальной полосы мартенсито-трооститная, микротвердость 464—572 кг/мм².

Проушная мотыга со сломанным или сработанным (?) лезвием была откована из кричного железа невысокого качества, с повышенным содержанием шлаковых включений.

Из деревообрабатывающих инструментов изучены 2 топора, скобель, тесло проушное. Оба топора имеют боковую стальную наварку на лезвии. У одного, со сломанной проушкой, лезвие закалено (структура стальной наварки — мартенсит, микротвердость 514—572 кг/мм²). Лезвие другого топора термообработки не сохранило — стальная наварка имеет структуру перлита-ферритную с содержанием углерода 0,7—0,8 проц.

Микроскопическое исследование поперечного сечения рабочей части скобеля показало, что она имеет торцевую V-образную наварку стального лезвия. Лезвие скобеля закалено — микроструктура мартенсита, микротвердость 514—572 кг/мм².

Рабочая часть проушного тесла откована из стали и закалена — микроструктурное исследование пробы, взятой на поперечном сечении лезвия, выявило однородную мартенситовую структуру — микротвердость 572 кг/мм².

Молоток-гвоздодер откован из мягкой стали: микроструктура пробы — однородная — мелкозернистая феррито-перлитная смесь с сорбитообразной формой перлита, микротвердость 274—297 кг/мм².

Микроскопическое исследование полного поперечного сечения клинка меча позволило установить, что клинок имеет наварные высокоуглеродистые лезвия. Основа клинка — феррит с незначительным науглероживанием и шлаковыми включениями. Клинок закален и отпущен: микроструктура стальных наварок — мартенсит отпуска, микротвердость 572—824 кг/мм².

Четыре наконечника стрел, типологически разных, оказались откованы из кричного железа невысокого качества.

Большая часть мелких кузнечных изделий (проколки, стержни, рыболовный крючок) откованы из неравномерно науглероженной стали и закалены.

«ВОСТОЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ» ДРЕВНЕЙ РУСИ В КОНЦЕ X — НАЧАЛЕ XIII ВВ.

(Этнокультурный аспект)

Крайнее юго-восточное лесостепное пограничье Древней Руси (бассейн рек Псел, Ворскла, верховья Северского Донца) представляет собой во многих аспектах особый район. В послероманское время он не имел четких границ, компактной территории, постоянной владельческой принадлежности. Но в этнокультурном плане эти территории в XI — начале XII века едины, что является отражением их племенного, даже предгосударственного единства в X веке. Здесь, на реке Псел, располагался один из важнейших предгородских центров северян — городище Горналь (Куза, 1981). Материальная культура этого района в некоторых аспектах была единой с другими позднероманскими центрами на Оке (Супруты) и Десне (Кветунь) (Шинаков, 1980).

Выделение отдельных крупных центров предгородского характера с развитым ремеслом и сходной культурой явилось результатом экономического и социального прогресса внутри гнезд или «кустов» романских поселений IX—начала X в., равномерно разбросанных по берегам Псла, Ворсклы и Северского Донца (Седов, 1982, с. 135; Сухобоков, 1975, с. 19).

Автохтонное развитие в направлении создания своей государственности, возможное и необходимое после ослабления (или ликвидации) хазарского владычества в начале X века, было искусственно прервано в 60-е — 70-е годы этого же века в результате активного вмешательства русских князей (Куза, 1981, с. 29).

В дальнейшем на характер заселения, этнокультурного и социального развития пограничной лесостепи все возрастающее влияние оказывал внешний фактор — деятельность сначала киевских, а затем переяславских и других князей по государственному освоению и, главное, защите дальних подступов к границам основных территорий своих княжеств. С рубежа X—XI вв. к этому отдаленному и «полудикому» в понимании киевлян, черниговцев и даже переяславцев региону и может быть применен термин «Восточные территории».

Самые северо-западные поселения Восточных территорий на реке Псел отделены от Посульской, Вырьской, Рыльской и Курской групп концентрации памятников (ГКП), соотносящихся с волостями трех прилегающих княжеств, 30—60 км незаселенного пространства (рис. 1). Территория распространения памятников по Пселу и Ворскле* представляет собой неправильный прямоугольник, ориенти-

рованный с юго-запада на северо-восток, с длиной северо-западной стороны от Броварок до Гочева в 135 км и максимальным поперечником от Броварок до Мерчика 80 км (рис. 1). Общая площадь Восточных территорий без верховьев Северского Донца превышает таким образом 10 000 км². Один комплекс или отдельный памятник из 17, достоверно относящихся к древнерусскому времени, приходится здесь на 600 км². Даже с учетом недостаточной изученности данного региона в плане сплошного обследования заметна гораздо меньшая плотность расположения поселений, чем в романское время (1 комплекс или памятник на 200—250 км²), а также и по отношению к более западным и северным ГКП (Шинаков, 1980 г.).

Картографирование показывает различный характер размещения памятников в романское и древнерусское время. В IX—X вв. поселения располагались цепочкой вдоль правых, возвышенных берегов рек Псел и Ворскла (Седов, 1982, с. 135, карта 20), образуя иногда «сгустки» вокруг городищ (типа Горнальского гнезда памятников). Селища весьма небольшие, но их много. Количество древнерусских памятников намного меньше, однако их размеры больше. Встречаются они и на левом берегу Псла (Большая Рыбица в Горнальском гнезде, «Пенские пески» в Гочевском). Характерно расположение поселений гнездами с поперечником длиной 10—15 км, находящимися в центре лесных островков лесостепи. Обязательным для каждого гнезда является обширный курганный некрополь, состоявший из нескольких сот и даже тысяч курганов. В XI в. этим некрополям соответствовали обширные селища. Горнальское селище, например, занимает площадь 4 га при 300 сохранившихся к концу XIX века курганах в группе. Такого рода комплексам сопутствуют и меньшие по масштабам памятники. В горнальском гнезде, например, имеется Миропольская группа из 19 курганов, городище и селище у с. Большая Рыбица, селище у с. Могрица. Часть из них, возможно, просто не обнаружена, но и в этом случае их количество не идет ни в какое сравнение с количеством романских селищ (около 20 в Горнальском гнезде) (Куза, 1981, с. 33).

Из хорошо датированных городищ только 2 — в урочище Крейдище в Сумском гнезде и у с. Ницахи на Ворскле — являются почти полностью синхронными другим частям комплекса, т. е. селищам и курганным группам. В большинстве гнезд жизнь на романских городищах возобновляется лишь в XII в., а 36% городищ вообще сооружаются только в это время. В XI в. укрепленные поселения в целом не

* Памятники Северского Донца, исследованиями которых занимаются Б. А. Шрамко и А. Г. Дьяченко, в данной статье не рассматриваются.

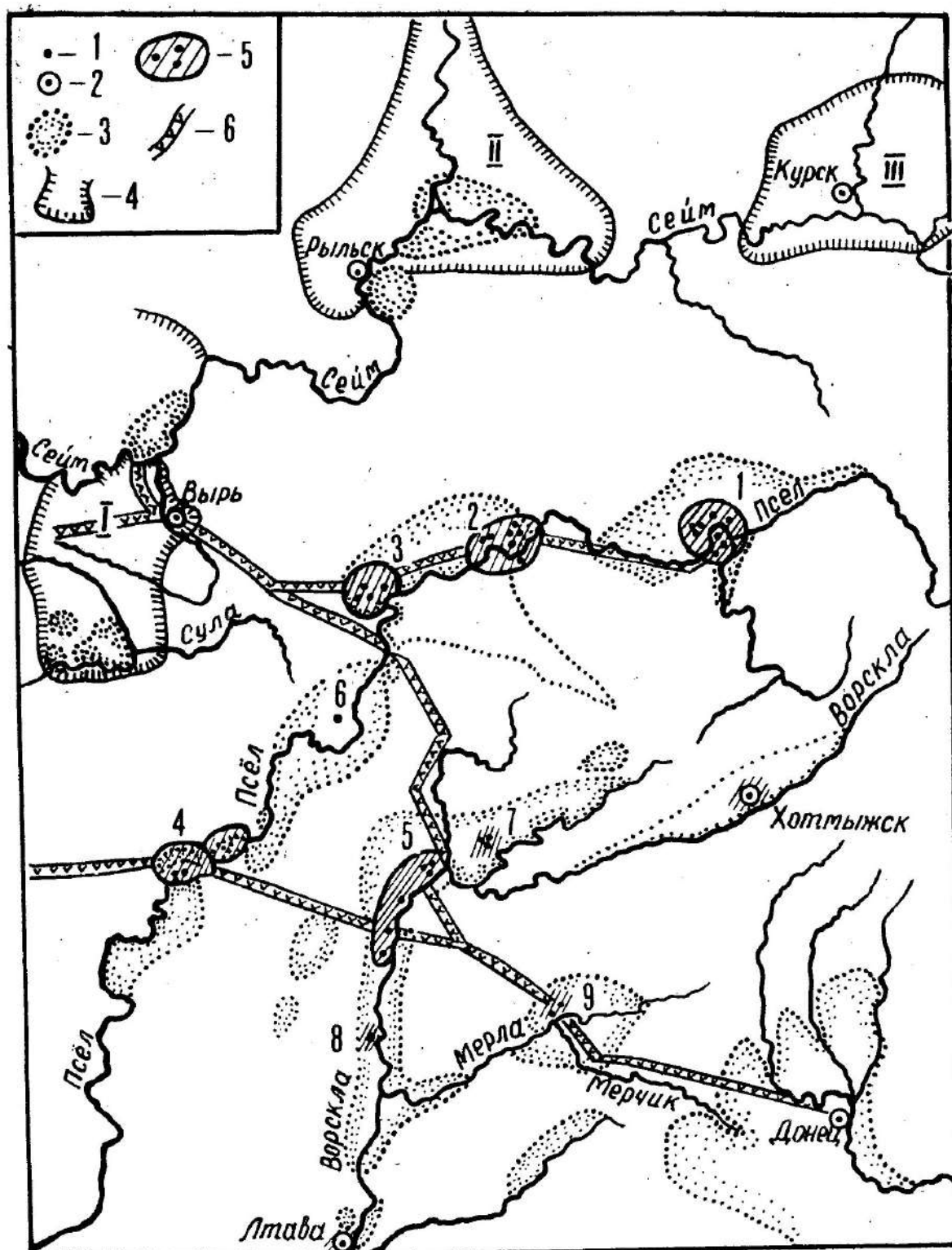

Рис. 1. «Восточные территории» Древней Руси в конце X — начале XIII вв.
Условные обозначения: 1 — памятник; 2 — летописный пункт; 3 — лесные массивы; 4 — ГКП; 5 — гнезда памятников; 6 — пути между ГКП; 7 — Вырьская; 8 — Рылъская; 9 — Курская. Памятники: 1 — Гочевское гнездо (Гочево, Круглое городище, Пенские пески, лес Клейнмихель, Шмырево, Бушмино); 2 — Горнальское гнездо (Горналь, Мирополье, Большая Рыбица, Могрица); 3 — Сумское гнездо (Сумы I: Песчаная дача, хут. Зеленый гай, Крейдище; Сумы II: Краснянский лес); 4 — Броварское гнездо (Броварки, Каменное); 5 — Средневорсклинское гнездо (Петровское, Ахтырский монастырь, Чернетчина, Журавное); 6 — Шпилевка; 7 — Нишахи; 8 — Глиньск Опошнянский; 9 — Мерчанское гнездо (хут. Могилки, Городное, Замок)

характерны для Восточных территорий, что достаточно необычно для пограничного района.

Четко выраженных гнезд поселений на Псле всего 4 (Гочевское, Горнальское, Сумское и Броварское).

На Ворскле четко выделяется группа из 4 комплексов памятников (Петровское, Ах-

тырский монастырь, Чернетчина, Журавное), расположенное напротив устья р. Хтырь. Это самое длинное гнездо протяженностью 30 км с северо-востока на юго-запад находится в центре большого лесного массива, охватывавшего еще в XIX в. верхнее и среднее течение Ворсклы и ее левого притока — Ворсклицы. В 16 км к востоку—северо-востоку от упомя-

нутаго гнезда, на Ворсклице, находится отдельный большой комплекс у с. Ницахи. В пределах того же лесного массива, в 30 км южнее Журавного, находится Глинское городище и, наконец, самое южное на Ворскле, в 50 км от Глинска, у самой границы степи — поселение Лтава (современная Полтава). Система расположения древнерусских памятников на Ворскле ближе к роменской, чем на Псле.

Особняком стоит гнездо памятников в среднем течении левого притока Ворсклы — Мерлы, припадении в нее Мерчика. Оно включает один, хотя и весьма большой комплекс памятников (рис. 1): (городище, селище и курганный некрополь).

Количество комплексов древнерусских памятников (полный или неполный комплекс соответствует поселению) в гнездах невелико — от 1 полного (Мерчик) до 6 неполных (Гочево). Впрочем, данное количество пока условно, так как площадь лесных островков еще в XIX в. превышала площадь гнезд, причем на Ворскле и Мерле-Мерчике в несколько десятков раз. Тщательного обследования мелких притоков и оврагов в их бассейнах пока не проводилось, поэтому в будущем возможно некоторое увеличение числа памятников. Однако кардинальное изменение картины маловероятно в силу пограничной специфики района. В беспокойном степном пограничье немногочисленные поселения и должны концентрироваться в центре лесных массивов или около крепостей на важных путях.

Для этих поселений характерны немногочисленные, но огромные по размерам некрополи, дающие наиболее ценный материал для этнокультурного анализа.

Курганные группы характеризуются различной степенью полноты исследования. Некоторые из них можно отнести к древнерусскому времени лишь предположительно. Из 13 зафиксированных групп наиболее полно изучена группа у хутора Могилки на р. Мерла, где раскопано 49 из 76 выявленных курганов (64 проц.) (Моруженко, 1973, 1974, 1975, 1976). Наиболее крупные группы (Гочевская, Горнальская, Сумская, Ницахская) исследовались в несколько стадий.

Если брать общий процент раскопанных курганов, то он достаточно высок: 18 проц. в Гочеве (Шинаков, 1982), 30 проц. во 2-й Горнальской группе (Дмитрюков, 1963; Самоквасов, 1874; 1875, с. 344; 1878, с. 199—203; 1892, табл. 254—257, с. 75—76; Ширинский, 1968; Соловьев, 1971), 19 проц. в Сумской (Песчаная дача—хутор Зеленый Гай) (Магура, 1930, с. 35—36; Моця, 1987 б), около 40 проц. в Ницах (Мельник, 1905, с. 673, 692—702; Городцов, 1905, с. 123—128; Багалеи, 1905, с. 5—6; Каталог., 1905, с. 88—89; Сухобоков, 1973—1974).

К сожалению, полноценные данные имеются по гораздо меньшему числу курганов: 14 проц. в Гочеве, около 4 проц. в Горнале, свыше 10 проц. в Сумах — I, свыше 5 проц. в Ницах. Восстановление взаимосвязи вещевых комплек-

сов, хранящихся в музеях, описаний обрядов, захоронения в архивных документах и публикациях сделало пригодными для некоторых видов анализа, в т. ч. и этнокультурного, дополнительно от 12 до 38 вещевых комплексов в Горнале и 46 в Ницах. Ограниченно годны для исследования и 109 курганов Гочевской группы из раскопок П. С. Рыкова. На современном уровне, но недостаточно полно исследованы группа у с. Каменное (14 из 144 курганов) и 1-я группа у с. Петровское (раскопано лишь 2 насыпи). Вообще не изучались группа из 2000 курганов у с. Журавное и 2-я группа из 40 насыпей у с. Петровское (Третьяков, 1947, с. 124—125, 128, 139).

Почти уничтоженными к моменту обнаружения были 4 группы в районе с. Гочево (1 — у с. Бушмино к северу от Гочева, 3 — на правом, противоположном от Гочевского комплекса, берегу Псла (лес графини Клейнмихель), (Самоквасов, 1915, с. 39; Сосновский, 1910, л. 21—22; 1911, с. 310; Ляпушкин, 1949, с. 74). Проблематично даже отнесение всех их к древнерусскому времени.

Не сохранилось полноценных данных о 8 раскопанных курганах Миропольской группы (19 насыпей) в Горнальском гнезде (Самоквасов, 1878, с. 204). Почти обесценен значительный материал Броварской группы, самой южной на р. Псел. Описание обряда и инвентаря по ней даны суммарно для 72 курганов из 80 раскопанных. Но и для оставшихся 8 нет изображений предметов (Хвойка, 1904, с. 43—44).

Здесь целесообразно поставить вопрос о правомерности использования погребального инвентаря, взятого по комплексам погребений, в тех случаях, когда данные о погребальном обряде весьма приблизительны.

Как известно, круг вопросов, решаемых на материалах погребений, достаточно широк. Особое значение при этом придается погребальному обряду (Авдусин, 1980, с. 52; Моця, 1987а, с. 5).

Однако такой подход, правильный в целом, может быть несколько изменен применительно к интересующему нас региону с учетом того обстоятельства, что одни и те же вещевые комплексы здесь могут встречаться со всеми тремя типами погребального обряда (ингумация на горизонте с пережитками кремации, ингумация на горизонте и ингумация в ямах) (Шинаков, 1982, с. 92). В этом случае инвентарь как элемент погребального ритуала выступает, несомненно, на первое место.

Основной целью обработки погребальных материалов в данной статье является установление этноопределяющих элементов инвентаря, соответствующих комплексов и степени распространения их в разных частях Восточных территорий в пределах X — середины XII вв. С середины XII в., как показал анализ материалов Гочевского комплекса, курганный обряд сменяется христианским.

Нами учитывается возможность отличия этнографического костюма живых населения Восточных территорий от одеяний умер-

ших. Однако подобная возможность существует и для других районов Восточной Европы, что сохраняет за погребальным костюмом значение этноопределяющего признака.

Подробный анализ всей массы женских украшений с более широкой, чем очередная в данной статье, территории уже проведен (Шинаков, 1980а—в). Прделан он и для круп-

нейшего некрополя Восточных территорий — Гочевского (Шинаков, 1982). Приводим полный состав комплексов женских украшений по гочевской номенклатуре с указанием их общего количества на Восточных территориях.

1. Спиралевидные височные кольца (рис. 2, 5), встречаемые в наборе с перстнеобразными, реже браслетообразными височными кольца-

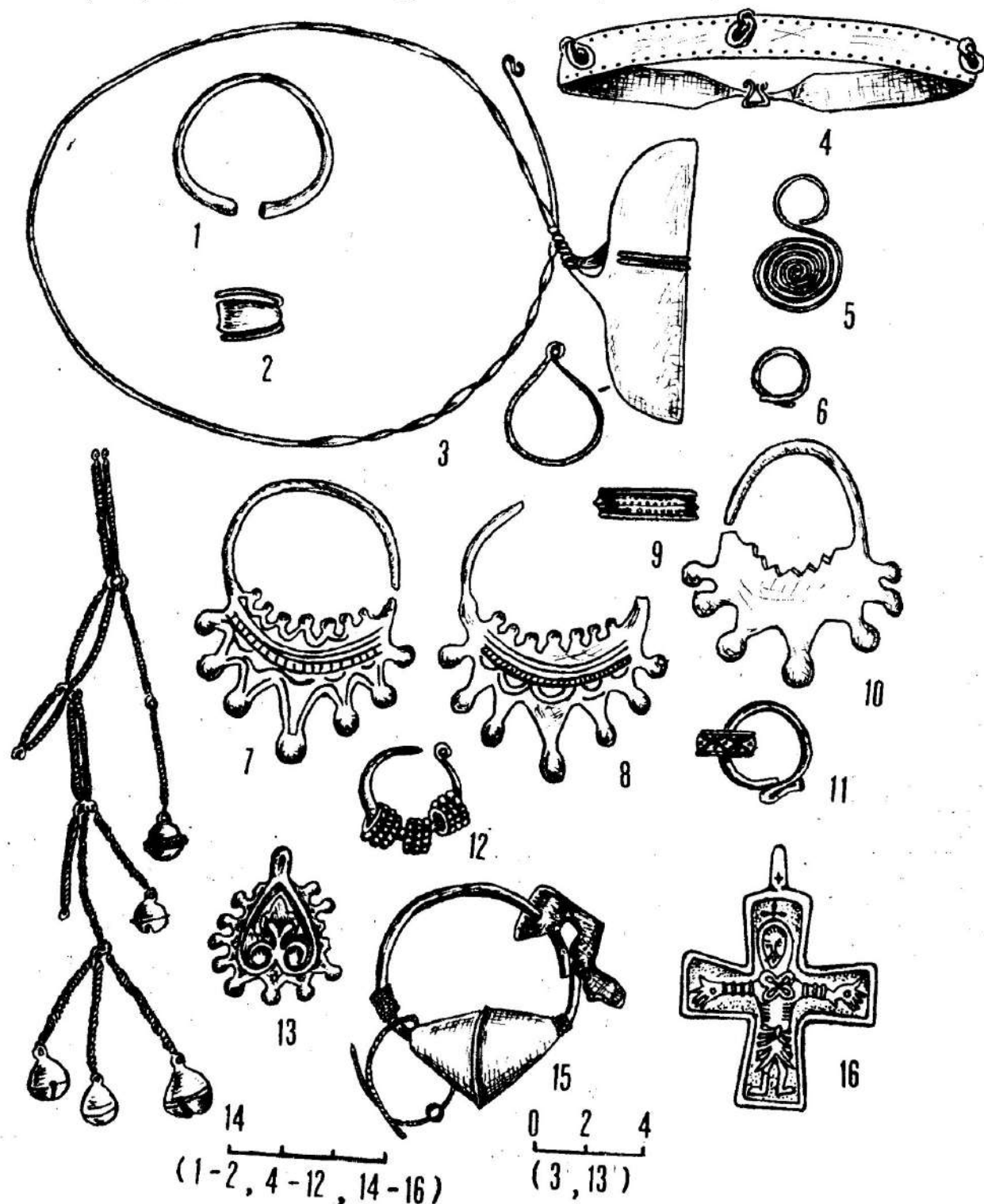

Рис. 2. Элементы комплексов погребальных украшений из «Восточных территорий» (собирательные образцы)

- 1 — толстопроволочный браслет с утолщающимися концами; 2 — «усатый» перстень; 3 — венок; 4 — очелье; 5 — спиралевидное височное кольцо; 6 — перстнеобразное височное кольцо; 7—8 — семилучевые височные кольца V группы; 9 — пластинчатый бронзовый перстень с точечным орнаментом; 10 — семилучевое височное кольцо III группы; 11 — перстнеобразное загнутоконечное височное кольцо с надетым на него пластинчатым перстнем; 12 — трехбусинное височное кольцо «минского» типа; 13 — сердцевидная привеска с зубчатой каймой; 14 — «аксельбант»; 15 — височное кольцо с биконической бусиной; 16 — корсунский крестик.

1—8 — элементы местных северянских комплексов (I—V, VII); 9—11 — элементы радимичского комплекса (VIII); 12 — элемент дреговичского (XI) комплекса.

Материал: 3—5, 15 — серебро; 10 — биллон; остальные — бронза

ми, золото- и серебростеклянными бусами, иногда перстнями разных типов (30 погребений).

II. Спиралевидные височные кольца с вышеописанным набором и серебряным очельем (4 комплекса).

III. Серебряные очелья (рис. 2, 4) в сочетании с различного вида браслетообразными височными кольцами, в двух случаях очелья кожаное и шелковое золототканое (не менее 19 комплексов).

IV. Очелья с серебряными головными венчиками с загибом в наборе с браслетообразными височными кольцами, золото- и серебростеклянными бусами (около 25 комплексов).

V. Головные венчики с загибом (рис. 2, 3) без очелей (около 24 комплексов).

В этих комплексах женского погребального инвентаря весьма часто встречаются «усатые» перстни (рис. 2, 2) и толстопроволочные серебряные браслеты с утолщающимися (рис. 2, 1), реже с заостренными концами. Особый элемент металлических деталей костюма жителей Восточных территорий представляет т. н. «аксельбант», обнаруженный и в Гочево, но наиболее распространенный в Броварках на среднем Псле (рис. 2, 14). Он имеет аналогии в западно-финских древностях Эстонии, (Selirand, 1974, табл. XXII (1,2), однако там служит для утилитарных целей и встречается иногда в мужских захоронениях (Хвошинская, 1977, рис. 2, 2), а на Восточных территориях используется как привеска к головному убору, в частности, очелью. К концам спиралей «аксельбанта» привешиваются крупные крестопорезные и мелкие однопорезные бубенчики. В Броварках «аксельбант» сочетается, кроме очелья, со спиралевидными височными кольцами и является, таким образом, конструктивной деталью местного женского костюма.

Статистическая характеристика вышеописанных комплексов погребального инвентаря и взаимосвязь ведущих элементов в них представлена в табл. 1 и 2.* Цифры внутри таблиц показывают количество комплексов с данными элементами. Элементы 4 (для III), 5 (кроме VI), 6, 7, 8 и 9 (кроме VIII) выбраны как значимые. Остальные рассматривались, как правило, в качестве определяющих (обведены жирной линией). Для удобства работы с таблицами даем здесь расшифровку всех данных. Комплексы: I—VII — общерусские и «северянские»; VIII — «радимичский»; IX — «кочевнический»; X — «северорусский»; XI — «дреговичский». Элементы: 1 — спиралевидные височные кольца, 2 — очелья, 3 — венчики; 4 — семилучевые височные кольца группы V; 5 — браслето- и перстнеобразные височные кольца разных типов, 6 — «аксельбанты», 7 — «усатые» перстни, 8 — толстопроволочные браслеты с утолщающимися концами, 9 — лунницы; 10 — двускатнопластинчатые гривны,

11 — пластинчатые орнаментированные перстни, 12 — семилучевые височные кольца группы III, 13 — витые петлеконечные браслеты, 14 — витые гривны; 15 — толстопроволочные остроконечные браслеты; 16 — височные кольца с биконическими бусинами; 17 — трехбусинные височные кольца «минского типа».

Приведенные комплексы женских погребальных украшений связаны в основном с обрядом захоронения на горизонте. Пережитки кремации встречены в захоронениях на горизонте с вещевыми комплексами I—V типов не менее одиннадцати раз (1 раз — с I комплексом (Горналь), 5 раз с III комплексом (Гочево), 5 раз с IV комплексом (Гочево), причем 1 раз в погребении не просто с углями, а с обгорелыми костяком и плахами). В ямных захоронениях по одному разу обнаружены I и II комплексы (Гочево; Сумы — 1 (хутор Зеленый Гай), 2 раза III комплекс (Гочево и Сумы-1), 3 раза V комплекс (Гочево).

Не удалось сопоставить с одним из трех вариантов обряда захоронения 16 наборов инвентаря, из них 8 относятся к I комплексу (Горналь), 6 — к III комплексу (Ницахи, Горналь), по одному — ко II и V комплексам (Горналь).

Таким образом, из 104 взятых для анализа наборов пяти комплексов инвентаря 68 проц. обнаружены при ингумациях на горизонте, 10 проц. — при ингумациях на горизонте с пережитками кремации, 7 проц. — в ямных захоронениях. Для 15% связь с погребальным обрядом определить не удалось.

Взятые в целом, I—V комплексы датируются концом X — началом XII в. Основной центр их распространения находился на западе Восточных территорий в бассейне р. Псел, где ранее проходила своего рода «стержневая ось» роменской культуры. До середины XI в. эти комплексы, за исключением IV и V, доживают на востоке Посульской ГКП, на р. Сула (Лохвица, Скоробогатки и Глинск), (Самоковасов, 1892, табл. 258—260, с. 77—78), (Волинцево и Волокитино), но здесь их значительно меньше. Вторичные элементы этих комплексов («аксельбант» и толстопроволочные браслеты с утолщающимися концами) есть также на Сейме (Липино), (Засурцев), но с другим набором украшений.

Единичные наборы I—III комплексов и их отдельные элементы встречены также на севере (селище Лебедка в верховьях Оки (Никольская, 1957) и северо-западе (Кветунь на Десне, (Падин, 1976, с. 206—207), район Стародуба в верховьях Снови (Шинаков, 1983, с. 103) и Людково в бассейне Ипути).

Вряд ли может вызывать сомнение, что I—V комплексы представляют собой несколько вариантов наборов металлических украшений этнографического погребального костюма и прически северян конца X — середины XII века.

* При составлении таблиц большую помощь оказали замечания И. П. Русановой, за что автор выражает ей глубокую благодарность.

Таблица 1. Комплексы (I—XI) и элементы (1—17) погребального инвентаря «Восточных территорий»

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
I	26				11	1	4		1								
II	4	4			2	2											
III		19		2	19	2	3	6		2			1	1			
IV	2	25	25		18		7	1									
V			24		14	1	1	3									
VII				7	5		1	1			1						
VI					130	1	16	6	15		4		3		6		
VIII									4	3	2	1	3				
X													2	1	1		
IX													1		2	8	
XI							1										2

В VI комплекс входят простые перстнеобразные и браслетообразные височные кольца в сочетании с различными бусами (золото- и серебростеклянными, сердоликовыми призматическими и бипирамидальными, хрустальными и стеклянными разных цветов и форм, пронизками, пастовыми мозаичными). Иногда встречаются различные бубенчики (крестопрорезные с насечками, однопрорезные круглые и с рельефным ободком, рельефные, бубенчики-пуговицы, цельнолистные и двусоставные) и литые лунницы, реже круглые привески. Один раз зафиксировано наличие 8 крестовидных литых привесок с маленькими литыми лунницами.

Данный комплекс украшений имеет более широкие территориальные рамки в пределах Восточной Европы. Погребения с комплексами этой группы являются, вероятно, переходными от языческих этнически определяющих украшений к общерусским, несущим на себе отпечаток христианской обрядности. Некоторые из них на Восточных территориях датируются концом XI — серединой XII в.

Многие элементы VI комплекса с конца X в. входили в состав этноопределяющих наборов украшений, постепенно вытесняя последние.

В целом на Восточных территориях среди женских захоронений с инвентарем VI комплекс составляет около 50 проц., а в ямных захоронениях даже 88 проц. Полностью господствует этот комплекс на некрополе поселения у с. Каменное на р. Псел и у с. Пет-

ровское на Ворскле, возможно соединенных в конце X—XI вв. дорогой через водораздел, а также представлен в одном из двух раскопанных К. П. Сосновским курганов в лесу Клейнмихель под Гочевом.

В грунтовых могильниках (Гочево, Петровское, Сумы-1) среди женских погребений с инвентарем VI комплекс становится почти единственным. В дальнейшем как в грунтовых, так и в курганных некрополях господствующими становятся малоинвентарные или безынвентарные женские захоронения, не отличающиеся без антропологических определений от мужских.

Свое завершение этот процесс получил в середине XII в. с исчезновением курганного обряда и полной победой христианской обрядности в последних оплотах язычества и этнической самобытности на Восточных территориях (Гочево, Горналь, Ницахи, Могилки). Среди них исключительно северянским был только Горналь. На остальных в разной степени был представлен иноэтничный компонент.

Однако в отличие от северянских I—V комплексов и общерусского VI комплекса последний присутствовал отнюдь не на всех поселениях Восточных территорий.

Материал поселений верхнего течения р. Псел (Гочево) проанализирован достаточно подробно. Напомним, что здесь представлены 4 «радимичских», (рис. 2, 9—11) 1 «дреговичский» (рис. 2, 12), 1 восточнофинский, 2 кочевнических (?) и 1 ранневятичский комплекс, что составляет 14—15 проц. несеверян-

Таблица 2. Взаимосвязь ведущих элементов комплексов

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	32	6	2		11		4		1								
2		46	25	2	39	4	10	7		2				1			
3			49		32	1	8	4									
4				9	5		1	2			1						
5					200	3	25	15	15	6	4	1	1		6		
6						7	2	2									
7							33	3		1							1
8								17		1	1						
9									20	3	3	1		1	2		
10										6	3		1				
11											7	1	1				
12												1	1				
13													10	1	2	1	
14														2	2		
15															9	2	
16																8	
17																	2

ских женских этноопределимых погребений (Шинаков, 1982, с. 96). Естественно, подобные, «точные» определения относятся к самим украшениям, но не обязательно к их носительницам. К элементам радимичского комплекса украшений XI в. на Ворскле можно отнести височное кольцо т. н. «деснинского типа», встреченное в слое городища Малый Балкан в Ницах.

Особое место в наборах женского погребального инвентаря занимает VII комплекс, основой которого являются семилучевые височные кольца III группы (рис. 2, 10). На этом основании он считался доказательством глубокого продвижения радимичей на юго-восток (Рыков, 1923), их самостоятельной колонизационной деятельности на пограничье (Рыбаков, 1932, с. 146).

Подробнее об этнокультурном содержании семилучевых височных колец IV и V групп (последние см. на рис. 2, 7, 8) говорится в

специальной статье (Шинаков, 1980а). Здесь же уместно упомянуть лишь о том, что 7 погребений с VII комплексом можно добавить к этнографически северянским. Кроме Гочева, на Восточных территориях височные кольца данной группы (тип Т начала XII в.) встречены в слое городища Малый Балкан у с. Ницах (Сухобоков, 1973—74, рис. 45). Это самая южная точка их распространения на Восточных территориях.

Отличительными чертами курганной группы у с. Ницах является большое количество парных и даже коллективных захоронений, а также значительный процент «кочевнического» инвентаря (по гочевской номенклатуре). Из 48 курганов, раскопанных Д. И. Багалеем и В. А. Городцовым, в 11 было сделано по 2 захоронения, в 7 — по 3, в 3 — по 4, в 1—5 и в 1—7 захоронений. Скелеты чаще находятся на одном уровне в разных ямах, притом в одном погребении обычно присутствуют скелеты

леты взрослого и ребенка. Лишь в кургане № 24, раскопанном Е. Н. Мельником, скелеты 2 девушек и 2 детей лежали в одной могиле.

20 проц. захоронений произведено в ямах, остальные — на горизонте. В 2/3 случаев костяки были обложены досками, в 2 случаях погребения находились в долбленных колодах (в 1 случае костяк был обернут в бересту, в другом похороненному под голову положили пласт бересты. Один детский скелет был обсыпан желудями).

Кроме уже упоминавшихся пяти погребений с III комплексом украшений, в 8 захоронениях обнаружены серебряные височные кольца с биконическими бусинами (рис. 2, 15) — основным элементом IX («кочевнического») комплекса. В Гочеве эти кольца были найдены на костяках, завернутых в бересту, здесь мы данных об обряде почти не имеем. Сопровождающий инвентарь не отличается от гочевского. Дважды такие кольца встречены с круглыми привесками в виде креста в круге, трижды — с фигурными привесками в виде сердечка с зубчатой каймой (рис. 2, 13), трижды — с лунницами разных типов (прорезными, литыми малыми), дважды — с бусами из раковин *Surgamopeta*, один раз — с характерным для вятичей сочетанием хрустальных круглых и сердоликовых многогранных бус. Трижды IX комплекс сопровождался биллоновыми браслетами (два раза толстопроволочными, один раз витым с петлеобразными концами), один раз — стеклянным крученым розовым браслетом, дважды — бронзовыми перстнями с косыми нарезками. В двух погребениях найдены остатки шелковых золототканых воротников, один из них был обшит бисером. Ни разу с этим комплексом не встречены золотые и серебростеклянные бусы.

Височные кольца с биконическими бусами (рис. 2, 15) считаются принадлежностью кочевнического костюма. Обнаружены они в двух черноглобуцких захоронениях Поросья, (Плетнева, 1973, табл. 13/1, 17/2) Г. Ф. Корзухина называет их «половецкими». Найдены они также в несколькихкладах Среднего Поднепровья (Княжа Гора, Пивцы, Пишки), датированных концом XII — первой половины XIII в. (Корзухина, 1954, № 123, 130, 132), что позволяет отнести захоронения с подобными кольцами в Гочеве и Ницах, несмотря на остальной инвентарь, скорее к XII, чем к XI веку.

Однако противоречие здесь не только в датировках. В Поросье кольца с биконическими бусами принадлежали к кочевническим по обряду захоронения погребениям и носились по одному у виска. На Восточных территориях они носились как славянские височные кольца по 2—3 на ремешке. Обряд захоронения, где он прослежен (Гочево и одно захоронение в Ницах) — обычный славянский языческий, переходный к христианскому (на горизонте и в яме, без существенных отклонений от западной ориентировки). Приходится считаться при этнических определениях и с

остальным инвентарем комплекса, а он чисто славянский, часто северорусский и даже конкретно — вятичский. Впрочем, бусы именно таких типов (сердоликовые биконические и хрустальные круглые) встречаются и у кочевников (Плетнева, 1981, с. 216).

Существенной отличительной чертой гочевских погребений является заворачивание покойницы в бересту. Хоронили кочевники и в долбленных колодах (Плетнева, 1981, с. 218), как в Ницах. К сожалению, подробное описание обряда в этом некрополе никак не согласуется с инвентарем. Можно лишь говорить о присутствии височных колец с биконическими бусами в тех курганах, под насыпями которых находилось от 3 до 6 погребений. Впрочем, даже если исходить только из погребальных украшений, присутствие на Ницахском поселении в конце XI—XII вв. значительного (до 20 проц. женских захоронений) кочевнического контингента сомнений не вызывает.

Кроме Гочева и Ниц, присутствие «своих поганных» на Восточных территориях зафиксировано на некрополе у хут. Могилки на Мерле, но здесь индикатором служат не женские, а мужские захоронения и не инвентарь, а обряд погребения.

Во-первых, из 54 захоронений этого некрополя лишь 6 дали чисто западную ориентировку, свыше 30 скелетов имеют сильное (иногда свыше 45°) отклонение к северу. Два кургана, под которыми находились захоронения с северной ориентировкой, исследованы в центре группы. В кургане № 40 у ног положенных друг на друга мужских костяков с северной ориентировкой брошен женский. Северную ориентировку имеет скелет ребенка, находившийся в одном кургане № 5 (35) с мужским скелетом, ориентированным на юго-восток. Между этими захоронениями находился череп лошади.

Погребения только с юго-восточной ориентировкой сконцентрированы на северо-восточной окраине группы, в курганах № 8 и № 12, также содержащих коллективные захоронения. В первом кургане № 8 юго-восточную ориентировку имеет мужской костяк, а рядом лежащие детские — западную, в кургане № 12 — и женский, и детский. Инвентарь в погребениях как с северной, так и с юго-восточной ориентировкой не является этноопределяющим. Головами на север хоронили своих мертвых болгары неизвестной группы, обитавшей в верховьях Донца (Плетнева, 1981, с. 219), восточная ориентировка характерна для половцев, ритуальные захоронения головы коня — для печенегов. Нехарактерен для кочевников обряд захоронения в виде ингумации на горизонте, а не в ямах. У болгар отсутствует курганный обряд, печенеги часто использовали старые насыпи для впускных захоронений, половцы применяли камень при насыпании кургана. Ничего этого в группе у хут. Могилки нет. Украшения обычные древнерусские (XI в.). Нет ни салтовских бляшек X в., как в группе у с. Каменного на Псле, ни «половецких» височных колец XII

в., как в Ницах. Подобная «вилка» полностью совпадает и с вполне обоснованной датировкой для группы целиком, которую дает А. А. Моруженко — XI в. (Моруженко, Косиков, 1977, с. 288). Захоронения с отклонениями от западной или северо-западной ориентировки являются одними из самых ранних, так как во всех курганах с ними найдена лепная керамика, иногда в сочетании с круговой. Общее количество захоронений с северной и юго-восточной ориентировкой достигает 15 проц.

В группе у с. Каменного на Псле отклонений от западной ориентировки за исключением сезонных нет. Среди 18 погребений из 14 курганов, раскопанных О. В. Сухобоковым, есть кремации на месте (кости и пепел собраны в роменский сосуд) и 4 ингумации, на углистом слое. Ямы в двух курганах с парными захоронениями глубиной не более 0,3 м вряд ли могут удревнить дату исследованных курганов (вторая половина X — начало XI в.).

Полностью укладываются в эту дату 5 мужских и женских захоронений с серебряными ремешками, бляшками и наконечником пояса салтовского типа (Сухобоков, 1976, рис. 55). Вещи имеют аналогию в русской дружинной культуре. В шестовицких курганах с кремацией №16 и № 93 схожие бляшки датируются второй половиной X в. (Блифельд, 1977, табл. IV, XXV). Сопровождаются эти погребения в группе у с. Каменное круговой и лепной керамикой.

Наличие элементов болгарского обряда захоронения (западная ориентировка характерна также и для печенегов) и салтовского инвентаря в некрополях у с. Каменное и хут. Могилки является результатом не переселения кочевников, а развития салтовского компонента в составе позднероменской культуры, славяно-болгаро-аланского синтеза. Вероятно, и ранние ингумации на этих памятниках связаны не столько с христианизацией, сколько с влиянием салтовского обряда захоронения.

Такой вывод является наиболее очевидным для славяно-салтовского пограничья, особенно региона р. Мерла. Нельзя, однако, сбрасывать со счетов и иную, требовавшую вмешательства внешней силы, концепцию формирования этнокультурного облика Восточных территорий. Дело в том, что северная и юго-восточная ориентировка присуща также финским племенам севера Древней Руси, а именно мере и приладожской чуди (Глазов, 1977, с. 40; Кочкуркина, 1973, табл. XI—XIII). Юго-восточная ориентировка здесь является отклонением от южной, как и юго-западная, а не от восточной, присущей как половцам, так и балтам. Вместе эти ориентировки встречаются в Костромском Поволжье (Глазов, 1977, с. 39—41), заселявшемся и из района Ростова, и из Новгородской земли.

Вспомним, что элементы финского погребального инвентаря присутствовали и в двух захоронениях Гочево, да и «аксельбант» может иметь северное происхождение. Решить вопрос в пользу кочевников или финнов могут

более дробные датировки и привлечение общен исторического фона, а также социальная характеристика комплексов памятников, что невозможно по материалам только курганов.

Картографирование комплексов украшений с учетом процентного соотношения типов во времени (рис. 3; 4), позволило выявить следующие закономерности в их распространении.

Самым ранним по времени возникновения ведущих элементов, прежде всего семилучевых височных колец V группы, генетически восходящих к ложно-зерненым кольцам X в., является VII комплекс. Он присутствует еще в захоронениях с сильными пережитками кремации конца X в., но продолжает существовать весь XI в., доходя в отдельных регионах (Новгород, Подмосковье) до середины XII в. В местах расселения вятичей и финнов в верховьях Волги и в Ростовской котловине, а также на окраине ареала радимичей (Ляличи) данный комплекс свидетельствует о наличии определенных северянских этнографических групп. На Восточных территориях VII комплекс присутствует в северном районе (Гочево, Ницахи, кольца группы IV на городище Горналь), сочетаясь в одних и тех же группах с I—V комплексами и с отдельными элементами (очелье, венчик) в одних и тех же погребениях.

Элементы I—V комплексов не имеют, в отличие от VII комплекса, генетических корней в древностях роменской культуры, появляясь сразу в готовом виде в начале XI в.

Из всей территории бывшей роменской культуры только в Курской ГКП полностью отсутствуют элементы северянского (равно вятичского) этнографического костюма. Уже с рубежа X—XI вв. здесь господствует общерусский VI комплекс, к концу XI в. сменяющийся безынвентарным женским обрядом, а затем и бескурганым.

Курская ГКП, а с середины XI в. все Посеймье, клином общерусского инвентаря и обряда отделило северные районы с ярко выраженным этноопределяющим инвентарем вятичей от южносеверянского региона. С Северянским Подесеньем этнокультурная связь Восточных территорий прослеживается также до середины XI в. (через Рыльскую и Путивльскую ГКП (Волинцево, Студзенец, Волокитино), где встречены I—V и VII комплексы или их элементы.

В Посульской ГКП до середины XI в. проходила граница некрополей, в ямных женских захоронениях которых господствующее положение занимал общерусский VI комплекс и групп, где преобладала ингумация на горизонте и I—V комплексы.

Среди женских захоронений групп р. Псел вплоть до исчезновения курганного обряда преобладали I—V и VII комплексы. На окраине Восточных территорий при сохранении обряда ингумации на горизонте данные комплексы не являются преобладающими. Вторым по значению на Восточных территориях является VI комплекс, встреченный, за исключе-

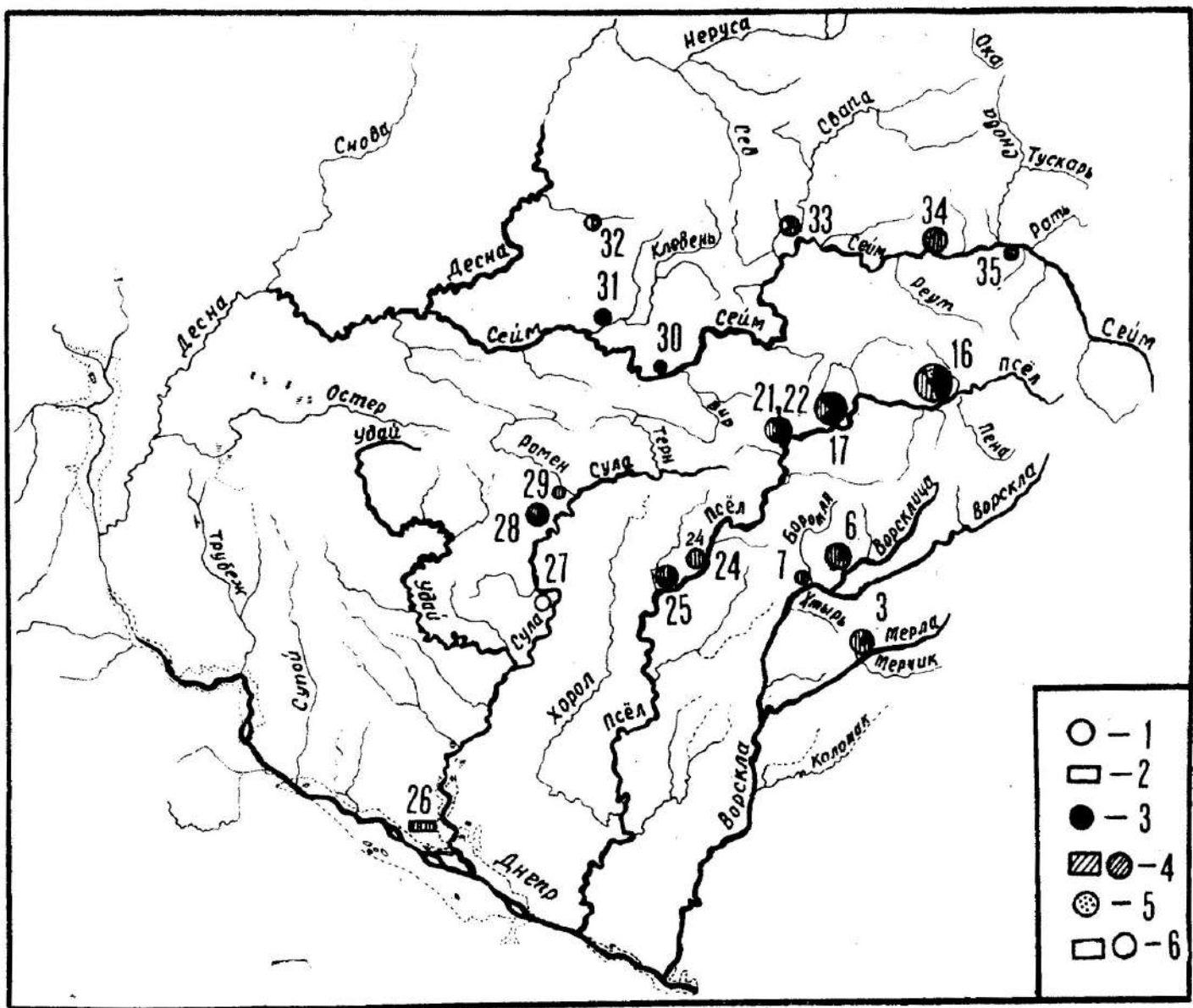

Рис. 3. Распространение комплексов погребального инвентаря в конце X — середине XI вв. на Восточных и сопредельных территориях

Условные обозначения: 1 — курганный комплекс; 2 — грунтовый могильник; 3 — I—V и VII комплексы; 4 — VI комплекс; 5 — инородные для Восточных территорий комплексы (VIII, IX, вятичские, финские); 6 — безынвентарные женские погребения. Памятники: 3 — Могилки (Городное); 6 — Ницахи; 7 — Петровское; 16 — Гочево; 17 — Горналь; 21, 22 — Сумы I и II; 24 — Каменное; 25 — Броварки; 26 — хут. Миклашевского; 27 — Скоробогатки; 28 — Глинск Сумской; 29 — Ромны; 30 — Волинцево; 31 — Волокитино; 32 — Воронеж на Шостке; 33 — Студзенец (Голубовка); 34 — Лицино; 35 — Лебяжье.

нием Петровского и Ницах, в основном при ингумациях на горизонте. Инвентарь этого комплекса в данном регионе связан с погребальным инвентарем роменской культуры, и с инвентарем русов X в., позднее общерусским, распространенным в Переяславском Поднепровье.

Несеверянские и необщерусские наборы украшений и детали обряда встречены в основном на восточной окраине (линия Гочево-Ницахи-Могилки) и за исключением трех захоронений с северной ориентировкой в Могилках не в самых ранних комплексах. В самом северном пункте Восточных территорий — Гочево — «инородный» состав довольно пестрый. Здесь и радимичи (4 комплекса), и дреговичи (1 комплекс), вятичи или финны (?) (2 комплекса), всего 6 проц. этноопределимых женских захоронений. На рубеже XI—XII вв. к ним добавляется кочевнический

элемент, представленный 2 захоронениями с височными кольцами «половецкого» типа.

Самые ранние ингумации на горизонте (и мужские, и женские), относящиеся к переходному от роменского к древнерусскому времени, находятся в некрополе у с. Каменного и датируются салтовскими ремennыми бляшками X века.

«Северянские» этноопределяющие комплексы, часть элементов которых восходит корнями к роменской культуре, в сложившемся виде появляются не ранее рубежа X—XI вв., когда северянская политическая организация и единство были уже в прошлом. Самым ранним элементом этих комплексов являются семилучевые височные кольца V группы, затем спиралевидные височные кольца и металлические очелья. Завершают ряд серебряные головные венчики. В наиболее полном виде и наиболее устойчиво северянские комплексы

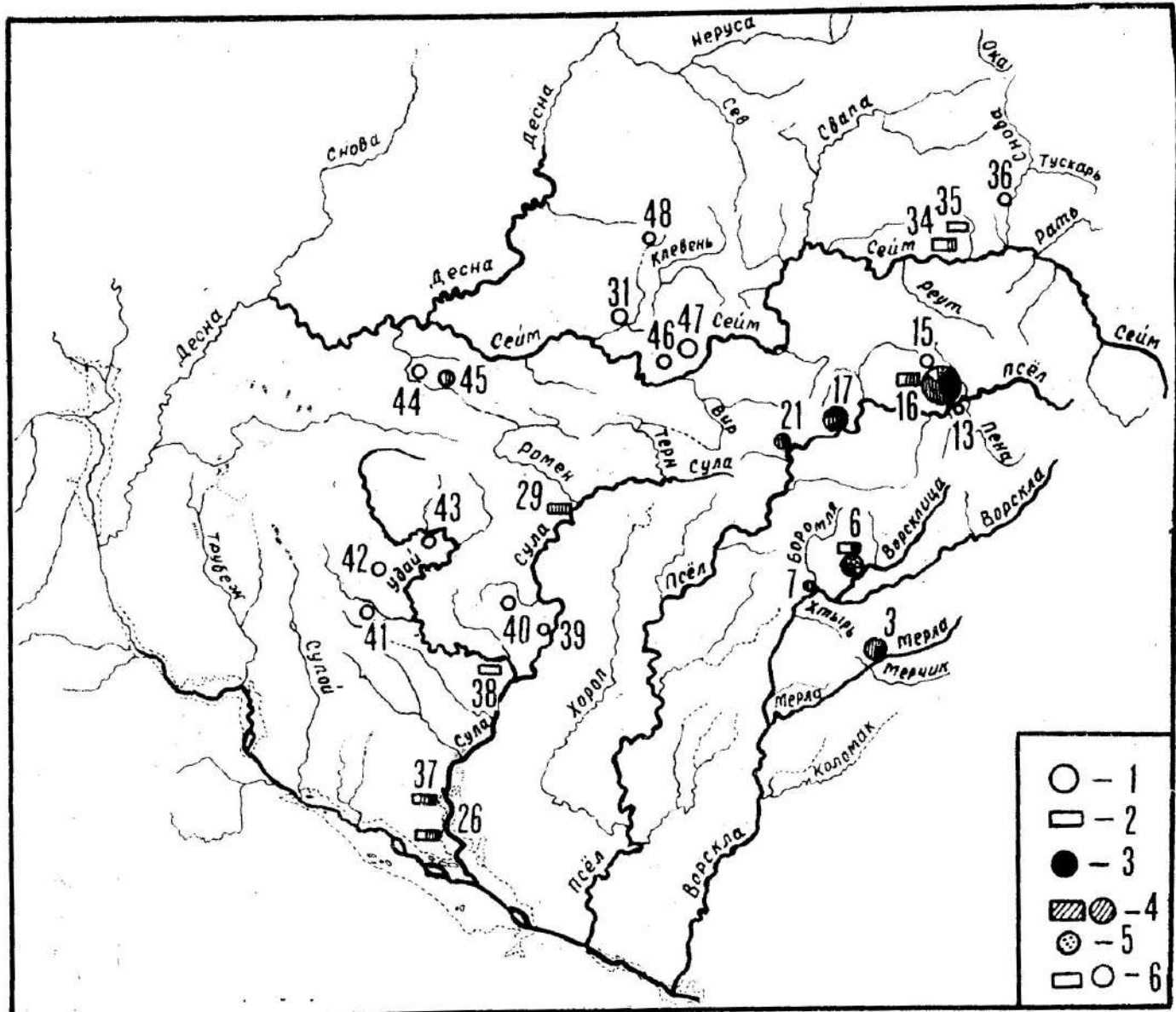

Рис. 4. Распространение комплексов погребального инвентаря во второй половине XI–XII вв. на Восточных и сопредельных территориях (Условные обозначения те же, что и на рис. 3)

Памятники: 3 — Могилки (Городное); 6 — Нищахи; 7 — Петровское; 13 — Лес Клейнмихель; 15 — Бушмино; 16 — Гочево; 17 — Горналь; 21 — Сумы I; 26 — хут. Миклашевского; 29 — Ромны; 31 — Волокитино; 34 — Липино; 35 — Гнездилово; 36 — Мешково; 37 — Жовнин; 38 — Лушника; 39 — Болакв; 40 — Бессалы; 41 — Березовая Рудка; 42 — Линовицы; 43 — Сотниковка; 44 — Селище; 45 — Бахмач; 46 — Софроньевская пустынь; 47 — Марьяновка-Бунякино; 48 — Годуновка.

украшений существуют в гнездах памятников среднего Псла до середины XI в., откуда культурные импульсы распространялись на верхний Псел, Сулу, Ворсклу, Сейм и Северский Донец.

В середине — второй половине XI в. граница распространения I–V комплексов смещается к востоку. Сравнительно поздние IV–V комплексы не прослежены на Сейме. Едва появившись, они исчезают вместе с другими элементами северянского костюма на Суле. На нескольких памятниках в появлении новых комплексов и новых деталей костюма («аксельбант») ощущается финское влияние. На поселении Нищахи на рубеже XII в. начинает образовываться компактная

группа захоронений с височными кольцами «половецкого» типа. Параллельно идет процесс нивелировки этнических различий в украшениях, что выражается в увеличении процента наборов с общерусским VI комплексом и безынвентарных женских захоронений. К середине XII в. элементы северянского этнографического костюма сохраняются в подкурганых погребениях лишь отдельных островков Восточных территорий (Гочево, Нищахи, Горналь, Сумы (?), разделенных курганными некрополями с общерусским инвентарем или даже грунтовыми могильниками. Произошло, таким образом, размывание единого ранее этнокультурного массива.

1. Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. М.: Изд-во МГУ, 1980.
2. Багалец Д. И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губ. // Труды XII АС. Т. 1. М., 1905.
3. Вліфелд Д. Ј. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ: Наук. думка, 1977.
4. Глазов В. И. О курганах Костромского Поволжья // КСИА. 1977. Вып. 150.
5. Городцов В. А. Результаты исследований, произведенных экскурсиями XII АС // Труды XII АС. Т. 1. М., 1905.
6. Дмитрюков А. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Вестник РГО. 1854. Часть II. Кн. 4.
7. Дмитрюков А. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Труды Курского губернского статистического комитета. 1863. Вып. 1.
8. Засурцев П. Н. Отчет Деснинской экспедиции // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 291.
9. Историко-статистическое описание Харьковской епархии М., 1852.
10. Каталог выставки XII Археологического съезда // Труды XII АС. Т. 1. М., 1905.
11. Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.; Л., 1934.
12. Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л.: Наука, 1973.
13. Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981.
14. Ляпушкин И. И. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. на території м. Полтава // АП. 1949. Т. 1.
15. Магура С. Археологічні дослідження на Сумщині року 1929-го // Хроніка археології та мистецтва. 1930. Ч. 1.
16. Мельник Е. Раскопки курганов в Харьковской губ. в 1900—1901 гг. // Труды XII АС. Т. 1. М., 1905.
17. Моруженко А. А., Косиков В. А. Курганы у с. Городное // СА. 1977. № 1.
18. Моруженко А. А. Отчеты о работе экспедиций // Архив ИА АН УССР. Дела №№ 1973/33, 1974/68, 1975/39. 1976/96.
19. Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. Киев: Наук. думка, 1987.
20. Моця О. П. Давньоруські пам'ятки поблизу хутора Зелений Гай Сумської області // Археологія. 1987. № 58.
21. Никольская Т. Н. Древнерусское селище Лебедка // СА. 1957. № 3.
22. Падин В. А. Кветунский древнерусский могильник // СА. 1976. № 1.
23. Плетнева С. А. Древности черных клобуков. М.: Наука, 1973.
24. Плетнева С. А. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
25. Рыбаков Б. А. Радзімічы // Працы сэкцыі археологіі Беларускай Акадэміі Навук. Минск, 1932.
26. Рыков П. С. Юго-восточная граница радимичей // Ученые записки Саратовского университета. 1923. Т. 1. Вып. 3.
27. Самоквасов Д. Я. Курганы у Николаевской Белогорской пустыни Суджанского уезда // Труды Курского губернского статистического комитета. 1874. Вып. 4.
28. Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории // Труды III АС. Т. 1. Киев, 1878.
29. Самоквасов Д. Я. Древние земляные насыпи и их значение для истории // Древняя и новая Россия. № 4. Варшава, 1875.
30. Самоквасов Д. Я. Основания хронологической классификации, описания и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892.
31. Самоквасов Д. Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии. М., 1915.
32. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982.
33. Selivand Jüri. Eestileste matmiskonbed varafeodaalse te fürkamise perioodil. Tallinn, 1974.
34. Соловьева Г. Ф. Отчет о раскопках в 1971 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4916.
35. Сосновский К. П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда, Курской губ. // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. 1911. Вып. 1.
36. Сосновский К. П. — Архив ЛОИА АН СССР. Дело № 86/1910.
37. Сухобоков О. В. Отчет о работе Днепровско-Левобережного отряда в 1973—1974 гг. // Архив ИА АН УССР. Дело № 1973-74/31.
38. Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья. Киев: Наук. думка, 1975.
39. Сухобоков О. В. Отчет о работах в Лебединском районе Сумской обл. // Архив ИА АН УССР. Дело 1976/18.
40. Третьяков П. Н. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскли // Археологія. 1947. Вып. 1.
41. Хвойка В. В. Раскопка могильника при с. Броварки. Гадячского уезда Полтавской губ. // Труды МАО. 1904. Т. XX, вып. II.
42. Хвошинская Н. В. О новом типе курганов в могильнике у дер. Залахтове // КСИА. — 1977. Вып. 150.
43. Шинаков Е. А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980а, № 3.
44. Шинаков Е. А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII в.: Автореф. дис., канд. ист. наук. М., 1980 б.
45. Шинаков Е. А. Демография и этнография междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII в. // Депонирована в ИНИОН АН СССР. № 6673. М., 1980в.
46. Шинаков Е. А. Население верхнего течения р. Псел в XI—XII вв. (по материалам Гочевого археологического комплекса) // Вестник МГУ. История. 1982. № 2.
47. Шинаков Е. А. Охранные раскопки в с. Рябцево // АО—1981. М., 1983.
48. Ширинский С. С. Отчет о раскопках в 1968 г. // Архив ИА АН СССР. Р. — 1, № 6889.

А. Д. ПРЯХИН, М. В. ЦЫБИН

ДРЕВНЕРУССКОЕ СЕМИЛУКСКОЕ ГОРОДИЩЕ XII—XIII ВВ. НА Р. ДОН (Итоги раскопок 1984—86 гг.)

Семилуksкое городище расположено в черте г. Семилуки Воронежской области. Оно занимает мыс правого берега р. Дон, высота которого превышает 45 м (рис. 1). Площадка городища вытянутой формы в настоящее время имеет длину до 200 м и ширину до 65—70 м. Площадь укреплённой части превышает 1

га. Следует подчеркнуть, что в древности размеры площадки городища были большими. Дело в том, что его склоны еще в недавнем прошлом разрушались оврагами. С напольной стороны площадка городища ограничена рвом и валом. Ров имеет ширину до 10 м, глубину до 3 м. Ширина вала 5—7 м, высота до 1,2 м.

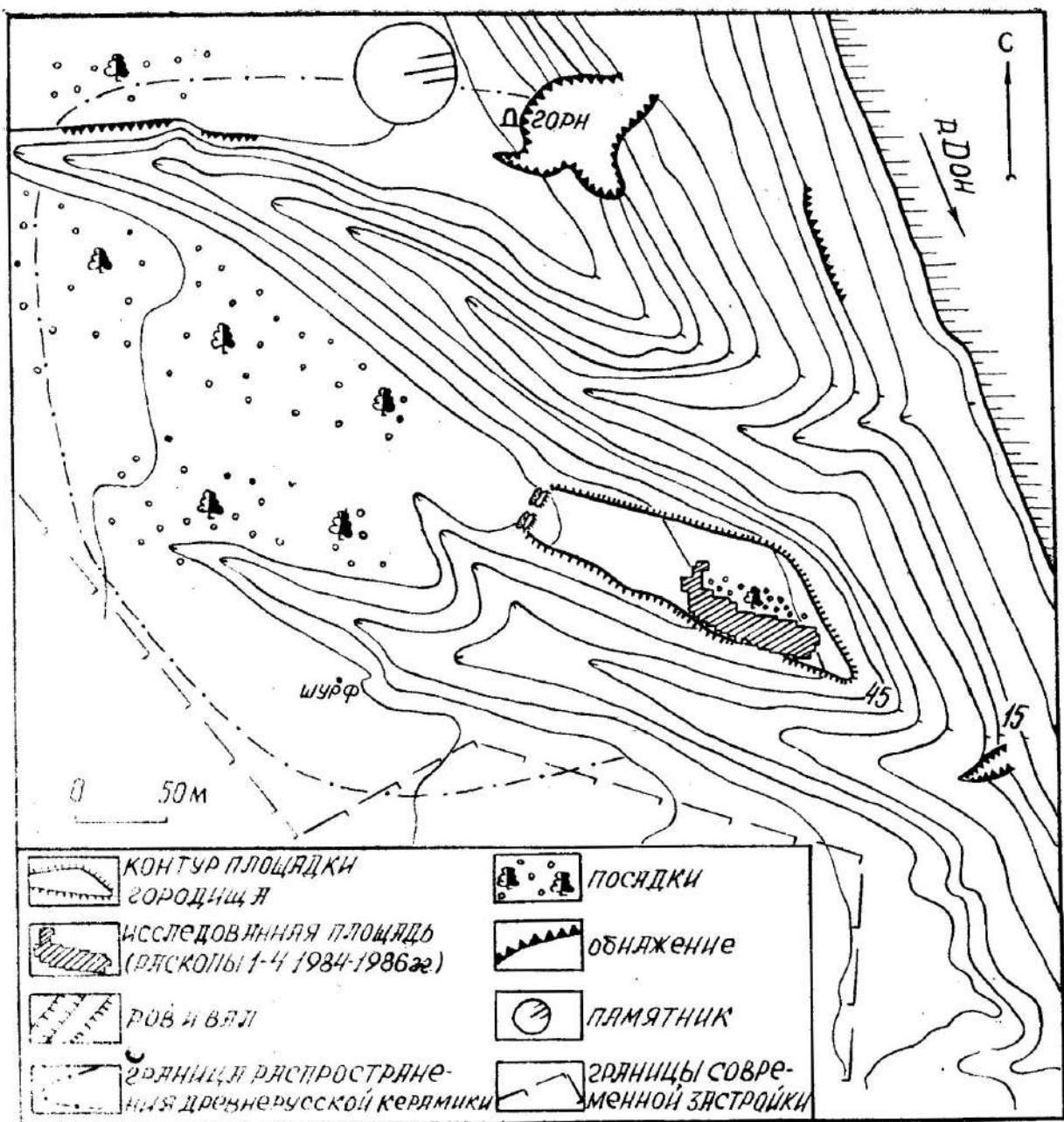

Рис. 1. План Семилукского городища

К городищу примыкает обширное неукрепленное поселение площадью 2—3 га, занимающее также и соседние мысы.

Городище открыто в 20-е годы сотрудниками Воронежского краеведческого музея. Тогда же на нем были проведены первые разведочные раскопки. (Олейников, 1972). Поскольку площадь заложенных тогда двух небольших раскопов уничтожена обнажением, на новый общий план памятника они не нанесены.

Затем долгое время городище не привлекало к себе должного внимания исследователей, хотя и посещалось отдельными археологами, которые даже пытались его шурфовать. Оно упоминалось и в некоторых работах, причем вне связи с проблематикой Руси предмонгольского времени (Москаленко, Винников, 1966, с. 60.).

В 1981 г. отрядом экспедиции Воронежского университета под руководством В. И. Беседина были исследованы остатки древнерусского гончарного горна, обнаруженного тогда студентом, а ныне сотрудником кафедры археологии и истории древнего мира А. С. Савра-

совым (Беседин, Беседина, 1983). Но систематические раскопки памятника начались экспедицией Воронежского госуниверситета с 1984 г. (Пряхин, Цыбин, 1986 а, б; 1987 а, б; Пряхин, 1987). Они продолжаются и в настоящее время. В статье речь идет о результатах работ 1984—1986 гг.

Культурный слой на вскрытых в эти годы участках имеет мощность до 0,8 м. Он содержит разновременные материалы, в том числе и древнерусского времени второй половины XII — первой половины XIII вв., анализу которых и посвящена настоящая статья.

За эти годы на городище вскрыто 1340 кв. м. Исследованы семь жилых и более десяти хозяйственных помещений (рис. 2).

Шесть жилых помещений являются наземными (постройки 1, 2, 3, 4, 10 14).^{*} Их размеры составляли от 2,5х3,5 до 5,5х5,5 м, а площадь соответственно от 9 до 30 кв. м. Жили-

^{*} В процессе раскопок была принята общая нумерация выявляемых на исследованной площади жилых помещений, относящихся к существовавшим здесь разновременным поселкам эпохи бронзы, раннего железного века и древнерусского периода.

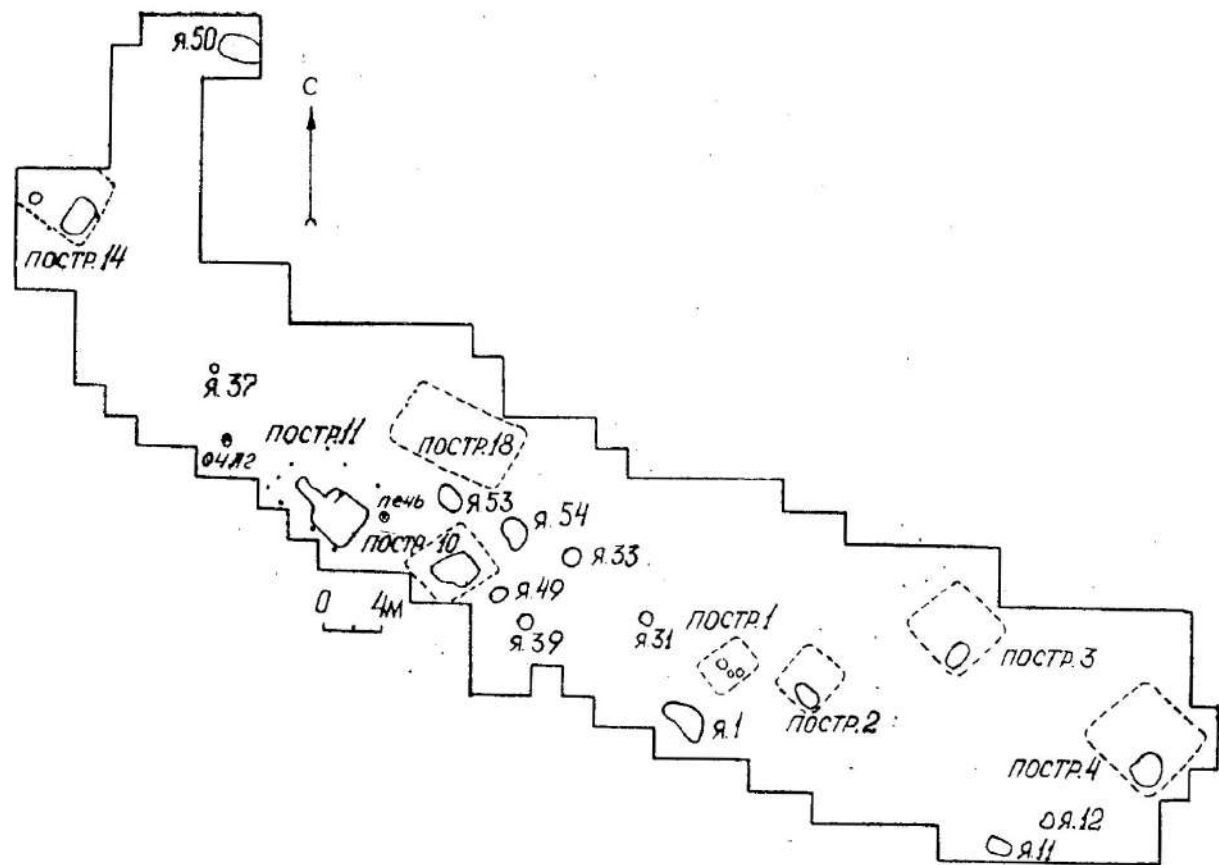

Рис. 2. План раскопов 1—4 на Семилукском городище

ща были в основном ориентированы углами по сторонам света. На площади двух построек (№ 4, 14) находились подпольные ямы размерами 2,3х2,4 и 2,1х2,5 м и глубиной от уровня пола примерно до 1,2 м (рис. 3, 3).

От печей, как правило, сохранились лишь скопления кусков обожженной глины с отпечатками прутьев, углей, золы. В постройках 2 и 10 есть подпечные ямы, над которыми, видимо, на деревянных опечках сооружались глинобитные печи (рис. 3, 1). В постройке 3 нижняя часть отопительного сооружения находилась в яме. (рис. 3, 2). Это, скорее всего, обусловлено тем, что данное отопительное устройство использовалось и для обжига керамики.

Приведенные постройки, скорее всего, имели срубную конструкцию. Столбовых ям на их площади практически не выявлено.

Еще одна жилая постройка (№ 11) имела углубленную в материковое основание часть (рис. 3, 4). Котлован углубленной части имел размеры 3х3,2 м и глубину в материке 0,24—0,4 м, а от уровня древней дневной поверхности до 0,6 м. Длинной осью котлован ориентирован по линии ЮВ-СЗ. С северо-западной стороны к нему примыкал углубленный в материк вход подпрямоугольной формы размерами 1х2 м.

В северо-западном углу котлована слева от входа находилась печь подковообразной формы. Она была сооружена на материковом останце высотой около 0,2 м. Размеры печи 0,83х0,9 м, пода — 0,58х0,85 м. Несохранившийся свод печи и, видимо, юго-восточная стенка были глинобитными.

В площадь постройки включался не только углубленный в материк котлован, но и прилегающая территория, ограниченная рядом

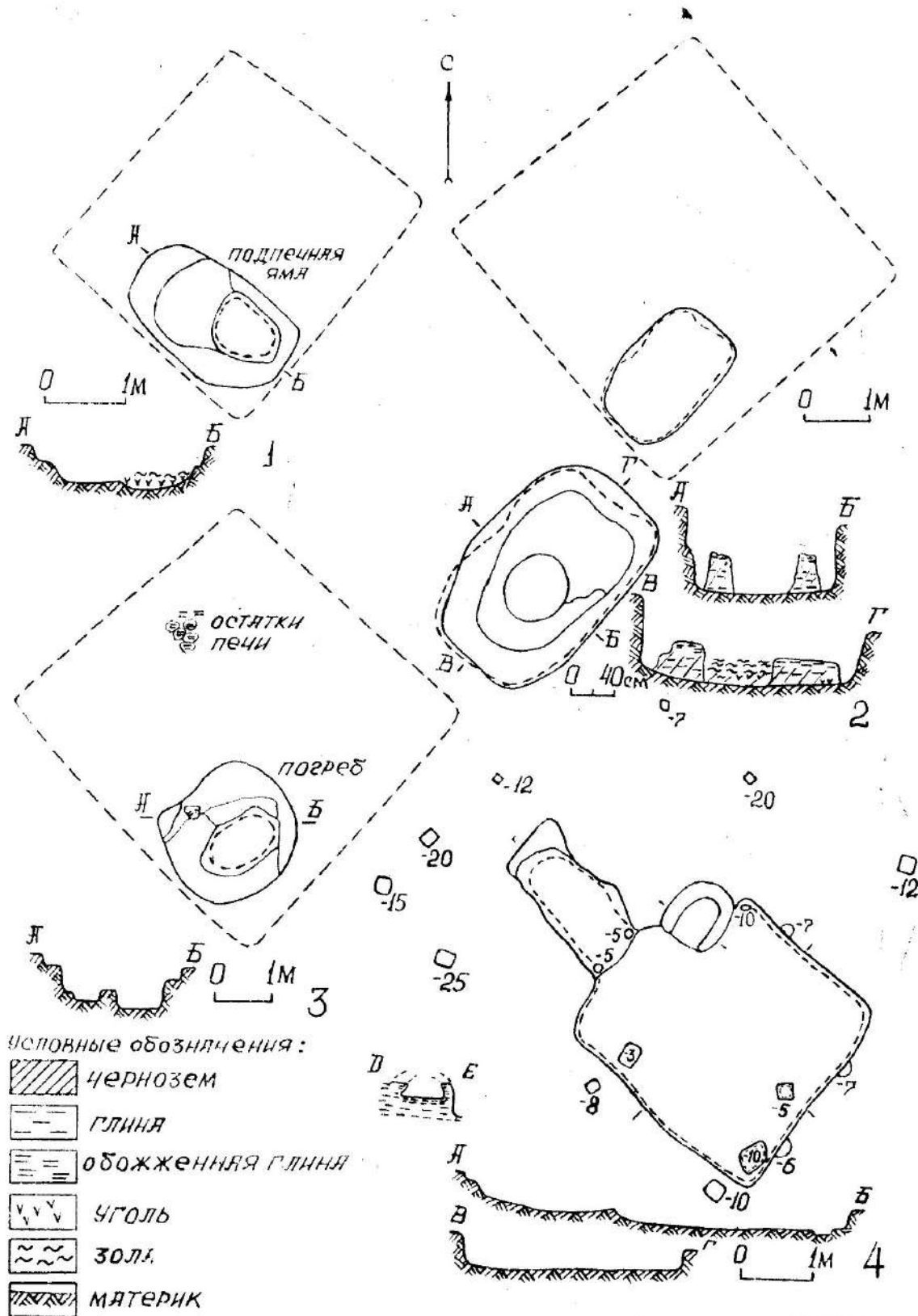
столбовых ямок, скорее всего, связанных с конструкцией стен. Общие же размеры жилой постройки составляли примерно 5х6 м. Судя по характеру заполнения и по наличию залегающих выше основания котлована остатков печи (?), данная постройка, возможно, являлась двухэтажным сооружением.

Наземными были и хозяйственные помещения (постройка 18). Выявленные погреба, ямы, надо полагать, находились на площади наземных хозяйственных построек.

Достаточно хорошо сохранился один из погребов (на плане рис. 2 яма 1). Он имел неправильную овальную форму размерами 2,3х3,45 м. Центральная часть погреба подквадратной формы размерами 2х2 м была углублена в материк до 1,1 м. В этой части зафиксированы остатки деревянной, скорее всего, срубной конструкции, закрепленной вертикально стоявшими столбами. К основной части погреба примыкала приступка шириной до 1,2 м.

Таким образом, для Семилукского городища в основном были характерны жилые постройки наземного типа. Заметим, что наземные постройки преобладали на поселениях более северных территорий. Они широко представлены на памятниках в бассейне Оки, включая Старую Рязань. Для тех же районов были характерны подпольные ямы на площади построек, а также глинобитные печи на деревянных опечках над ними (Никольская, 1981, 1987; Раппопорт, 1975, с. 130, 155).

Несколько иная традиция домостроительства на Семилукском городище представлена постройкой 11, имеющей углубленную часть. Такого типа постройки в XII—XIII вв. были характерны для лесостепного левобережья

Днепра (Раппопорт, 1975, с. 126—127, рис. 36). На Донецком городище в бассейне Северского Донца из пятнадцати исследованных построек этого времени двенадцать являлись полуземлянками (Дьяченко, 1983, с. 15). А распространение подобного типа жилищ в XII в. в бассейне Оки исследователи связывают с притоком в этот район населения из более южных районов (Седов, 1981, с. 4—5; Куза, 1984, с. 265). Именно для лесостепного Поднепровья отмечено выявленное в постройке 11 сооружение печи на материковом остане (Раппопорт, 1975, с. 154; Толочко, 1981, с. 83). Для юнорусских жилищ лесостепной зоны

характерна и плановая схема этого жилища: печь расположена рядом со входом и обращена устьем к нему (Раппопорт, 1975, с. 140).

Хотя исследованная в 1984—1986 гг. на Семилукском городище площадь относительно невелика, тем не менее полученные данные позволяют проследить некоторые особенности его планировки. Этому способствует то, что памятник существовал относительно непродолжительный период в рамках фактически одного строительного горизонта. Не случайно, что на нем не выявлено перекрывающих друг друга построек.

Изученные на городище жилые и хозяйст-

венные постройки не образуют плотной застройки. Фиксируется их расположение гнездами (рис. 2). Можно говорить о существовании на Семилукском городище комплексов помещений, состоявших из жилых и хозяйственных построек, которые в нескольких случаях удается связать с отдельными видами хозяйственной или ремесленной деятельности. Сказанное позволяет предполагать наличие усадебной застройки укрепленной площадки городища.

Так, целый комплекс строений (жилые постройки 10, 11, хозяйственная постройка 18 и ряд хозяйственных ям) находился в центральной части исследованной площади. Причем не исключено, что в жилой постройке 11 проводились и работы, связанные с ювелирным делом, о чем свидетельствуют находки в ней заготовок для производства украшений (обрезки проволоки, серебряное колечко) и бракованного при литье перстня (рис. 8, 5). Хозяйственная постройка 18, судя по находке в ней жернова, надо думать, была связана с переработкой продуктов земледелия.

В восточной части исследованной площади находилась постройка 4. Не исключено, что с ней связаны хозяйственные ямы 11 и 12.

Далее к западу отдельно расположена являвшаяся жилищем-мастерской постройка 3. Заведомо связанных с ней хозяйственных построек на вскрытой площади не выявлено. Не исключено, что они находились вне раскопанной площади.

Отдельный комплекс составляли жилые постройки 1 и 2, а также расположенный рядом с ними погреб (яма 1). Причем, постройка 2, судя по находкам в ней значительного количества рыболовных грузил, в том числе и с клеймом владельца (рис. 6, 14), была связана с переработкой продуктов рыбного промысла.

При исследовании Семилукского городища получена представительная серия гончарной посуды, насчитывающая, по данным раскопок первых трех лет, части примерно от 2440 сосудов.

Гончарами на Семилукском городище использовались беложгущиеся глины без грубых естественных примесей, выходы которых в изобилии встречаются в этом районе. В качестве отощителя использовался мелкий песок.

В керамической серии представлены горшки, миски, корчаги, а также фрагменты импортной поливной керамики и амфор.

Горшки составляют 99 проц. всего керамического комплекса. Они представлены фрагментами от 2421 сосуда. Найдены также фрагменты примерно десяти крышек от горшков. Горшки в соответствии с разработанной на материалах Шиловского поселения типологией (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987) разделены на пять типов.

Тип I — горшки с просто оформленным без утолщения венчиком с округлым, срезанным или приостренным краем (рис. 4, 1).

Тип II — горшки с отогнутым наружу вен-

чиком с загнутым внутрь краем, образующим с внутренней стороны желобок для крышки (рис. 4, 2, 3).

Тип III — горшки, имеющие венчик с отогнутым наружу краем, образующим утолщения различной формы (рис. 4, 4, 5).

Тип IV — горшки, край венчика которых загнут внутрь, образуя утолщения различной формы (рис. 4, 6, 7).

Тип V — горшки, имеющие венчик, край которого отогнут наружу в виде «козырька» (рис. 4, 8, 9).

Больше всего (более 41 проц.) горшков II типа (997 экз.). Далее по численности следуют горшки третьего типа, составляющие около 22 проц. (531 экз.). Еще меньше (несколько более 15 проц.) горшков четвертого типа (372 экз.). Немногом более 14 проц. (343 экз.) горшков первого типа. Малочисленна серия горшков пятого типа — несколько более 7 проц. (178 экз.). Иными словами, на городище преобладают горшки второго типа, характерные и для других древнерусских памятников этого времени.

Вместе с тем, значительным количеством здесь представлены горшки и других типов, в том числе третьего и четвертого, получивших распространение уже в последующий период. Подчеркнем, что факт существования на поселении горшков всех пяти типов подтверждается материалами из строительных комплексов. Так, в печной яме постройки 3, являвшейся и гончарной мастерской, обнаружены части примерно от 88 горшков всех пяти выделенных типов. Причем их процентное соотношение близко приведенным выше данным (горшки I типа — 11,4 проц., II типа — 39,7 проц., III типа — 18,2 проц., IV типа — 21,6 проц., V типа — 9,1 проц.). Сам же комплекс имеет достаточно хорошую хронологическую привязку: в яме найден стеклянный браслет киевского производства.

Диаметр верха горшков колеблется в пределах 10—25 см. Но преобладают сосуды с диаметром 16—20 см.

В орнаментации преобладают располагавшиеся чаще всего в верхней части сосудов волнистые и прямые линии. Крайне редка орнаментация вдавлениями (менее 1 проц. общего количества орнаментированных горшков).

Двенадцатью экземплярами представлены миски (рис. 5, 1, 2). Диаметр у них 10—24 см. Оформление венчика у большинства мисок такое же, как и у горшков. Они украшены прямыми и волнистыми линиями.

Еще меньше корчаг — шесть экземпляров (рис. 5, 3, 4). Диаметр верха у них 16—22 см. Корчаги имеют сильно выпуклые плечики и раздутое тулово. Орнаментация на них представлена волнистыми и прямыми линиями.

Плотным составом теста, красным цветом поверхностей и излома выделяется одна из корчаг (рис. 5, 3). Она, видимо, привозная, изготовлена в южных центрах. В связи со сказанным небезынтересно, что корчаги характерны в основном для керамических комплексов памятников южнорусских земель (Малева-

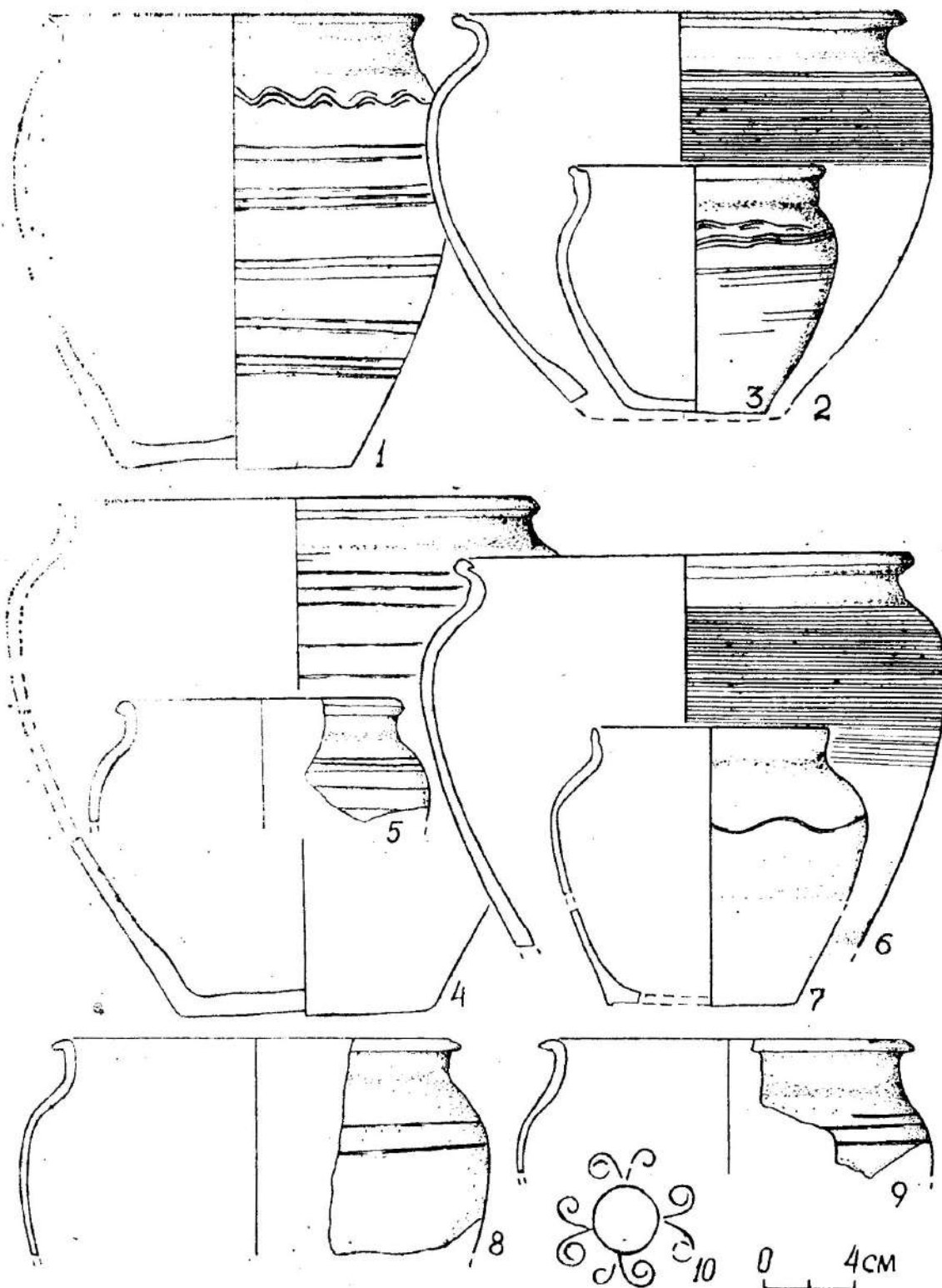

Рис. 4. Древнерусская гончарная керамика Семилуцкого городища

ская, 1969, с. 10, рис. 4, 1—4; Кучера, 1986, рис. 105, 5)

Есть несколько обломков амфор, ручки которых возвышаются над горлом (рис. 5, 5), что характерно для сосудов XII—XIII вв. (Якобсон, 1979, с. 111, рис. 68, 5—8).

При исследовании Семилуцкого городища найдено 106 днищ горшков с клеймами, сохранившимися полностью или частично. Фрагменты днищ, на которых можно достоверно установить факт отсутствия клейма (т. е. фрагменты, сохранившиеся примерно до центра днища) найдены в количестве 207 экземпляров. Следовательно, клейменные днища от общего количества днищ, на которых достоверно фиксируется наличие или отсутствие клейма, составляют около 34 проц. В литературе приво-

дятся различные данные о количестве клейменной керамики, найденной на древнерусских памятниках. Так, в Старой Рязани и Пронске она составляла около 1 % (Мансуров, 1946, с. 293; Монгайт, 1961, с. 286), во Вщиже — не более 5 проц. (Тухтина, 1960, с. 153), а на Донецком городище — в бассейне Северского Донца — 59 проц. (Дьяченко, 1985, с. 110). Такие расхождения в данных о количестве клейменной керамики, надо думать, в значительной степени объясняются разной методикой подсчетов, которая исследователями часто вообще не оговаривается. Это, по крайней мере пока, не дает возможности делать сколько-нибудь серьезные выводы из данного наблюдения.

Пятьдесят семь клейм, найденных на сосу-

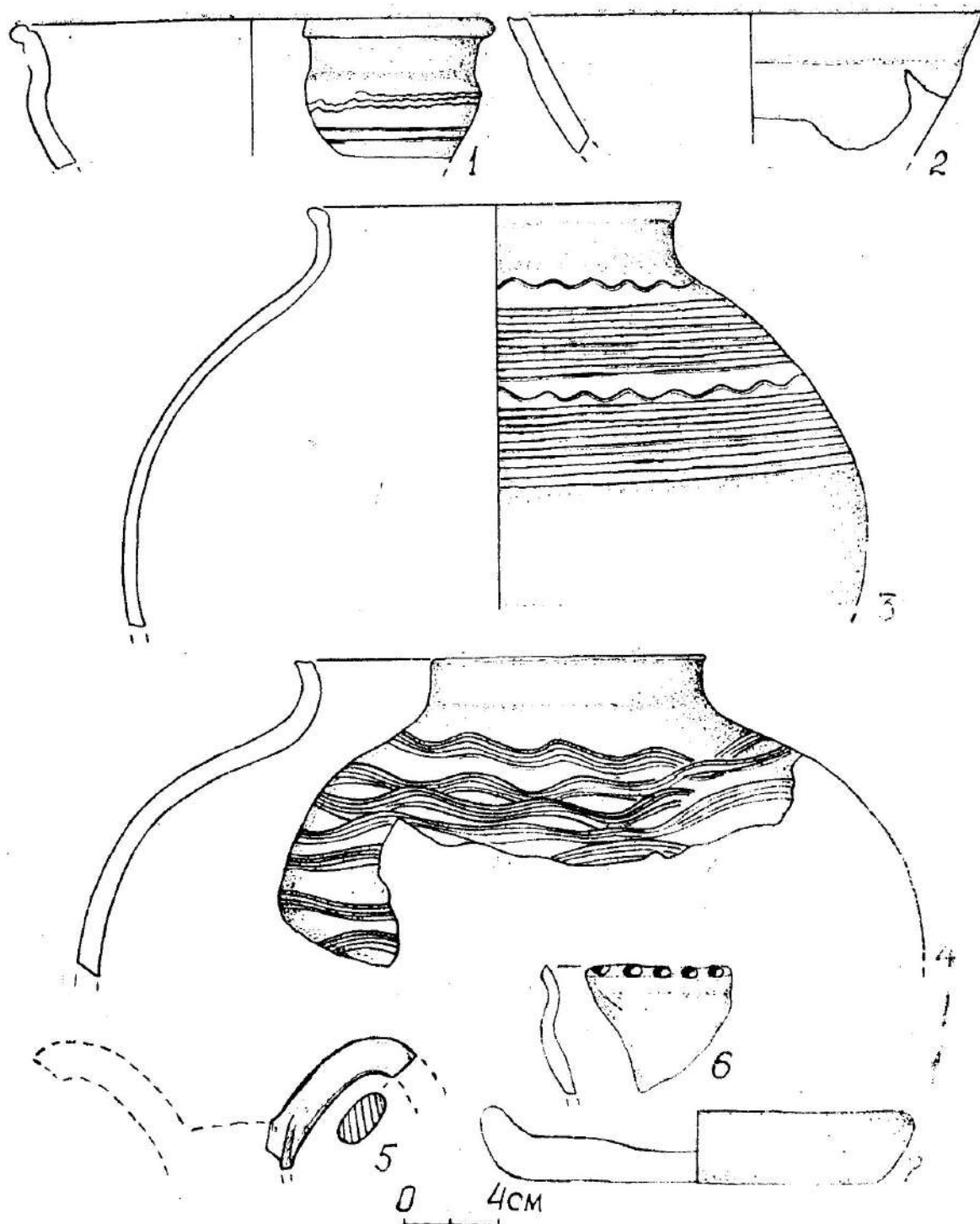

Рис. 5. Гончарная (1—5) и лепная (6, 7) керамика Семилукского городища

дах Семилукского городища, сохранились лучше. По конфигурации основы они делятся на несколько групп: круглые (42 экз.), квадратные или прямоугольные (4 экз.) и имеющие индивидуальную геометрическую форму.

Проведенное одним из авторов статьи изучение индивидуальных особенностей клейма в виде круга с отходящими от него спиралевидными отростками (рис. 4, 10) позволило сделать вывод, что эти отпечатки идентичны и происходят с одной матрицы. Планиграфирование четырнадцати днщ с отпечатками этого клейма показало, что они происходят из различных строительных комплексов. Это позволяет предполагать близкое по времени существование большинства исследованных на укрепленной территории построек. Кстати сказать, это наблюдение подтверждается и планиграфированием других клейм.

Анализ клейм Семилукского городища позволяет усомниться в оправданности сделанного Р. Л. Розенфельдом по результатам изучения клейменой посуды древнерусских памятников вывода о том, что тождественные клейма связаны с определенными участками площади поселений, с конкретными жилыми комплексами (Розенфельдт, 1963). Как показывают раскопки Семилукского городища, сосуды с тождественными клеймами найдены в разных комплексах, в то время как в отдельных постройках встречены разные клейма. Так, например, материалы, полученные из постройки 3, в которой жил гончар, позволяют поставить вопрос о том, что он пользовался несколькими клеймами. Нетрудно заметить, что приведенные наблюдения не согласуются с высказанным в литературе предположением о том, что гончарные клейма—это знаки соб-

ственности заказчиков (Розенфельдт, 1963, Монгайт, 1961, с. 288).

Информативными свидетельствами ремесленного производства керамики являются выявленные на Семилуцком городище гончарный горн и остатки гончарной мастерской. Как уже указывалось выше, являвшаяся жилым помещением постройка 3 одновременно использовалась в качестве гончарной мастерской (рис. 3, 2). В южном углу постройки находилась яма, углубленная в материк до 0,7 м. Она имела овальную форму размерами 1,35 x 2,04 м. На ее дне выявлена, видимо, топочная камера горна (?). Судя по остаткам глиняно-земляных стенок, она имела овальную форму размерами 1 x 1,2—1,3 м. Толщина стенок 0,16—0,3 м. В центре зафиксировано заполненное золой углубление, имевшее диаметр около 0,6 м. Остатков «козла» не зафиксировано. О конструкции верхней части данных также нет. Отметим лишь находки больших кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев.

Не случайно, что значительная часть происходящих из постройки обломков керамики не имеет следов употребления в виде закопченности и нагара. В то же время есть фрагменты, деформированные при обжиге.

Обнаружение же в яме большого количества рыбьей чешуи, остатков зерна, обломков рыболовных грузил позволяет предполагать, что это сооружение одновременно использовалось и как отопительное устройство.

Другой производственный комплекс для обжига керамики исследован за пределами укрепленной части городища. Он представлял собой частично уничтоженный обнажением берега двухъярусный керамический горн (Беседин, Беседина, 1983).

Судя по наличию в посуде с Семилуцкого городища таких признаков, как значительное количество клейм, наличие бортиков на днищах сосудов и подсыпки песка, некоторая асимметричность форм сосудов, непараллельность орнаментальных линий и др., для их формовки здесь использовался ручной гончарный круг (Бобринский, 1962).

Заканчивая характеристику гончарной посуды, других свидетельств гончарного производства, нельзя не отметить обнаруженную на исследованной площади Семилуцкого городища небольшую серию фрагментов сосудов боршевского типа (рис. 5, 6, 7). Такого рода посуда в это время, надо полагать, уже не изготавливалась, тем не менее она могла еще использоваться в быту.

При раскопках городища получены свидетельства, позволяющие охарактеризовать хозяйственную деятельность его населения.

В целом не велико число данных, связанных с земледелием. Так, в отдельных ямах погребках встречены зерна культурных злаков ржи и пшеницы.* Из орудий переработки про-

дуктов земледелия найден изготовленный из ракушечника каменный жернов. Нижний камень жернова (постав) сохранился полностью (рис. 6, 1). Верхняя поверхность его выпуклая. Диаметр постава 50—54 см, толщина в центре 7 см, у краев 5—5,5 см. Размеры отверстия для оси (веретена) в верхней части постава 2,7 x 3,3 см, в центре толщины 1,8 x 1,9 см, в нижней части 3,5 x 4,7 см. Диаметр фрагментарно сохранившегося верхнего камня (бегунка) 48—50 см, диаметр отверстия в нем 8—9 см. По размерам и, видимо, по конструкции данный жернов аналогичен жерновам с других древнерусских памятников.

Есть свидетельства, связанные со скотоводством. Анализ остеологического материала из древнерусских строительных комплексов выявил в целом характерный для этого времени состав стада: крупный рогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот, свинья*. Кроме того, с городища происходят несколько костяных проколов, а также два костяных орудия для мездрения шкур, одно из которых, кроме того, использовалось и для лошения кожи**.

Но, пожалуй, наиболее значительный материал получен для характеристики рыбного промысла. К орудиям рыболовства относятся железные рыболовные крючки. Их найдено восемь экземпляров. Крючки изготавливались из прямоугольного в сечении стержня. Длина их от 3,2 до 9 см., а радиус изгиба от 0,5 до 1,5 см. По классификации В. А. Мальм (Мальм, 1956, с. 117, рис. 4), они относятся ко второму и четвертому типам. Крючки второго типа представлены тремя экземплярами (рис. 6, 2, 3, 4). На одном их конце имеется лопаточка, на другом бородка (зубец). Близки этому типу еще два крючка, но они не имеют бородки (рис. 6, 5, 6). У одного из них, кроме того, лопаточка изогнута (рис. 6, 6). К четвертому типу относятся два крючка (рис. 6, 7, 8). Один конец такого рода крючков загнут в виде петли, на другом есть бородка. И лишь два крючка имеют радиус изгиба 0,5 см (рис. 6, 3, 4). Они предназначались для лова на удочку. Остальные же — для лова на прочие приспособления (жерлицы, донки, закидушки) (Археология СССР, 1985, с. 227).

С рыболовством связаны и находки 170 целых и обломков глиняных грузил. Они имеют цилиндрическую или овальную (рис. 6, 9, 10), реже — округлую или усеченно-биконическую (рис. 6, 11, 12) форму. Одно грузило орнаментировано зубчатым штампом (рис. 6, 13). Одним экземпляром представлен железный предмет, по форме напоминающий грузило (рис. 6, 15).

Рыболовством на Семилуцком городище занимались многие жители, о чем свидетельствуют находки рыболовных грузил, рыбьих кос-

* Анализ зерен проведен на кафедре растениеводства Воронежского СХИ Е. А. Лукиной.

* Определение научного сотрудника ИА АН УССР О. П. Журавлева.

** Трасологический анализ этих орудий проведен В. В. Килейниковым.

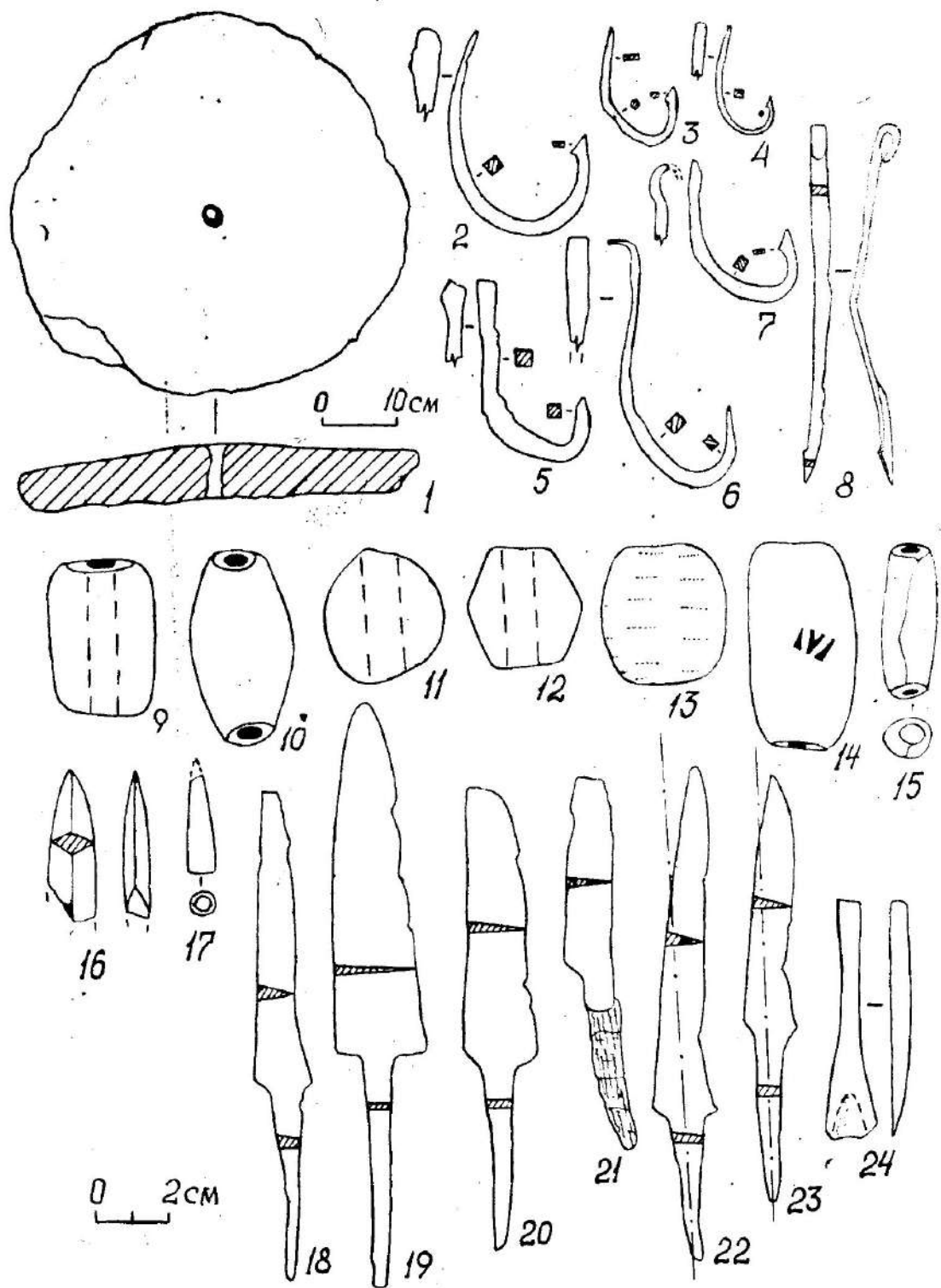

Рис. 6. Орудия труда с Семилукского городища

тей и чешуи во всех выявленных постройках.

Вместе с тем, на исследованной площади городища выделяется участок наибольшей концентрации грузил на площади постройки 2 и рядом с ней. С этого участка происходит около 20 проц. всех грузил, причем пятнадцать из них имеют клеймо владельца (рис. 6, 14). Это наблюдение, на наш взгляд, свидетельствует о том, что ловля рыбы была самостоятельной специальностью отдельных жителей поселка, что не противоречит выводам исследователей о характере рыбного промысла в XII—XIII вв. (Археология СССР, 1985, с. 230—231).

Есть данные и по охоте. Так, на городище встречены кости лисицы, косули, кабана, лося, медведя, кунницы, бобра и зайца. Нельзя не обратить внимания на то, что часто это

кости животных лесных районов (лось, косуля, бобр). Это лишний раз свидетельствует о существовании в данном районе лесных массивов. С охотой могут быть связаны и находки костяных наконечников стрел. Один наконечник, длиной 3,2 см, втульчатый (рис. 6, 17). Другой сохранился частично (рис. 6, 16).

Многочисленна происходящая с городища серия ножей (рис. 6, 18—23). Всего найдено 29 целых или частично сохранившихся ножей. Они имеют длину в пределах 94—166 мм, при ширине клинка 8—25 мм и толщине 2—5 мм. Соотношение ширины клинка к его толщине от 3:1 до 8:1, у большинства ножей — 3:1 — 4:1. Небезынтересно заметить, что ножи с такими соотношениями были характерны для XII—XIII вв. (Колчин, 1959, с. 48—51). На одном экземпляре сохранились остатки дере-

вянной ручки (рис. 6, 21). У всех ножей, за исключением двух, черенок находится ниже обушка, а переход от обушка к черенку либо плавный, либо в виде уступа..

Учитывая форму спинки и расположение острия относительно оси черенка, можно выделить несколько экземпляров ножей, которые интерпретируются как столярные (рис. 6, 22, 23) (Колчин, 1959, с. 54—56; Культура Биляра, 1985, с. 57).

Следует выделить и нож, у которого резко выделен переход к черенку (рис. 6, 19). Он имеет лезвие шириной 24—25 мм и толщиной 3 мм. Видимо, этот нож предназначался для специализированного производства.

Немногочисленны орудия, связанные с об-

работкой металла: железное зубило (рис. 6, 24), точильные бруски и плитки.

Встречены и предметы бытового назначения. Среди них овальное кресало (рис. 7, 1) и ключ от навесного цилиндрического замка (рис. 7, 2), который относится к распространенным с середины XII в. замкам типа В (Колчин, 1982, рис. 3). Найдены также дужки (рис. 7, 3), фрагменты от медных сосудов (клепанных котлов?) (рис. 7, 4, 5), железное ушко от котла (рис. 7, 6). Следует упомянуть находку части составного двустороннего костяного гребешка (рис. 7, 7) и костяного изделия со следами сработанности на заостренном конце (рис. 7, 8).

Пятью экземплярами представлены свинцо-

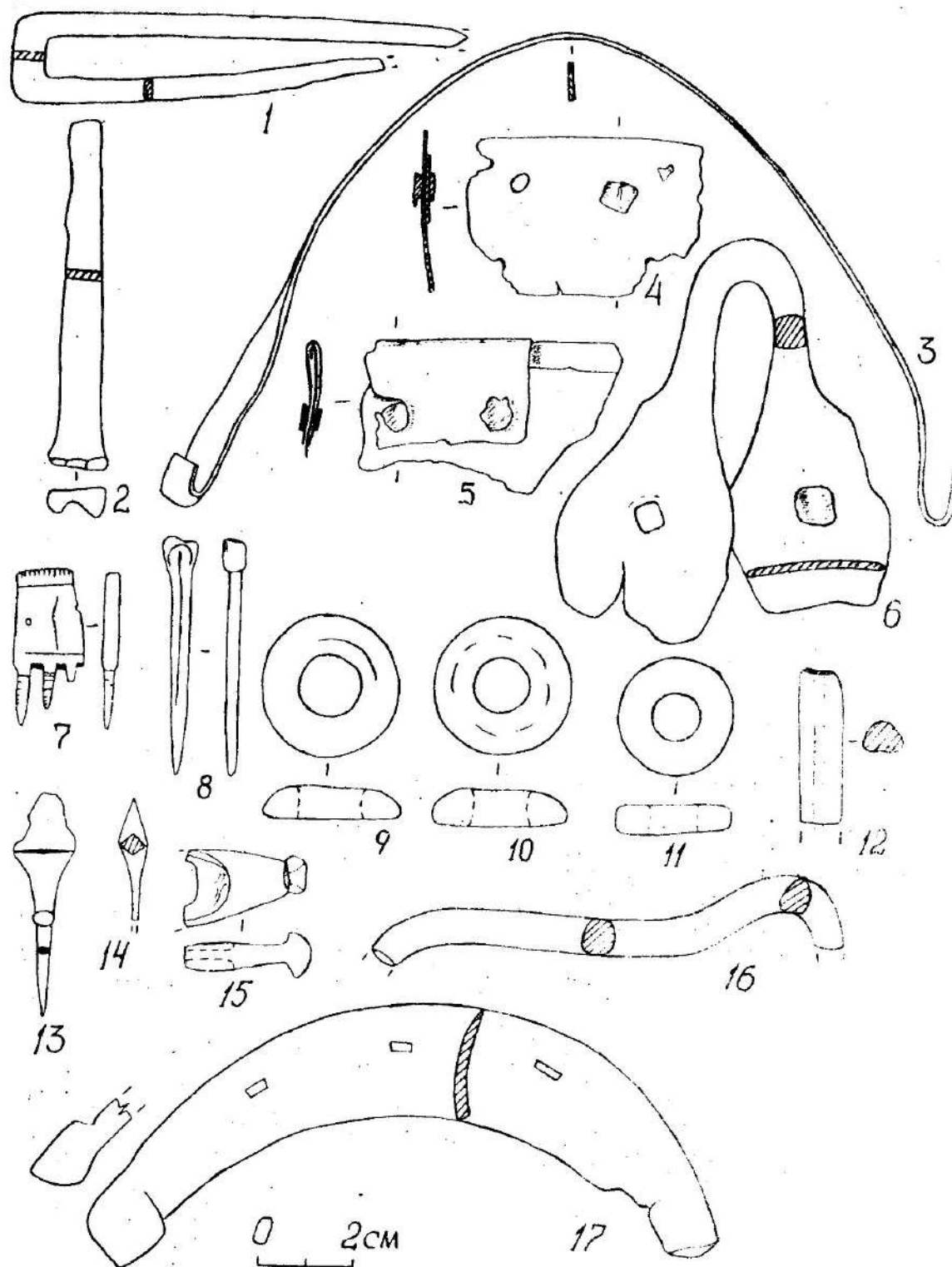

Рис. 7. Бытовые предметы, предметы вооружения и снаряжения коня с Семилукского городища

вые кольца диаметром 2,5—3 см (рис. 7, 9—11). Их назначение неясно. Встречен и обрубок серебряного слитка (гривны?). Его длина 3,2 см, ширина 0,7 см, вес 18,2 гр (рис. 7, 12).

Немногочисленные предметы вооружения, представленные двумя наконечниками стрел (рис. 7, 13, 14), обломком перекрестья сабли (рис. 7, 15). К снаряжению коня относятся два звена от удила (рис. 7, 16) и подкова (рис. 7, 17).

Одну из примечательных серий находок с Семилуцкого городища составляют ювелирные изделия, изготовленные в основном из меди и бронзы. С памятника происходят два вида браслета (рис. 8, 1, 2). Они сделаны из круглой двойной проволоки, сложенной вдвое и перевитой. Типология такого вида браслетов разработана А. В. Арциховским, затем несколько дополнена В. П. Левашевой (Арциховский, 1930, с. 9; Левашева, 1967, о. 208, 216, 222—224). Рассматриваемые браслеты относятся к типу петлеконечных отдела витых, подотдела сложновитых. По мнению исследователей, этот вид украшений датируется XII—XIII вв. (Равдина, 1968, с. 117). Витые браслеты, имея широкую географию распространения, были характерны для памятников территории вятичей (Никольская, 1981, с. 113).

Встречен и пластинчатый загнутоконечный браслет (рис. 8, 3). Он орнаментирован, по-видимому, штампом-колесиком. Являясь более характерными для памятников среднерусских районов, в частности территории вятичей (Никольская, 1981, с. 113), пластинчатые загнутоконечные браслеты встречаются и южнее, в том числе и на Донецком городище (Шрамко, 1962, рис. 143, 2).

Тремя экземплярами представлены перстни. Два перстня решетчатые. Один из них, сохранившийся полностью, по классификации А. В. Арциховского, относится к типу трехзигзаговых (рис. 8, 4) (Арциховский, 1930, с. 73, 74, рис. 59). Такого типа перстни также характерны для вятической территории (Арциховский, 1930, с. 71; Никольская, 1981, с. 112; Недошивина, 1967, с. 259—260) и, по мнению Т. В. Равдиной, получили распространение с начала XII в. (Равдина, 1975).

Еще один перстень имел щиток, разделенный на три зоны косыми насечками (рис. 8, 5). В каждой зоне располагался ряд колечек. Близкие по форме перстни известны в курганах вятичей (Никольская, 1981, рис. 40, 8, 12). Нельзя не отметить некоторое сходство рассматриваемого перстня с так называемыми подзорчатými перстнями (по терминологии Н. Г. Недошивиной), также происходящими с памятников территории вятичей (Недошивина, 1967, с. 260, рис. 33, 4). Примечательно, что перстень оказался недолитым при изготовлении, что указывает на его безусловно местное производство.

Двумя экземплярами представлены привески-бубенчики с линейной прорезью и тройным рельефным пояском (рис. 8, 6, 7). Такие бубенчики получают распространение на широ-

кой территории в конце XI — первой половине XIII вв.

Встречено перстнеобразное проволоочное височное кольцо с загнутым наружу кольцом (рис. 8, 8). Височные кольца этого типа были широко распространены в XI—XIV вв., особенно на территории Северной Руси (Седова, 1981, с. 13, рис. 3, 7, 8). Часты их находки и в вятических курганах (Никольская, 1981, с. 111, рис. 40, 4).

Интересна находка серьги в виде знака вопроса (рис. 8, 9). На ее стержень, конец которого загнут, надета бронзовая трубочка и намотана проволока. Близкие по форме серьги на древнерусских памятниках появляются после монгольского нашествия. Они широко представлены на памятниках кочевников XIII—XIV вв., но формирование этого типа украшений, видимо, восходит к XI—XII вв. (Казаков, 1978, с. 67).

Особенно следует выделить бронзовую кольцевидную фибулу диаметром 2,5 см (рис. 8, 10). На пластинке фибулы расположены восемь «стаканчиков», в пяти из которых сохранились вставки из стекла зеленого цвета. В двух «стаканчиках» были вставки из стекла красного цвета. От кольца фибулы отходят восемь лучевидных выступов. На каждом из них штампом нанесено «антропоморфное» (?) изображение. Близкая по форме фибула со вставками найдена на Рюриковом городище под Новгородом.* Не исключено, что фибула с Семилуцкого городища имеет, скорее всего, западноевропейское происхождение.

Украшением костюма являлась изготовленная тиснением из тонкой свинцовой пластинки бляшка прямоугольной формы (рис. 8, 11). Орнамент бляшки состоит из симметрично расположенных растительных побегов, характерных для орнаментации древнерусских изделий. На бляшке есть четыре отверстия для пришивания к ткани.

Значительный интерес представляет наременный наконечник, встреченный в погребной постройке 14 (рис. 8, 12). Изготовлен он из тонкой железной пластины. Длина наконечника 7,3 см, ширина до 2 см. Длинные стороны вогнуты к центральной оси. Мыс наконечника удлиненный. В пластине имеются пять отверстий. В трех из них сохранились железные заклепки. По краям длинных сторон наконечника расположены валики, между которыми на железной основе закреплена сохранившаяся частично тонкая золотая пластинка (аппликация). По длинной оси аппликации расположен прорезной орнамент в виде ромбов. Кроме того, по аппликации нанесена насечка каплевидными заусеницами. По форме и характеру орнаментации этот наконечник имеет ближайшие аналогии в материалах каменского этапа аскизской культуры Южной Сибири (Кызласов, 1983, с. 55, 59—60, табл. IX, 55, 56, 73). И. Л. Кызласов датирует каменский этап аскизской культуры в целом XIII—XIV вв. или даже

* С прорисовкой этой фибулы нас ознакомил Е. Н. Носов.

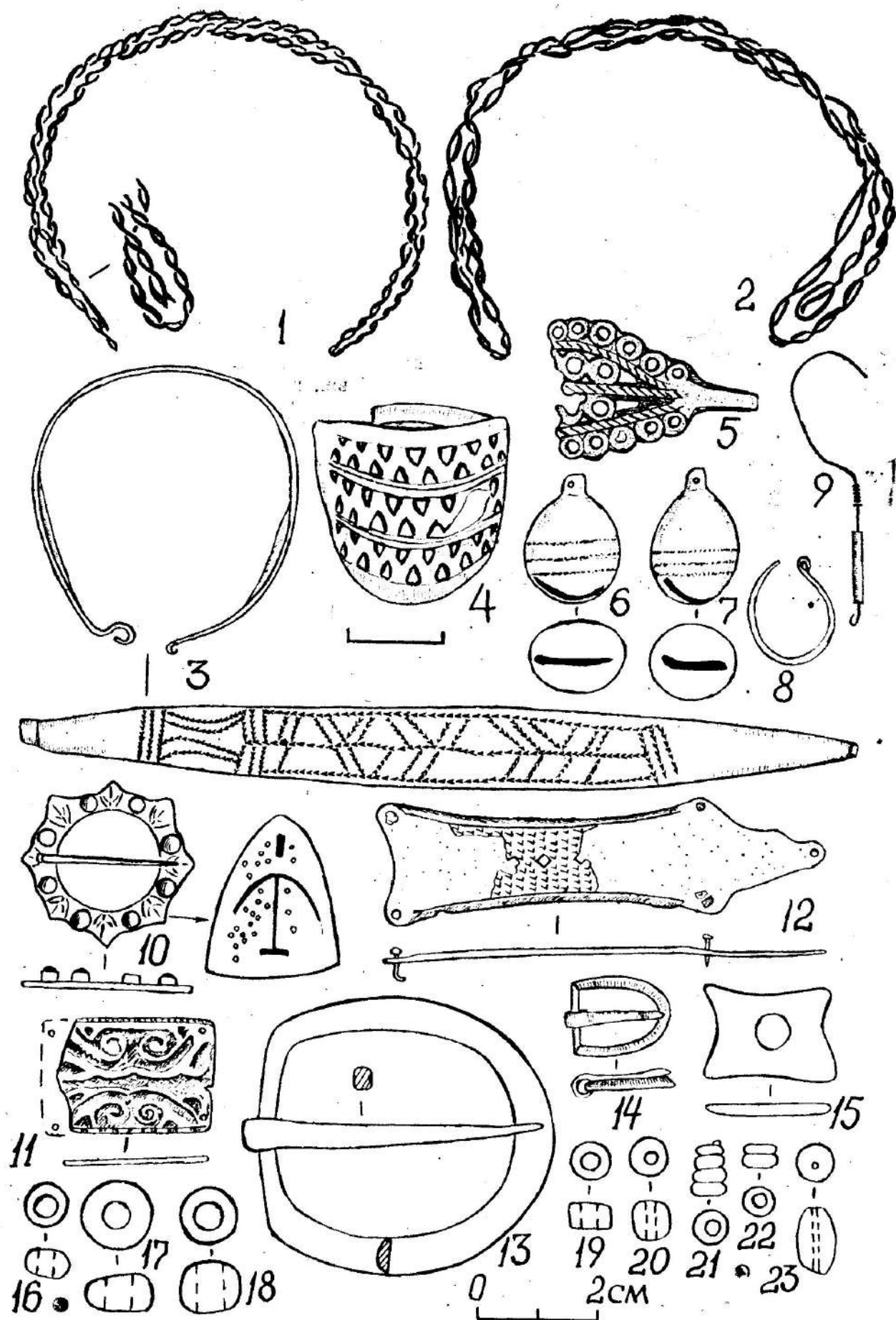

Рис. 8. Украшения, принадлежности одежды с Семилукского городища

серединой — второй половиной XIII—XIV вв. (Кызласов, 1983, с. 66, 67). Однако надо иметь в виду, что отдельные вещи каменного этапа встречаются на древнерусских памятниках в домонгольских слоях (Зимальнович, 1965, с. 93, 97, рис. 35, 15; Никольская, 1981, рис. 95, 17, с. 164). Это не исключает возможности

уточнения датировки такого рода вещей и для памятников собственно аскизской культуры.

Предположительно принадлежностями костюма являются также железная (рис. 8, 13), бронзовая (рис. 8, 14) и костяная пряжки (рис. 8, 15).

Многочисленна серия украшений из стекла. Она включает 35 фрагментов стеклянных браслетов и 16 бусин. Браслеты двух форм — крученые и гладкие. Они имеют синий, черный, коричневый, зеленый, бирюзовый цвета. Два браслета желтого цвета с желтой спиралью. По заключению Ю. Л. Шаповой, браслеты с Семилуцкого городища южнорусского производства.*

Различную форму имеют бусы: круглую, кольцевидную, эллипсоидную, цилиндрическую, винтообразную (рис. 8, 16—22). Разнообразна их цветовая гамма. Одна из бусин (рис. 8, 17), по заключению Ю. Л. Шаповой, имеет византийское происхождение.

Есть и бусина из горного хрусталя (рис. 8, 23).

Полученные в 1984—1986 гг. при исследовании Семилуцкого городища материалы в значительной степени подтверждают уже излагавшуюся нами его социально-историческую оценку (Пряхин, Цыбин, 1986 б, 1987 а, б).

Данный населенный пункт с самого начала был основан как сторожевая крепость, контролировавшая подступы в южные районы Рязанской земли. Дело в том, что несколько вы-

* Авторы признательны Ю. Л. Шаповой за сделанные ею заключения.

ше Семилуцкого городища в эпоху средневековья кочевники традиционно переправлялись через Дон, выходя в донно-воронежское междуречье и далее к Рязани (Водарский, 1977, рис. 1). Семилуцкое городище, надо думать, контролировало эту переправу через Дон. Но этим функции вновь возникшего населенного пункта не ограничивались. Одновременно это и административный центр складывавшейся сельской округи. Немаловажную роль играли и торговые связи, развитию которых способствовало расположение городища на водном торговом пути по Дону. Надо иметь в виду, что значительная часть укрепленных пунктов, входивших в оборонительную систему на юге Руси, представляла собой хозяйственные, административные и военные центры феодальных владений (Довженко, 1968, с. 43). П. П. Толочко называет памятники такого типа военно-феодальными поселениями (Толочко, 1980, с. 162).

Возникновение Семилуцкого городища было обусловлено процессом формирования территорий феодальных княжеств и их периферий. Развитие поселка шло по пути перерастания его именно в поселение городского типа. Однако этот процесс был прерван монгольским нашествием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985.
2. Арциховский А. В. Курганы вятичей. М.: РИИО, 1930.
3. Беседин В. И., Беседина В. В. Семилуцкое городище на Дону // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983.
4. Бобринский А. А. Древнерусский гончарный круг // СА. 1962. № 3.
5. Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М.: Наука, 1977.
6. Довженко В. И. Сторожевые города на юге Киевской Руси // Славяне и Русь. М., 1968.
7. Дьяченко А. Г. Славянские памятники VIII — середины XIII вв. в бассейне Северского Донца: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
8. Дьяченко А. Г. Гончарное ремесло древнерусского города Донца // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985.
9. Зимальнович И. Д. Раскопки в детинце Новгородка в 1962 г. // КСИА. 1965. Вып. 104.
10. Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978.
11. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.
12. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
13. Куза А. В. // СА. 1984. № 3. — Рец. на кн.: Никольская Т. Н. Земля вятичей. М.: Наука, 1981.
14. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X—XII вв. М.: Наука, 1985.
15. Кучера М. П. Керамика // Археология Украинской ССР. Киев: Наук. думка, 1986, Т. 3.
16. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв. // САИ. 1983. Вып. ЕЗ-18.
17. Левашева В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.
18. Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли XII—XIII вв. // КСИА. 1969. Вып. 120.
19. Малый В. А. Промыслы древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Тр. ГИМ. 1956. Вып. 32.
20. Мансуров А. А. Старо-рязанские и пронские гончарные клейма // СА. 1946. Т. VIII.
21. Монгайт А. Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
22. Москаленко А. Н., Винников А. З. Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону (материалы к археологической карте) // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966.
23. Недошивина Н. Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Тр. ГИМ 1967. Вып. 43.
24. Никольская Т. Н. Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М.: Наука, 1981.
25. Никольская Т. Н. Городище Слободка XII—XIII вв. М.: Наука, 1987.
26. Олейников Т. М. Отчет об археологических разведках, произведенных летом 1927 г. // Архив ЛО ИА АН СССР. Ф. 2. 1927, № 208.
27. Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Древнерусское Семилуцкое городище // АО — 1984. М., 1986 а.
28. Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Исследование многослойного Семилуцкого городища // Археологические памятники эпохи бронзы восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1986 б.
29. Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Семилуцкое городище XII—XIII вв. на р. Дон // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной конференции. М., 1987а.
30. Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Исследование Семилуцкого городища домонгольского времени на р. Дон // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1987 б.
31. Пряхин А. Д., Винников А. З., Цыбин М. В. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1987.
32. Пряхин А. Д. Исследование Семилуцкого городища // АО—1985. М., 1987.
33. Равдина Т. В. О датировке витых браслетов (по материалам Серенского городища) // КСИА. 1968. Вып. 113.

34. Равдина Т. В. Хронология «вятических» древностей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
35. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище // САИ. 1975. Вып. Е1-32.
36. Розенфельдт Р. Л. К вопросу о гончарных клеймах // СА. 1963. № 2.
37. Седов В. В. От редактора // Никольская Т. Н. Земля вятичей. М.: Наука, 1981.
38. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XIV вв.) М.: Наука, 1981.

39. Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев: Наук. думка, 1980.
40. Толочко П. П. Массовая застройка Киева X—XIII вв. // Древнерусские города. М., 1981.
41. Тухтина Н. В. Средневековые славянские гончарные клейма // Тр. ГИМ. 1960. Вып. 37.
42. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1962.
43. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.

И. Т. ШАТОХИН

ТИПОЛОГИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФАСА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

В середине XVII в. вдоль лесостепной окраины Русского централизованного государства была возведена одна из особенно мощных оборонительных линий, получившая название «Белгородской черты». Копируя в большой степени сооруженные ранее Заокскую и другие «черты», Белгородская черта вместе с тем представляла собой значительно более сложную и крупную по масштабам фортификационную систему. Начинаясь в среднем течении р. Ворсклы, где проходила в то время русско-польская граница, Черта доходила до бассейна р. Цны, перекрывая почти на 800-километровом участке основные пути вторжений крымских татар и ногайцев в глубинные районы страны.

До настоящего времени Белгородская черта остается одним из наименее изученных памятников отечественного военного зодчества. В силу этого такие принципиально важные вопросы, как система обороны, характер и типы оборонительных сооружений и другие, непосредственно связанные с главным назначением Черты, почти не освещены в научной литературе. В той или иной степени их касались лишь историки И. Д. Беляев (1846), Д. И. Багалей (1887) и В. П. Загоровский (1969). Ими же были опубликованы и важнейшие письменные источники для освещения этих вопросов, почерпнутые главным образом из фондов Разрядного приказа.

Археологически Белгородская черта, как известно, практически не изучалась. Исключением являются небольшие раскопки Голышевского (Архангельского) городища, проведенные в 50-е годы А. Н. Москаленко и А. З. Винниковым (1966, с. 55—56), а также раскопки А. Г. Дьяченко Хотмыжского городища в 1983 году (Дьяченко, 1985). К сожалению, полученные в ходе этих работ материалы носят фрагментарный характер и могут быть использованы только для дополнений и уточнений в процессе детального анализа основной источниковой базы — письменных данных.

В настоящей статье предпринята попытка охарактеризовать оборонительную систему Черты на материалах, относящихся к ее юго-западному фасу. Первоочередное внимание к этому отрезку вызвано тем, что во все периоды существования Белгородской линии он иг-

рал особую роль, перекрывая одновременно три главных направления татарских вторжений: Муравский, Изюмский и Кальмиусский шляхи (рис. 1).

Рассматриваемый участок имеет протяженность 425 км., что составляет 53,2 проц. всей длины Черты. Крайним юго-западным пунктом его был Каменецкий колодезь на р. Ворскле, на востоке естественным рубежом служило место впадения р. Тихая Сосна в Дон. Из 25 участков Белгородской черты, выделенных В. П. Загоровским (1969, с. 164) на юго-западный фас приходится 14.

Главными узлами обороны Черты являлись города-крепости. Все они занимали важное стратегическое положение. Гарнизоны городов-крепостей защищали не только города и подчиненные им участки оборонительной линии. Они осуществляли также ремонт искусственных оборонительных сооружений, отражали нападение татарских отрядов, высылали в поле и в стоялые острожки на Черте отряды для наблюдения за главными татарскими дорогами и всеми их ответвлениями.

На юго-западном фасе стояло 13 городов-крепостей. Они имели **конструкцию стен** — главного элемента обороны — трех видов: 1) рубленые стены, т. е. поставленные «по-городовому», 2) деревянная острожная стена; 3) «земляной город». Исходя из этого, все города-крепости рассматриваемого участка можно разделить на два типа.

К 1 типу относятся города-крепости, стены которых возведены каким-либо **одним** из трех вышеуказанных способов. Первый тип имеет **три подтипа**.

Первый подтип включает города, стены которых представляют собой самый распространенный вид конструкции крепостных стен на Черте — **деревянный острог**. Таких городов было шесть — Вольный, Хотмыжск, Новый Оскол, Верхососенск, Олышанск, Острогожск.

Главным элементом конструкции острожной стены является плотный ряд вертикально вкопанных бревен длиной 3 сажени. С внутренней стороны к такой стене крепились «кровати» — помост, который был основой верхнего яруса обороны (Загоровский, 1969, с. 79—80). Над острожной стеной располагался выступающий вперед навес, который назывался обла-

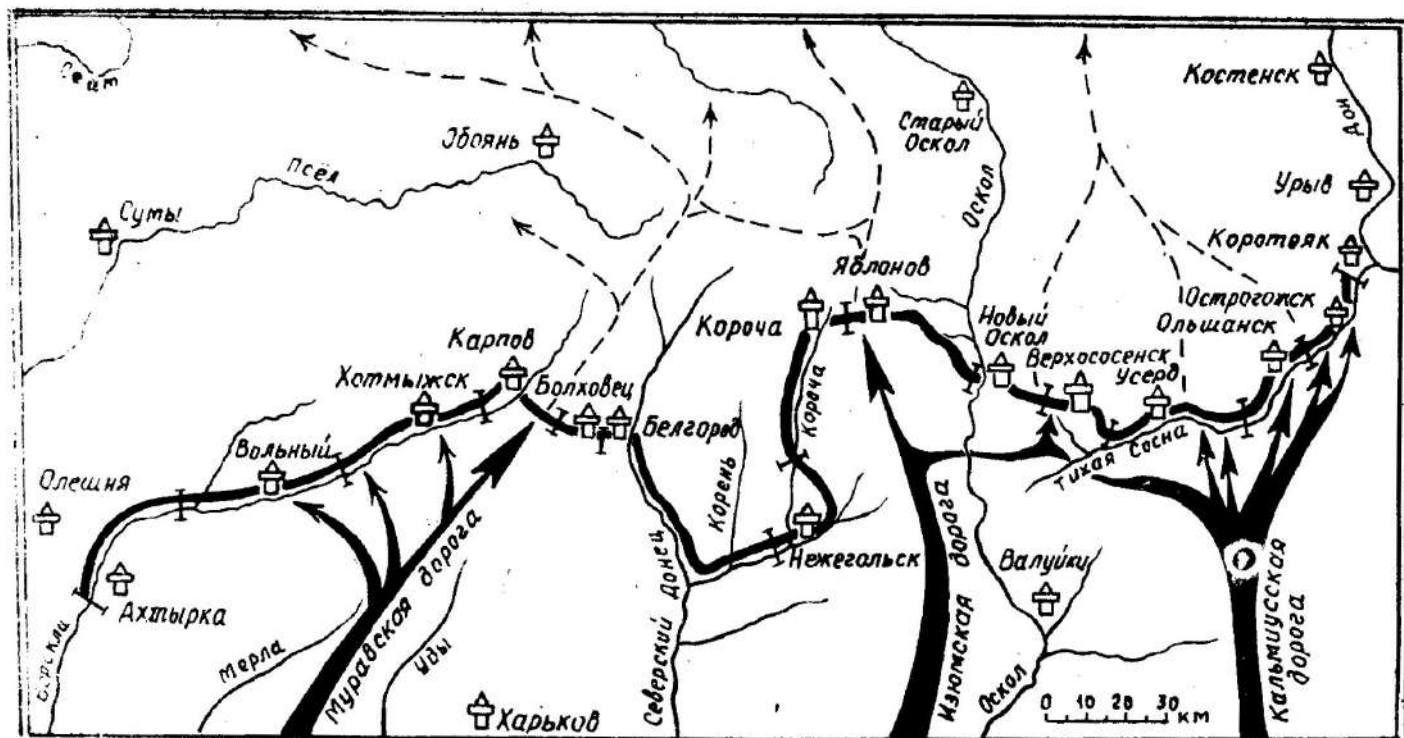

Рис 1. Карта-схема юго-западного фаса Белгородской черты (по В. П. Загоровскому)

мом. Он состоял обычно из трех горизонтально расположенных рядов бревен (Загоровский, 1969, с. 80). В самой острожной стене и в облаках были сделаны бойницы.

Второй подтип представлен городами с рублеными стенами, которые были образованы соединением прямоугольных срубов-клетей. Как и острожная, рубленая стена имела обламы. Бойницы имелись в облаках и стенах (Загоровский, 1969, с. 79).

Стены, срубленные «по-городовому», были более прочными нежели острожные, поэтому они использовались при строительстве городов-крепостей на наиболее опасных местах Черты (Карпов, Короча, Усерд).

«Земляной город» — **третий подтип** первого типа городов-крепостей. Земляной город представляет собой территорию, окруженную со всех сторон валами, которые имели дополнительные деревянные укрепления, как правило, башни (Загоровский, 1969, с. 84). Так, в Нежегольске — единственном городе этого подтипа — было шесть дубовых башен, четыре из которых были проезжими.

Города **второго типа** имеют более сложную структуру оборонительного комплекса. В таких городах существовало либо две линии укреплений (Яблonoв), либо они состояли из двух частей, различных по технике их возведения (Белгород).

В силу оригинальности укреплений в каждом из двух вышеуказанных городов следует рассматривать их более детально.

Яблonoв — одна из наиболее мощных и важных крепостей Белгородской черты. Город и его участок перекрывали Изюмский шлях. Первоначально предполагалось, что Яблonoв будет центром Черты.

Внешняя линия обороны была образована кольцевым валом, укрепленным дубовыми бревнами. Такая деревоземляная стена имела

протяженность 749 саж. На ней стояли 13 башен, 4 из которых были проезжими.

Внутри земляного города был поставлен деревянный рубленый город. Длина стен внутренней крепости 150 саж. Две глухих и одна проезжая башни значительно усиливали обороноспособность Яблonoва (Загоровский, 1969, с. 189).

Белгород — военно-административный центр всей Черты. Ко времени сооружения оборонительной системы город располагался на левом, восточном берегу р. Северский Донец и был в стороне от возводимых укреплений. После сооружения вала от р. Ворскла до р. Северский Донец в 1646 г. встал вопрос о переносе города на новое место — на правый берег к устью р. Везеница, где завершался построенный вал.

Осенью 1650 г. Белгород был перенесен к устью Везеницы, где к сооруженному валу Ворскла — Сев. Донец был пристроен деревянный острог. Длина его стен составляла 558 саж (1,2 км). Острог имел 11 башен. Около всех четырех проезжих башен были «земляные отводные городки». Эти выступы давали возможность гарнизону вести фланговый огонь по неприятелю в случае осады.

За острожной стеной был отрыт ров глубиной 3 саж. и такой же ширины. Песчаная почва не позволяла долго сохранять такой профиль, поэтому позже ров сделали мельче (2 саж.), но шире (5 саж.).

Земляной город, пристроенный позже с восточной стороны к острогу, был значительно больше и доходил до Сев. Донца. Длина стен земляного города с трех сторон была равна 1887 саж. (4 км). Земляные валы были с севера — где на мощном валу стояли дополнительные укрепления — туры, и с юга — где общим с острогом укреплением был вал Ворскла — Сев. Донец.

С запада и востока земляной город имел острожные стены, которые были укреплены 3 проезжими и 5 глухими башнями.

Связь между двумя частями города осуществлялась через Никольские ворота, расположенные в середине восточной стены острога. На Никольской башне были и большие часы с боем — единственные часы на Белгородской черте, что подчеркивало ведущую роль Белгорода (Загоровский, 1969, с. 180—181).

Особняком в нашей классификации стоит Болховец, который в документах обычно именуется земляным городом, однако он имел и деревянные укрепления. Болховец был окружен земляным валом, из-за которого его называли земляным городом, но сразу за валом с внутренней стороны была деревянная острожная стена с семью башнями (Загоровский, 1969, с. 178).

Таким образом, город имел как бы две линии обороны, что сближает его с городами второго типа, но в то же время он имеет и много сходного с крепостями первого типа, так как вал и острожная стена с башнями составляли единый комплекс обороны. Отметим в этой связи, что многие города имели перед острожными или рублеными стенами дополнительные укрепления, как например, ров перед стенами Вольного и Хотмыжска, вал у Верхосенска, надолбы у Нового Оскола и Острогжска и др.

Особо необходимо сказать о городах, расположенных к югу от Белгородской черты и основанных либо раньше, либо во время ее сооружения. В первую очередь следует рассмотреть роль Ахтырки. В. П. Загоровский (1969, с. 164—169) много внимания уделял анализу соответствующих источников и пришел к выводу, что Ахтырка находилась «за чертой». Однако это не означает, что крепость Ахтырка не входила в систему обороны Черты. Белгородскую черту нельзя рассматривать как неширокую полосу укреплений и естественных препятствий, протянувшихся на 800-километровую длину. Надо учитывать города, укрепленные пункты, поселения и труднопроходимые места, располагавшиеся как к северу, так и к югу от Черты, иногда и на значительном расстоянии, как, например, крепость Валуйки. Эта крепость, построенная в 1599 году, была одним из первых городов на южной окраине Русского государства, которые скорее сами «прятались» от татарских набегов за реками, лесами, болотами, чем защищали рубежи государства. Тем не менее эти города сыграли важную роль в общем процессе укрепления южной границы страны, они потянули за собой широкую волну колонизации, в определенной степени устраняли эффект внезапности нападения крупных татарских отрядов на города и села центральных районов России. С возведением Белгородской черты из Валоек несомненно посылались гонцы в Усерд или Новый Оскол с сообщениями о наличии татарской конницы в прилегающей степи, о ее продвижении на север.

Помимо городов на юго-западном фасе были и другие пункты обороны, которых насчитывалось 109. Это земляные городки, острожки, башни за пределами крепостей.

Земляным городком называлась территория, окруженная со всех сторон валом и служившая долговременным оборонительным пунктом. Такие городки часто встречаются на Черте. Например, на участке между Карповым и Белгородом, где Черта перекрывала Муравскую дорогу, было 19 земляных городов: 9 на Карповском участке, 7 — на Болховецком, 3 — на Белгородском (Загоровский, 1969, с. 176—179). Для большей надежности они могли дополняться башнями.

Всего же на юго-западном фасе Черты было по нашим подсчетам 54 земляных городка. В 12 из них были башни, а еще в 8 так называемые «караульные избы», которые как самостоятельные укрепления не применялись и предназначены были для отдыха сменного гарнизона, хранения продуктов и боевого снаряжения.

Острожки были сходны с земляными городками. Это тоже небольшие укрепленные пункты со сменными гарнизонами. Главным их элементом была острожная стена, обычно дубовая, высотой 2 саж. или «две сажени без чети», что составляет 3,7 м. В трех из 20 острожков были башни, а еще в одном «кровати караульные».

Четыре острожка были вынесены вперед от основных укреплений Черты. Новый Оскол имел в качестве передового рубежа острожек на Жестовых горах. На Ольшанском участке на южном («крымском») берегу р. Тихая Сосна у Чесночного брода был Чесночный или Орлов острожек. У Острогжска передовых пунктов было сразу два: Отъезжий городок и острожек в центре дубовой острожной стены между двумя лесными массивами.

Самым большим из острожков рассматриваемого отрезка Черты был Гридякин или Раздорский на Усердском участке. Это квадратной формы деревянный острог со стороной в 13 саж. (Загоровский, 1969, с. 199). Другие острожки были меньшими по размерам. Например, Чесночный (Орлов) — 25 кв. саж., Осиновый — 30 кв. саж. (оба на Ольшанском участке).

Широко использовались как укрепленные единицы и **деревянные башни**. 50 башен юго-западного фаса (без учета башен городов) были солидным дополнением к земляным укреплениям. 12 таких башен были в земляных городках, 3 — в острожках. Остальные башни, как правило, стояли на валах; большинство из них имели, как и острожки и земляные городки, небольшие сменные гарнизоны.

Некоторые башни были проезжими. Так, на Яблоновском участке их было две: Хмелевая и еще одна с запада от Яблонова, а третья — Каланча — контролировала расположенные рядом ворота для выезда в поле. Многие башни были высокими, что позволяло использовать их как наблюдательные вышки.

На юго-западном фланге, как и на других участках Черты, наблюдается прежде всего хорошо продуманное сочетание искусственных оборонительных сооружений с естественными препятствиями, 127 км, которые составляют более половины общей протяженности интересующей нас полосы, укреплены валами, засеками, надолбами, острожной стеной. 208 км не имеют никаких искусственных сооружений. Они надежно защищались лесами, реками, болотами и топями и, таким образом, были непроходимыми для татарской конницы.

Сопоставление количественных и качественных характеристик укреплений юго-западного и северо-восточного участков Белгородской черты (табл. 1) показывает, что юго-западный участок был более серьезно укреплен и на большей своей протяженности. Из 425 километров 201,5 км (или почти половина) имел искусственные сооружения. 109,2 км валов (62,9 проц. от всей их протяженности на Белгородской черте) и 80 км (100 проц.) засек — этих наиболее серьезных для татарской конницы препятствий — были сосредоточены на юго-западном фасе черты (табл. 1).

Такое распределение укреплений связано со стратегическим и географическим факторами. Юго-западный фланг Черты, как уже отмечалось выше, перекрывал три татарские дороги на север, а северо-восточный участок только одну. Немаловажное значение имело и то, что северо-восточный участок практически полностью проходил по рекам (Дон, Воронеж, Усмань, Полный Воронеж) и, следовательно, имел лучшую естественную защиту.

Сравнительный анализ использования различных типов искусственных сооружений (табл. 1) показывает, что самым распространенным из них был земляной вал. На валы приходится половина искусственно укрепленной части юго-западного фаса, что составляет 109,2 км. Обычно вал насыпался в наиболее опасных местах, какими являлись степные участки между городами, участки между городом и рекой, между городом и лесом. По этой причине валы имелись между Карповым и Болховцом, Болховцом и Белгородом, Корочей и Яблоновым, Новым Осколом и Верхососенском.

Иногда вал сооружался и для усиления слабо выраженных участков естественных препят-

ствий в виде рек. Именно с этой целью были насыпаны валы за реками Нежеголь, Тихая Сосна и Северский Донец.

Длина валов была различной: от десятков и сотен сажен до многих километров. Например, вал между Яблоновым и Холанским лесом имел протяженность 9 км, а между Корочей и Яблоновым — 14 км. Между Новым Осколом и Верхососенском, Карповым и Белгородом — длина валов достигала 27 км.

Высота валов обычно не превышала 1,5 саж. (3,2 м), но были и более высокие насыпи в «две сажени безчети» (3,7 м), которые стояли между Корочей и Яблоновым, Новым Осколом и Верхососенском. Почти все валы были укреплены с «крымской» стороны «дубовыми ослонами». — жердями, бревнами и плахами, положенными на откос вала для предотвращения его размывания и расползания.

Перед валом всегда имелся ров шириной до 2 саж. и глубиной в половину сажени. Перед рвом и валом на более опасных участках были и дополнительные укрепления — надолбы, тарасы, плетни.

Засеки проходили в основном по северному берегу р. Ворскла на протяжении 63 км. Остальные 16,5 км засек были устроены в лесах по Тихой Сосне. Ограниченное использование этого типа укреплений связано с наличием значительных обезлесенных пространств. Ширина засек колебалась в пределах 20—40 саж. В наиболее опасных местах ширина засеки могла достигать до 60 саж., а в двух случаях на Хотмыжском участке засека была устроена на обоих берегах реки.

Рвы как самостоятельные укрепления не применялись. Они всегда сопутствовали валам или входили составной частью в комплекс укреплений города-крепости.

Проектировщики и строители Белгородской черты хорошо знали о древних поселениях и укреплениях в районах, где проходила новая оборонительная линия. Они использовали не только старые городища, на которых ставили новые крепости и острожки, но и их укрепления — рвы и валы. Так, с русской стороны вала Карпов — Болховец имелось два рва, оба «старые» (Загоровский, 1969, с. 176). На Острогжском участке в систему укреплений был включен «старинный вал» длиной около 1 км. Он был насыпан поперек р. Острогощи

Таблица 1. МАСШТАБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ УКРЕПЛЕНИЙ НА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЕ

№ п/п	Виды укреплений	Распределение укреплений					
		на всей Черте		на юго-западном участке		на северо-восточном участке	
		км	%	км	% от протяженности укрепл. данного вида	км	% от протяженности укрепл. данного вида
1.	Валы	173,5	53,0	109,2	62,9	64,3	37,1
2.	Засеки	80,0	24,5	80,0	100	0	0
3.	Надолбы	70,5	21,6	10,0	14,2	60,5	85,8
4.	Острожные стены	2,0	0,6	1,7	85	0,3	15
5.	Тарасы	1,0	0,3	0,6	60	0,4	40
	Всего:	327	100	201,5	—	125,5	—

между лесами (Загоровский, 1969, с. 203).

Надолбы встречаются на всех участках юго-западного фланга Черты. Они могли выступать как самостоятельные укрепления, так и в сочетании с другими видами оборонительных сооружений. В менее опасных местах надолбы только дополняли естественные препятствия.

Надолба представляла собой конструкцию из 2 или 3 бревен, вкопанных в землю и соединенных между собой крестом. Иногда надолбы соединялись в единую цепь поперечными бревнами «связями» или «наметами».

Протяженность линий надолб была различной: от нескольких сажен и десятков сажен, когда они перекрывали тропинки и поляны в лесах по Ворскле, до четырехсот сажен. На левом берегу Северского Донца, например, линии надолб чередовались с небольшими валами или лесом.

Использовались надолбы также для защиты пригородных слобод городов-крепостей (Болховец, Нежегольск, Короча, Верхососенск), ворот и дорог в поле у Карпова, Нежегольска, Нового Оскола.

Острожная стена представляла собой плотный ряд бревен, вкопанных в землю на 1 сажень и заостренных сверху. Высота равнялась 2 сажням. Помимо своего главного назначения — быть основным элементом обороны крепости — она играла важную роль и в системе полевых укреплений. Около 1,7 км стен на разных участках юго-западного фаса Черты перекрывали наиболее уязвимые точки: обычно места соединения комплекса сооружений крепости с основными укреплениями Черты — валом, засекой. Именно так располагались острожная стена у Карпова, где она была дополнена рвом и надолбами, а в центре усиливалась еще и башней. У Яблонова дубовая стена с запада и востока соединяла укрепления города с валами, а с восточной стороны в месте соединения стены и вала были ворота, которые контролировались башней Каланчой (Загоровский, 1969, с. 189—190). У Ольшанска острожная стена длиной 171 саж. также соединяла вал и укрепления города.

Известно два случая, когда острожная стена выносилась вперед от города. Под Новым Осколом 13-саженная стена соединила линию надолб, идущую от р. Оскол, и вал. Южнее

Острогожска стена дополняла деревянный острожек с воротами.

Еще в двух местах стена прошла через топи и болота, соединив валы: на Карповском участке ее длина 10 саж., на Новооскольском 162 саж.

Тарасы представляли собой деревянные срубы, связанные между собой и заполненные землей, песком, щебнем. Они использовались как самостоятельные укрепления на 6 участках юго-западного фаса. В сочетании с надолбами тарасы были поставлены на Олешнянском, Вольновском, и Хотмыжском участках, а в сочетании с валами — на Новооскольском и Ольшанском.

Из других типов укреплений следует отметить частик, вбитый в дно Тихой Сосны и усиленный «кобылинами» вдоль берега, а также «частик в колодах» по берегу той же реки. Все эти укрепления находились на Острогожском участке и занимали всего около 0,6 км.

Итак, юго-западная часть Белгородской черты выделяется большим количеством различных по характеру оборонительных сооружений. Главными среди них были города-крепости (13), выполнявшие функции узловых пунктов обороны, которые могли выдержать длительную осаду противника. Хорошо продуманное сочетание многообразных искусственных укреплений дополнялось тесной связью последних с рельефом, в особенности с естественными препятствиями. Это позволило создать фортификационную линию, о степени надежности которой говорит тот факт, что за всю историю существования Черты татарской коннице не удалось прорвать ее практически ни в одном месте от Ахтырки до Тихой Сосны. Отдельные случаи «проломов» укреплений на Новооскольском участке во время русско-турецкой войны 1676—1681 гг. не противоречит сделанному выводу, так как боевые действия при этом не углублялись дальше военной зоны названного участка.

Таким образом, укрепления юго-западного фланга Белгородской черты сыграли важную роль в защите одного из наиболее опасных отрезков степной границы Московской Руси. Как памятники русского военного зодчества эпохи феодализма, они нуждаются в более глубоком и всестороннем изучении, в том числе и путем проведения широкомасштабных археологических работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багадей Д. Н. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.
2. Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
3. Дьяченко А. Г. Исследования Хотмыжского городища // АО—1983. М., 1985.

4. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
5. Москаленко А. Н., Винников А. З. Древнерусские археологические памятники на верхнем и среднем Дону (Материалы к археологической карте) // Труды ВГУ. Т. 64. Воронеж, 1966.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГД	— Атлас точечных древностей. М.
АДУ	— Археологічні дослідження на Україні. Київ
АИУ	— Археологические исследования на Украине. Киев
АО	— Археологические открытия. М.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС	— Археологический съезд
ВСЯ	— Вопросы славянского языкознания. М.
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДИ СССР	— Декоративное искусство СССР. М.
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЖС	— Живая старина. М.
ЗВУАК	— Записки Всеукраїнського археологічного комітету. Київ
ИАК	— Известия Археологической комиссии. СПб.
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
ИОЛЕАЭ	— Императорское общество любителей естествознания, археологии и этнографии
ИСОХЕ	— Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Харьков
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь
ИЭ	— Историческая этнография. Л.
КБЧ	— Емка Большому Чертежу
КЗВУАК	— Короткі звідолення Всеукраїнського археологічного комітету. Київ
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. М.; Киев
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛРЛД	— Летописи русской литературы и древности. М.
МАО	— Московское археологическое общество
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО	— Русское географическое общество
РИС	— Русский исторический сборник. М.
РФ	— Русский фольклор. М.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М.
Сб. НУ	— Сборник за народни умотворения. София
Сб. ХИФО	— Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
СЭ	— Советская этнография
ТД СОИФК и ИИИМК	— Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Института истории материальной культуры АН СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.
ТЗС	— Труды по знаковым системам. Тарту
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея. М.
Тр. VII МКАЭН	— Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.
ФД	— Філософська думка. Київ
АОН	— Acta orientalia, Academiae scientiarum Hungaricae, Budapest
АiSlPh	— Archiv für Slavische Philologie.
ČSM	— Časopis Českeho Musea
JAOS	— Journal of American Oriental Society
RO	— Rocznik orientalistyczny
SIE	— Slovenski etnograf
SHASH	— Studia historica Academiae scientiarum Hungaricae, Budapest
ZISl	— Zeitschrift für Slavistik

СОДЕРЖАНИЕ

Дудко Д. М. Иранские элементы в славянском язычестве (история изучения)	3
Петренко Е. Н. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца	10
Дьяченко А. Г., Приходнюк О. М., Петренко Е. Н. Комплексы I тысячелетия н. э. из селища Занки (по раскопкам 1976 года)	26
Берестнев С. И., Любичев М. В. Новые данные о памятниках пеньковской культуры в бассейнах Северского Донца и Ворсклы	33
Дьяченко А. Г. О характере жилищно-хозяйственной архитектуры и планировке Донецкого городища в IX—начале X вв.	37
Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII—X вв. (часть I)	43
Шрамко Б. А. Хорошевское городище	50
Коваленко В. П., Сытый Ю. Н. Летописная Белавежа (к вопросу о локализации)	59
Сухобоков О. В. Некоторые итоги археологических исследований в Путивле	66
Шинаков Е. А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X—начале XIII вв. (этнокультурный аспект)	82
Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Древнерусское Семилукское городище XII—XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок (1984—1986 гг.))	93
Шатохин И. Т. Типология оборонительных сооружений юго-западного фаса Белгородской черты	106
Список сокращений	111

Археология
славянского юго-востока
Материалы к межвузовской научной конференции

Темплан 1989, поз. 52
Редактор Н. М. Дронова
Художник Л. Г. Лозовая.
Технический редактор З. Н. Городова.
Корректор И. И. Савкина.

Подписано к печати 14.03.91 г.
Формат 60×84/8. Усл. п. л. 14,0.
Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 500 экз.
Заказ 164. Изд. № 31.

Воронежский ордена «Знак Почета»
государственный педагогический институт.
394611, Воронеж, ул. Ленина, 86